

Министерство культуры Хабаровского края

Краевое государственное бюджетное
научное учреждение культуры
«Дальневосточная государственная
научная библиотека»

Федеральное государственное
бюджетное учреждение
«Хабаровский организационно-
методический центр
Дальневосточного отделения
Российской академии наук»

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Хабаровский государственный
институт культуры»

Научно-практический журнал
Издаётся с ноября 2007 года
(до сентября 2016 года
выходил под названием
«История и культура Приамурья»)
Выходит 2 раза в год

КУЛЬТУРА И НАУКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

научно-практический журнал

№ 1 (28) / 2020

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Воронов Борис Александрович
сопредседатель
(Хабаровский организационно-методический центр ДВО РАН)

Минакир Павел Александрович
сопредседатель
(Институт экономических исследований ДВО РАН)

Федосов Александр Вячеславович
сопредседатель
(министерство культуры Хабаровского края)

Березницкий Сергей Васильевич
(Институт народов Севера Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург)

Букреев Александр Иванович
(Ленинградский областной институт развития образования, г. Санкт-Петербург)

Иванченко Сергей Николаевич
(Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск)

Флиер Андрей Яковлевич
(Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, г. Москва)

Чебанюк Татьяна Алексеевна
(Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет)

Шейкин Юрий Ильич
(Арктический государственный институт культуры и искусств, г. Якутск)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор
Скоринов Сергей Нестерович

Заместители главного редактора
Бляхер Леонид Ефимович
Савелова Евгения Валерьевна
Филаткина Ирина Викторовна
Якуба Татьяна Юрьевна

Руководители направлений
Байков Николай Михайлович
Готного Александр Васильевич
Ярулин Илдус Файзрахманович
(Точка зрения)

Брейтман Александр Семёнович
Качанова Елена Юрьевна
(Социокультурная реальность. Кафедра. Персона)

Алепко Александр Валентинович
Дубинина Нина Ивановна
(Историописание. Наследие)

Шхалиев Рафик Шхалиевич
Салева Лариса Владимировна
Крюков Иван Владимирович
(Артефакт)

Завалишин Андрей Юрьевич
(Диалог культур и этносов)

Лысенко Светлана Юрьевна
Никитин Алексей Алексеевич
Шавгарова Анна Владимировна
(Художественная сфера)

Дробышевская Светлана Донатовна
Наумова Раиса Вячеславовна
(Библиография)

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-66926 от 25.08.2016.
ISSN 2542-1328 (Print)
ISSN 2541-8939 (Online), www.kulturanaukadv.ru

Издатель — КГБНУК «Дальневосточная государственная научная библиотека»
Адрес издателя:
680000, г. Хабаровск,
ул. Муравьёва-Амурского, д. 1/72
Тел. (4212) 32-72-20

© Краевое государственное бюджетное научное учреждение культуры «Дальневосточная государственная научная библиотека»

СОДЕРЖАНИЕ:

► **ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА**
Герои Победы 4
Кокорина Валерия Павловна

На острие битв и сражений 18
Филонов Александр Михайлович

Хабаровское «Окно плаката»
«Удар по врагу» 24
Аверина Анна Николаевна

Блокадный Ленинград 30
Салева Лариса Владимировна

► **К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЮРИЯ РЫТХЭУ**
Время Юрия Рытхэу 35
Кочнева Светлана Роисовна

► **К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА САНГИ**
Уникальный фонд 40
Красильникова Инга Валерьевна

Наш Санги 46
Нефёдова Галина Михайловна

► **К 155-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ТАНА-БОГОРАЗА**
Дело вечности 52
Кочнева Светлана Роисовна

► **ТОЧКА ЗРЕНИЯ**
Культура человеческой деятельности 58
Флиер Андрей Яковлевич

Клипель — участник боёв в составе Резервного, Калининского, 3-го Белорусского фронтов. Затем 39-я армия была переброшена на Дальний Восток, и В. И. Клипель воевал здесь в составе Забайкальского фронта по разгрому японской Квантунской группировки войск.

Плакаты «Удар по врагу» выпускала инициативная группа авторов, художников, поэтов, писателей, журналистов в порядке общественной нагрузки. Так, редактором-организатором являлся по совместительству председатель Хабаровского отделения Союза художников Д. Д. Нагишкин.

В 1996 году, по зову души оставив относительно благополучную Москву, положение и даже семью, Владимир Михайлович вернулся в родные места, в стойбище Улво на заливе Чайво. Как человек грамотный, думающий, читающий, он не мог обойти стороной нашу библиотеку. Так завязалась многолетняя дружба первого нивхского писателя и Ногликской районной центральной библиотеки.

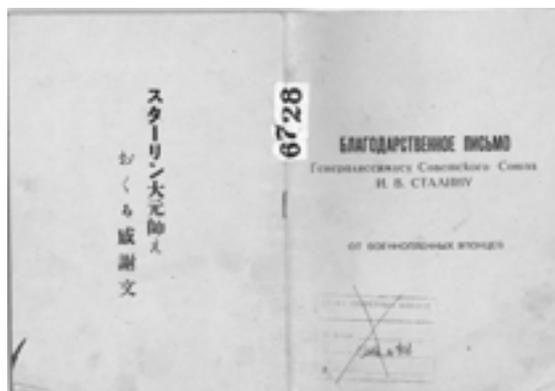
► ИСТОРИОПИСАНИЕ

Павшие герои Петропавловской обороны 1854 года..... 63

Гаврилов Сергей Витальевич

Некоторые страницы из истории лагеря № 16 УМВД по Хабаровскому краю для японских военнопленных 70

Плискина Валентина Николаевна

На ниве советского востоковедения: к столетию основания Государственного дальневосточного университета 76

Хисамутдинов Амир Александрович

► ПЕРСОНА

Владимир Санги: «Нужно исполнять свои желания» 85

► ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЭТНОСОВ

Лексически обозначенный интерес к потустороннему миру в русских говорах Приамурья..... 91

Приходько Виктория Константиновна

На земле не должно быть тесно языкам 95

Казачук Галина Ивановна

► ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СФЕРА

Перекрёсток творческих поисков художника Александра Михалевича 99

Шишкина Виктория Авенировна

Русская духовная музыка XIX века 106

Тринеева Инна Михайловна

В 2019 году Петропавловск-Камчатский отметил 165-ю годовщину героической Петропавловской обороны 1854 года. Библиография этого славного события отечественной военной истории обширна и постоянно пополняется. Но так уж вышло, что мы не знаем большинства имён наших павших воинов.

Обособленность от центральной России и отсутствие твёрдой власти создавали условия для самостоятельных действий, и интеллигенция, как прибывшая, так и местная, активизировала усилия по открытию высших учебных заведений. Уже в 1918 году во Владивостоке работали две инициативные группы: Дальневосточное общество содействия развитию высшего образования и Комитет по учреждению историко-филологического факультета.

Изучая архивные материалы Орловой, можно проследить практически все её экспедиции на Камчатку. Вот, например, фотографии из первой экспедиции — поселения коряков и ламутов, женщины и мужчины, дети. Ламуты танцуют танец «Норгали», а на обороте пофамильно записаны участники танца. Большое количество рисунков ламутов и коряков Тигильского, Усть-Камчатского и Большерецкого районов, собранные в 1926–1927 годах Е. П. Орловой.

► НАУЧНОЕ СООБЩЕНИЕ

Языковые особенности современного «клипового мышления» (на материале стихотворения Ф. Сваровского «Бедная Дженни») 113

Гасымов Эльдар Шафиаддинович

Развитие внешней торговли КНР с конца 1970-х до конца 1990-х годов 119

Ван Шифа (王世发)

► АРТЕФАКТ

От сельской учительницы до кандидата наук 122

Конышева Наталья Александровна

Археологические исследования на Дальнем Востоке 130

Година Тамара Сергеевна

Материалы по истории Северо-Восточной Азии в экспозиции Музея провинции Цзилинь 137

Постников Валерий Валентинович

► БИБЛИОГРАФИЯ

К истории издательской деятельности преподавателей инженерных специальностей в ГДУ, ДВГУ и ДВПИ (на материалах фонда редких изданий Научной библиотеки) 144

Баубекова Светлана Альбертовна

Информация для авторов 151

КОКОРИНА ВАЛЕРИЯ ПАВЛОВНА

ГЕРОИ ПОБЕДЫ

В статье приведены пять рассказов о пяти участниках Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Все они — жители г. Хабаровска. Как они попали на войну, кем служили, каким образом сложилась их мирная жизнь после Победы, рассказывают сами участники тех великих событий.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Победа, Сталинградская битва, Курская дуга.

Keywords: Great Patriotic War (Eastern Front (World War II)), Victor, Battle of Stalingrad, Kursk Bulge.

Юбилей Великой Победы мы встречаем прежде всего воспоминаниями о беспримерном подвиге советского народа. И неважно, кем были победители — военачальниками, офицерами, рядовыми... Общее дело, ради которого воедино сплотились люди разных национальностей и профессий, защищая Родину от врага, с самого начала войны называлось «Победой». Досталась она нелёгким путём. За четыре года наша страна сумела доказать свою непобедимость.

В числе тех, кто оказался в трудную минуту в войсках действующей армии, герои настоящей публикации. Мне посчастливилось узнать военную историю каждого из них.

Человек с большой буквы

В прошлом году, 9 мая, я, как обычно, шла в колонне бессмертного полка и старалась запечатлеть на свой фотоаппарат как можно больше хабаровчан. Отдавая дань победителям Великой Отечественной войны, горожане несли портреты своих героев, которые, выстояв, передали эстафету жизни потомкам и, главное, не растворились в людской памяти. Они в этот день шли вместе с нами в одной колонне.

Неожиданно мой взгляд остановился на портрете человека, давно и хорошо мне знакомого. Невольно задержавшись около супружеской пары, державшей этот портрет, я сделала снимок. Это был портрет Анатолия Алексеевича Константинова.

Уже дома, обрабатывая фотографии, вспомнила, что день 9 мая для этого человека многие годы был тройным праздником. Я не ошиблась, нет.

Ветеран Великой Отечественной войны, почётный гражданин Хабаровска, заслуженный деятель науки РФ, доктор

Анатолий Алексеевич Константинов. 9 мая 2018 года.

медицинских наук, полковник в отставке Анатолий Алексеевич Константинов 9 мая отмечал не только День Победы, но и свой день рождения, а также годовщину со дня рождения своей семьи: именно 9 мая 1953 года стала женой его единственная и неповторимая женщина — Идея Александровна. Об этом он рассказал мне годом раньше, в 2018 году, числа 11 мая, после того, как отсалютовали праздничные фейерверки, отзвенели тосты и поздравления в честь его 95-летия. Он сильно устал и поэтому, извинившись, отказался от встречи. Но и беседа по телефону была не менее интересной. И разговор наш, как оказалось, был последним...

В конце мая 2018-го его не стало. Но остались воспоминания об этом человеке с богатейшей фронтовой и трудовой биографией, сделавшего для нашей Родины, для нашего города столько хорошего и полезного, что подробного описания его жизни хватило бы не на один том увлекательного романа.

Анатолий Алексеевич Константинов родился 9 мая 1923 года в селе Заборье Брянской области. Ему не было и года, когда семья по переселению переехала на Дальний Восток в январе 1924-го. Рос как и большинство его сверстников того времени. Где-то недоедали, где-то недосыпали. Но с раннего детства мальчик был приучен к тяжёлой крестьянской работе, что впоследствии сказалось на его дальнейшей жизни и на фронте, и в послевоенной жизни. Родители приучили к труду и к самостоятельности, умению добиваться своей цели.

И кто знает, не перечеркни юношеских планов война, возможно, и осуществилась бы мечта Анатолия — непременно выучиться на специалиста в кондитерской промышленности.

— Молодёжь быстро выросла в те годы, — вспоминал Анатолий Алексеевич. — Ещё с пионерских лет мы сознавали гражданскую ответственность за судьбу своей страны. Гроза военная была ожидаема, поэтому в старших классах мы уже серьёзно готовились к защите Отечества. Занимались в оборонно-спортивных секциях, учились летать в аэроклубе и прыгать с парашютом, сдавали нормы ГТО, боролись за звание «Ворошиловского стрелка».

Правда, никто из старшеклассников тогда и представить не мог масштабов тяжёлой военной угрозы. Враг был уже давно определён. Германский фашизм чёрной тучей расплзался по Европе. И в том, что им, молодым, скоро придётся стать на защиту Родины, никто из одноклассников Анатолия не сомневался. Но они были оптимистами. Поэтому свято верили и в быстрый разгром врага, в случае войны, и совсем не рассчитывали на долгую, в несколько тяжёлых лет, фронтовую дорогу.

Последняя школьная весна, завершившаяся, как и положено, шумным выпускным вечером с прогулкой по ноч-

ным улицам Хабаровска, с утренним рассветом и мечтами о будущей взрослой жизни, не предвещала беды.

— Я как сейчас помню, 18 июня 1941 года в средней школе № 2 (ныне математический лицей) состоялся выпускной вечер. — Голос ветерана в тот момент наполнился грустью от давних юношеских воспоминаний. — «Путёвки в жизнь» получили ученики двух параллельных классов. В этот тёплый летний вечер будущее вставало передо мной радужно и ясно. Живо представлял себя вначале студентом, потом инженером, химиком-пищевиком.

На следующее утро выпускники, как оказалось, в последний раз были вместе. Прощаясь со школой, они заходили в каждый класс, что, по мнению моего собеседника, символизировало переход из детства в большую взрослую жизнь. И никто не предполагал, что всего лишь четыре дня осталось до событий, на долгие четыре года пламенем войны охвативших всю огромную страну.

Вечером 22 июня он вместе с другими хабаровчанами застыл у репродуктора на одной из городских улиц, откуда неслось страшное известие о вероломном нападении фашистов на нашу Родину. Речь Молотова была короткой и в то же время тревожной. Многие женщины, стоявшие рядом, плакали.

Ещё через пять дней пришла повестка — Анатолия Константинова призвали в армию.

— До 9 ноября 1941 года был матросом в дивизионе торпедных катеров Северной Тихоокеанской флотилии, дислоцировались в районе Советской Гавани. После — в действующей армии, в составе маршевой морской стрелковой бригады, — рассказывал он не торопясь.

В декабре 1941-го воздушный десантник Анатолий Константинов получил боевое крещение, защищая столицу Родины.

Он безошибочно перечисляет свой фронтовой путь под боевыми знамёнами 15-го воздушно-десантного корпуса, 40-й и 49-й гвардейских, 87-й Краснознамённой Перекопской стрелковых дивизий.

— С августа 1942-го — оборонял Сталинград. Тяжело нам приходилось, немцы ни снарядов, ни жизней человеческих не жалели. Бойцы называли дни тех боёв солдатскими университетами. Редко, кто год со мной рядом провёл. Месяц-два, и всё. Нас, «старичков», выживших в те страшные дни, было единицы. В батальоне почему-то «профессорами» называли.

Профессором-то я всё-таки стал настоящим. После войны, конечно. Вот только получается, для того чтобы перешагнуть порог института, мне вначале дано было испытание в виде жесточайших боёв, нужно было пережить гибель многих друзей, самому оказаться и раненым, и контуженым на госпитальной койке. После третьего за войну тяжёлого

ранения в обе ноги меня из медсанбата дивизии эвакуировали в тыл... В феврале 1945-го переправили во второе хирургическое отделение офицерского госпиталя Прибалтийского фронта, в местечке Погулянка, что в шести километрах от города Двинска в Латвии. Там же и Победу встретил.

Видимо, волнение от пережитого заново чувства перехватило ему дыхание, и Анатолий Алексеевич внезапно замолчал. Но быстро пришёл в себя и продолжал рассказывать уже более спокойным голосом:

— В четыре часа утра 9 мая мы крепко спали. Вдруг в палату врывается заместитель начальника госпиталя по политчасти. Никогда не забуду этого громкого, яростного какого-то крика: «Товарищи, война закончилась!»

Мы спросонья вначале ему не поверили. И в этот момент в Двинске раздалась залпы — всю палила зенитная артиллерия, а во дворе нашего корпуса автоматчики из роты охраны тоже открыли стрельбу. Поднялся такой шум, грохот, наш госпиталь внезапно ожил и зашумел: «Победа! По-бе-да!!!»

Мы обнимали друг друга, смеялись и плакали одновременно.

В одной из палат лежал капитан с травмой позвоночника на уровне поясицы — руки действовали нормально, а ноги не двигались. Он салютовал Победе пистолетными выстрелами в открытое окно, а потом долго безутешно плакал... Он понимал, что обречён на инвалидность до конца жизни...

А ему, Анатолию Константинову, предстояла долгая и интересная жизнь после войны. В Хабаровск он вернулся в ноябре 1945-го. И сразу же приступил к осуществлению своей давней мечты — получить высшее образование. Только слегка изменилась мечта. Видимо, война повлияла так, что помощь человеческому здоровью для него стала первостепенным делом всей жизни. Он поступил в Хабаровский медицинский институт. И нисколько не жалел об этом.

Учёба давалась легко, и уже студентом он был замечен преподавательским составом как будущее медицинское светило. Я не случайно употребила это слово. Вся дальнейшая жизнь Анатолия Алексеевича, положенная на восстановление здоровья человека, а проработал он в медицине 57 лет, доказала, что выбор был сделан правильный.

После института, в 1951 году, он не только преподавал, но и занимался научной деятельностью, изучал адаптогенное действие лекарственных растений из семейства лимонниковых и аралиевых. Уже в 1954 году успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Влияние китайского лимонника и женьшеня на тканевое дыхание». Результаты этих исследований нашли практическое применение в физиологии военного труда, были использованы при подготовке космонавтов к полётам. В 1957 году А. А. Константинов, уже в звании доцента, начал изучение одного из тяжёлых

заболеваний, эндемичных для Дальнего Востока, — геморрагической лихорадки с почечным синдромом (ГЛПС).

И это далеко не единственное его научное исследование. Анатолий Алексеевич Константинов защитил кандидатскую и докторскую диссертации, стал профессором.

Как учёный профессор Константинов известен не только на Дальнем Востоке, но и во многих вузах и НИИ других регионов России и республик бывшего СССР. Его работы вызвали интерес в Германии, Болгарии, Монголии, Польше, США, Японии и других странах.

Анатолий Алексеевич является автором книги «Хабаровск — мой город родной», изданной к 150-летию города Хабаровска. Таким образом, А. А. Константинов — старожил, доктор медицинских наук, профессор — решил своеобразно отметить юбилей своего родного города, издав книгу, в которой показал роль переселенцев Суражского уезда Черниговской губернии из большого рода Константиновых в строительстве, защите государства в годы Великой Отечественной войны и расцвете Хабаровска с 1902 года.

Анатолий Алексеевич — почётный гражданин Хабаровска (1993 г.), много лет возглавлял совет почётных граждан города, написал книгу о людях, которым присуждено это звание. Он, кстати, вообще написал немало — и научные медицинские труды, и биографические очерки, и советы по здоровому образу жизни, и даже сборник полезных дальневосточных рецептов.

С 1988 года основной научной темой кафедры биохимии, которую он возглавлял, стала «Витаминология и вопросы питания». Были разработаны рекомендации лечебного питания с целью профилактики атеросклероза, гипертонической болезни, заболеваний сердца, печени и почек. При этом особо была отмечена роль сои и продуктов её переработки в лечебном питании. Разработанные им рекомендации вошли в практику лечения многих заболеваний.

Им были разработаны рекомендации, имеющие практическое значение для профилактики заболеваний органов дыхания и пищеварения. Весомый вклад внёс он со своими учениками в вопросы курортологии.

Профессором А. А. Константиновым опубликовано более 180 работ, 12 научно-популярных книг. Среди них: «Женьшень и его братья», «Здоровье, отданное Бахусу», «Овощи и фрукты в питании человека», «Продукты моря у нас на столе», «Коварная молекула», «Лечебные свойства пчелиного мёда», «Дальневосточная кухня», «Домашний лечебник дальневосточника». Именно два последних издания мне удалось прочитать от корки до корки, что называется, на едином дыхании. Несмотря на отдельные специфические термины, читаются книги очень легко, да и полезного, при желании, можно для себя почерпнуть немало.

Самоотверженный труд профессора А. А. Константинова отмечен орденом Знака Почёта, в 1995 году указом Президента Российской Федерации ему присвоено звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», также он награждён почётной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР, медалями «За доблестный труд» и «Ветеран труда», знаками «Отличнику здравоохранения», «Высшая школа СССР. За отличные успехи в работе».

Получается, не только фронтовые подвиги (награждён орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды и Почёта, 14 медалями), но и плодотворный труд А. А. Константинова оценён по заслугам.

Анатолий Алексеевич прожил настолько удивительную и полнокровную жизнь, что её плоды ещё долго будут приносить несомненную пользу не только нам, дальневосточникам, но и всему научному миру, которому без остатка отдал весь свой потенциал наш земляк, воистину человек с большой буквы — Анатолий Алексеевич Константинов.

Гений воздуха

Лев Липович в годы войны (фотография из семейного архива наследников Л. Б. Липовича).

Лев Борисович Липович. 2016 год.

Как жаль, как нестерпимо жаль, что жизнь, данная любому человеку, непременно заканчивается. Особенно обидно, что годы не щадят умных, смелых, преданных Родине, выдающихся людей... Таких, к примеру, каким был наш земляк, хабаровчанин Лев Борисович Липович. Боевой лётчик, прошедший четыре войны минувшего столетия, имеющий в своём активе десятки тысяч часов нелёгкого лётного пути, дослужившийся до звания полковника. Ушёл в отставку в 1949 году, но не покинул авиацию. И только когда ему исполнилось 62 года, прочно обосновался на земле. Но, даже поменяв род занятий, до конца дней своих оставался верен любимому делу, которому отдана была вся его сознательная жизнь, — авиации.

— Я даже со своим днём рождения подгадал задолго до того, как 12 апреля был объявлен Днём космонавтики, — шутил он по этому поводу.

А родился Лев Борисович именно 12 апреля, правда, 1917 года. Когда его не стало (зимой 2017-го), он уже отметил свой столетний юбилей.

Даже среди ветеранов Великой Отечественной войны найти человека с такой насыщенной биографией, как у него, непросто.

Малая Родина — Крым, а если точнее — знаменитая курортная Евпатория. Ещё мальчишкой он в прямом

Лев Липович — курсант военно-морского авиационного училища (фотография из семейного архива наследников Л. Б. Липовича).

смысле заболел самолётами. В свои неполные 11 лет, когда учился в школе-интернате в Керчи, мечтал о том, что в один прекрасный момент поднимет в небо большую винтокрылую машину и полетит куда глаза глядят, навстречу ветру и солнцу. Решительности и упорства ему хватило на то, чтобы в этом возрасте переступить порог местного аэроклуба. И с каждым годом он всё сильнее влюблялся в небо. Поэтому неудивительно, что в 15 лет уже управлял планером, а

годом позднее самостоятельно взлетел на учебном одномоторном самолёте У-2.

После школы поступил в горно-металлургический техникум. Но и тогда не оставил он свою мечту об авиации. Когда исполнилось 20 лет, пришла повестка в армию.

— Я другой службы и предположить не мог, кроме как в авиации, — вспоминал он впоследствии. — Подготовка уже была приличная, поэтому в военкомате мне без лишних слов дали направление в военно-морское авиационное училище имени Сталина. Предстояло дополнительно освоить только военные дисциплины, поэтому училище я окончил досрочно. И в 1939 году лётчиком-наблюдателем с правом полёта на истребителе Ил-16 прибыл в часть для прохождения дальнейшей службы.

На этом и закончилась мирная жизнь. Полученные знания пришлось применять в самых настоящих воздушных боях — в 1939 году началась война с Финляндией. Пусть короткая, всего 54 дня, но была она, по мнению ветерана, как бы генеральной репетицией перед жестоким испытанием для всего Советского Союза — Великой Отечественной войной. Тогда за плечами молодого лётчика было уже 10 боевых вылетов, во время которых удалось сбить итальянский и французский самолёты.

— Уже тогда, в 1939-м, мы чувствовали, что воевать придётся не только с Германией, но и, пожалуй, со всей Европой. Это чувствовал весь лётный состав, об этом предупреждали нас и на политзанятиях.

Начало Великой Отечественной особенного удивления у лётчиков его части не вызвало. Поразило разве что веролом-

ство внезапного нападения — в воскресенье, рано утром, без объявления войны.

В годы Великой Отечественной лётчик-штурман Липович совершил 135 боевых вылетов. Немало было и таких, когда между жизнью и смертью он находился в считанных метрах и минутах. Вспоминал он об этом спокойно, без волнения. Оно, скорее, передавалось тем, кто находился рядом. А случаев таких за четыре года войны было предостаточно. К примеру, тот, едва не завершившийся гибелью отважного лётчика.

В 1942-м лётная часть, где служил уже в звании старшего лейтенанта Лев Борисович, базировалась недалеко от Мур-

Лев Борисович Липович на встрече с хабаровскими школьниками накануне годовщины снятия блокады Ленинграда. Музей воинской славы и патриотического воспитания (г. Хабаровск). Январь 2017 года.

манска. И оттуда пикирующие бомбардировщики, или пикировщики, как упрощённо называли их лётчики, вылетали на сопровождение караванов транспортных судов, везущих грузы для блокадного Ленинграда. Вначале под охраной английских самолётов, затем их сменяли наши лётчики. И вот однажды в конце полёта, когда штурман доложил о выполнении задания, самолёт случайно попал под обстрел советских зениток береговой обороны и загорелся. Из всего экипажа удалось спастись только Липовичу. Он упал в ледяную воду, но не утонул — помогло индивидуальное средство спасения. Несколько часов держался на поверхности, пытаясь добраться до берега. Когда стемнело, он уже не чувствовал ног.

Внезапно заметил перископ всплывавшей подводной лодки. «Немцы», — промелькнуло в угасающем сознании. Из последних сил он вытащил пистолет. Но решил немного повременить. И не зря. Это была советская подводная лодка. Моряки видели, как падал бомбардировщик, но днём не решились всплыть, чтобы не обнаружить себя. Судовой врач стал ритмично растирать обмороженные ноги, предварительно заставив лётчика принять внутрь полстакана спирта.

Сколько прошло времени, он не помнил, но в какой-то момент почувствовал, как нестерпимо загло ступни. Открыв глаза и застонав от боли, он увидел сквозь пелену улыбающееся лицо доктора. И понял, что ноги спасены.

В госпитале пробыл недолго. После выписки, несмотря на то что врачи рекомендовали отпуск для дальнейшего восстановления, попросту пренебрёг этими рекомендациями, а пришёл к комэску и отрапортовал о том, что в строй прибыл, к полётам готов, чувствует себя хорошо. Спорить с ним никто не стал, тем более что положение на фронте было тяжёлым, каждый лётчик в строю не был лишним. Старший лейтенант Липович прошёл строгую медицинскую комиссию и был допущен к полётам. Ему даже удалось поучаствовать на заключительном этапе битвы на Курской дуге, за что был награждён орденом Красной Звезды, который вручил ему маршал Г. К. Жуков.

И стал вновь продолжать свою войну с проклятым врагом Лев Липович. Он привозил в осаждённый Ленинград детали для танкового завода, который не прекращал работать ни на минуту. Он привозил одежду и продукты голодающим ленинградцам. И однажды даже на борт бомбардировщика были погружены ящики с мандаринами в качестве новогодних подарков для детей...

Детская тема — это ещё один из врезавшихся в память ветерана эпизодов Великой Отечественной войны.

Льву Борисовичу приходилось летать и во вражеский тыл к белорусским партизанам с продовольствием и боеприпасами. Однажды, возвращаясь с задания, после бомбёжки немецких тылов, экипаж его самолёта заметил на

лесной партизанской поляне костры, зажжённые в порядке, когда принимались самолёты с Большой земли. Лётчики удивились — встреча с партизанами не планировалась. Как назло связи с партизанами не было. Однако пилоты скорее интуитивно почувствовали, что партизанам нужна помощь. И тогда командир пошёл на риск, приняв решение совершить незапланированную посадку.

Когда приземлились, к самолёту подбежали партизаны. Они обратились к лётчикам с необычной просьбой — забрать на Большую землю группу еврейских мальчиков, которых отбили у фашистов. Детей вели на расстрел.

На раздумья времени не было совсем. И, несмотря на то, что бомбардировщик никак не был предназначен для транспортировки такого хрупкого груза, как дети (худые, оборванные, испуганные, с запавшими глазами, они стояли неподалеку и просто смотрели на лётчиков), экипаж принял решение.

— Я был штурманом на этом самолёте. Мальчишек было 13 человек. И мы рискнули. Десять человек обвязали парашютными стропами, пристроили на крюки в бомбовом отсеке, на которых до этого висели бомбы. А троих просто положили в кабине — в ногах у лётчиков. Летели едва ли не на бреющем, очень низко над землёй. Но дело было тёмной ночью, поэтому линию фронта пересекли без приключений и благополучно приземлились в своём расположении.

Кстати, уже после войны многих спасённых в ту ночь мальчишек он разыскал и долго потом общался с ними, с некоторыми даже удалось встретиться ещё раз...

Долгожданную Победу Лев Липович встретил в Польше. Германия повержена. Победа! К тому времени он считался непревзойдённым асом в своей части. И неудивительно, что его в составе лучших авиаспециалистов отправили на Дальний Восток. Началась короткая, но не менее кровопролитная война с Японией.

Здесь пикировщики Пе-2 помогали войскам освободить захваченные территории. А уже после капитуляции Японии дважды вылетали навстречу японской эскадре.

— Первый раз это были крейсер, четыре миноносца и более тысячи десантников, которые должны были захватить Владивосток, — память у Льва Борисовича цепкая, он в подробностях помнил все события многолетней давности. — Мы разгромили эскадру, потопили миноносец и уничтожили десант. А через день сражались уже с двумя крейсерами и четырьмя миноносцами. И вновь выполнили боевую задачу.

За эти бои майор Л. Б. Липович получил благодарность, подписанную Верховным Главнокомандующим И. В. Сталиным.

Однако и на этих событиях не закончилась его военная биография. И пусть немного знали люди об этой войне, только воздушные бои в Северной Корее были ничуть не

легче тех, что выпали на его долю на западе. Поэтому и демобилизовался он только в 1949 году; пробуравив воздушное пространство на четырёх войнах, налетал 36 тысяч часов.

Об этом же говорят и многочисленные — более 40 названий — награды ветерана. Среди них орден Красной Звезды, орден Отечественной войны I и II степени, медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За победу над Японией». При этом Лев Борисович не уставал повторять, что наши войска вели только освободительную войну и никогда не являлись захватчиками.

Демобилизация не стала поводом его прощания с авиацией. Аэрофлот нуждался в кадрах, и он согласно приказу министра обороны из кабины пикировщика Пе-2 пересел в кабину пассажирского Ли-2. Потом были Ил-12, Ил-14, Ан-10, Ан-12, Ил-18, Ан-24, Ан-26. В гражданской авиации он проработал без малого 30 лет.

А всего в общей сложности на его счету, за 47 лет, отданных небу, 9 миллионов километров воздушного пути. В последний раз за штурвал самолёта он взялся в 62 года. Держал его в руках и прощался с небом, как с товарищем, связанным с ним долгой и такой непростой дружбой.

Опустившись на землю, он не замкнулся в себе. Ну не такой это человек. Своими знаниями и опытом он щедро делился с молодыми лётчиками. Он был частым гостем в воинских подразделениях, в школах и других учебных заведениях. И надо было видеть, с каким вниманием следили молодые воины, студенты и школьники-подростки за его рассказами о своей военной молодости. Редкие встречи

с молодёжью укладывались во временной регламент. Слушатели буквально закидывали ветерана вопросами. И видно было, с каким удовольствием и, главное, со знанием дела рассказывает Лев Борисович, в составе боевого экипажа громивший захватчиков, посягнувших на свободу и независимость нашего Отечества, о самолётах, войне, людях, с которыми ему пришлось работать, служить, защищать Родину.

«Из пятерых радистов юных домой вернулись мы с подругой...»

Даже в возрасте, который в народе принято называть почтенным, Александра Антоновна Аксёнова выделялась какой-то особенной статью. Нетороплива. Спокойна. Строга. Чувствовалась в ней некоторая властность — видимо, сказывалась давняя военная закалка. Особенно это бросалось в глаза, когда она выступала на многочисленных встречах с молодёжью, с напутствием к призывникам, во время заседаний в ветеранских организациях. Однако при более близком знакомстве она оказалась и улыбчивой, и разговорчивой, со своеобразным юмором, в котором нередко проскальзывали словечки из её военной юности. При этом она извинялась, ссылаясь на то, что переделать себя в её возрасте уже не получится, а из песни, то есть из её воспоминаний, слов не выкинешь...

Последний раз мы общались с ней по телефону накануне Дня Победы, года два назад. Ей уже трудно было под-

Александра Анатовна Аксёнова (слева). Встреча со студентами Педагогического института ТОГУ накануне 9 мая 2016 года.

ниматься с постели, возраст и фронтовые болячки безжалостно делали своё дело. Поэтому единственным средством общения с оставшимися в живых друзьями, родными и просто знакомыми был поставленный у кровати телефон, по которому, к слову сказать, дозвониться к ней было не так-то просто, потому что многим (даже в таком положении) она была нужна. Дети справлялись о здоровье по несколько раз в день, пока были на работе, да и просто поболтать с подружками она была не прочь.

Когда я узнала, что Александра Антоновна больше не поднимет трубку и нам уже никогда не удастся с ней поговорить, стало очень грустно и к горлу подкатил

ком. Мелькнула мысль: «Ну почему они уходят от нас, эти замечательные люди, которым мы все обязаны сегодняшним днём? Победой обязаны, жизнью наконец своей тоже обязаны». И хоть знала, что ответа ниоткуда не будет, всё равно этот вопрос долго не давал мне покоя...

Село Елунино, где в 1923 году родилась девочка Саша, находится в Алтайском крае. Там она после семилетки работала в местной избе-читальне (библиотеке, по-нашему) на станции Шимановской. Когда началась война, на Алтай стали прибывать эвакуированные заводы, в том числе и бывший Харьковский тракторный, который там же в скоростном порядке был перепрофилирован в танкостроительный.

У девушки не было практически никакой специальности, но она попросилась работать на станцию. В её обязанности входила подача угля в местной котельной. А орудием труда служила обычная лопата. Только недолго пришлось ей оставаться при этом деле. Немцы рвались к Москве, а когда в результате были отброшены в начале зимы 1942-го, пошли в обход, сосредоточив войска на Сталинградском и Северо-Кавказском направлениях.

Значительная часть населения, в том числе и мужского, оказалась на занятых врагом территориях. Вот тогда приказом Главнокомандующего и был объявлен призыв в ряды Красной армии девушек и женщин.

Александра Антоновна вспоминала, что, когда она с четырьмя своими подругами пришла в Рубцовский военкомат, там было очень много народу. Парни и девушки, объединённые одним порывом — встать на защиту Родины, — писали заявления, уходили добровольцами на фронт. И уже через два дня подруги тоже получили повестки.

— Отправляли нас в Челябинск на учёбу, сказали, что будем связистами. А что это такое, мы и знать не знали, — вспоминала она. — Зато очень скоро поняли. Ну и повзрослели, конечно. Дело зимой было. Жили в продуваемом насквозь бараке. Печку приходилось самим топить, дрова по улицам искали. Иной раз сырые приволокём, растапливаем, а они не горят. Поплачем да прыгать начинаем, чтобы хоть чуточку согреться. Впятером друг к другу прижмёмся, у кого что было, накроемся и засыпаем. Удивляюсь я, вот как мы не заболели в том холоде.

А ещё они скучали по дому, особенно когда садились за стол, где зачастую супом называлась жиденькая похлебка со слегка подсоленной крапивой.

Через шесть месяцев отправка на фронт, на самую что ни на есть передовую линию действующей армии, как было зафиксировано архивными документами: «Андрюкова Александра Антоновна проходила службу в 969 отд. батальоне связи 63 СК с 15 июля 1943 г. (приказ № 09) по 20 июля 1945 г., в должности телефониста, в в/звании «ефрейтор»».

— Нарядили нас в новенькие гимнастёрки, сапожки, шинели. Так хотелось домой во всей красе появиться, перед односельчанами покрасоваться.

Но совсем в другую сторону предстояла им дорога. Туда, где рвались мины и снаряды, свистели пули, падали бомбы. Впереди был Сталинград.

Ей запомнились лишь отдельные эпизоды из огромного грохочущего кошмара, в котором главной задачей молодой девушки было обеспечение бесперебойной связью на командном пункте. И всё же она не без волнения рассказывала, как в блиндаж, из которого она вышла несколько минут назад, попала авиабомба, оставив после себя глубокую воронку. Она навсегда запомнила, как запаниковала, впервые услышав рёв орудийного залпа «катюши». Она видела, как вдалеке шли под конвоем высокие чины в немецкой форме.

И в Дом Павлова¹, который оборонялся 58 дней, она тоже заходила, правда, когда уже закончились бои и по улицам ходить можно было без опаски.

Свой вклад Александра Антоновна внесла и в ходе Мелитопольской операции 15 сентября 1943-го, когда освобождали от фашистов Мелитополь. Связистам было поручено охранять кабели связи от массивных ударов фашистских истребителей, уничтожать врага, тем самым содействовать нашим войскам в прорыве обороны противника.

И так получилось, что, находясь одна в окопе, она едва не стала добычей немецкого солдата, который собирался перерезать кабель связи. Девушка оказалась проворнее: схватив нож, она воткнула его в ногу фашиста. Тот от неожиданности закричал, чем привлек внимание наших солдат, что, собственно, и спасло Александру от гибели.

А ещё в её памяти отпечатались бои во время освобождения Крыма, фронтовые эпизоды в ходе форсирования Сиваша.

— Помню, работали мы в землянке по типу блиндажа. К бомбёжкам уже как-то попривыкли, но всё равно от жуткого воя падающей бомбы сжималось всё туловище. Вот тогда командир взвода и прокричал мне в самое лицо: «То, что ты слышишь, девочка, это не твоя бомба. Та, которая к тебе прилетит, не будет слышна. Запомни это». И ещё я видела, как мою напарницу на моих глазах разорвало шальной миной. А меня, видимо, ангел-хранитель спас.

Хотя точек горячих за всё её время на фронте сосчитать, наверное, не получится. Обеспечить командование переговорами — это ведь не только нахождение на КП, но и

¹ Дом Павлова (Дом солдатской Славы) — здание-памятник, 4-этажный жилой дом, расположенный на площади Ленина в Волгограде, в котором во время Сталинградской битвы в течение 58 дней героически держала оборону группа советских бойцов под командованием старшего лейтенанта И. Ф. Афанасьева и старшего сержанта Я. Ф. Павлова. В 1943 г. восстановлен одним из первых в городе.

восстановление прерванной связи под пулями и снарядами, чего она, конечно, не считала.

Волею судьбы, а скорее всего волею командования, в конце 1943 года корпус был переброшен в Прибалтику, освобождал Клайпеду, Каунас, Вильнюс, Ригу.

Последнее сражение, в котором участвовала Александра Антоновна, — взятие латвийского г. Приекуле 21 февраля 1945 года. А потом, до самого окончания войны, войска 63-го стрелкового корпуса поддерживали порядок в советской Прибалтике. Связисты находились в г. Либаве. Там же одной из первых узнала Александра Антоновна о Победе. И мгновенно растрезвонила об этом по связи.

— И чуть на расстреляли меня за это, — призналась она. — Я слышу по радию, как из Берлина нашему командиру по прямой связи сообщение пришло. Помню, что в голос закричала. А потом на улицу выскочила и ещё громче: «Победа! Победа!» Когда она вновь вернулась в комнатушку, где находился КП, трубка изрыгала жуткие проклятия в её адрес, из чего девушка только и сумела понять, что трибунала ей, такой-сякой, не избежать. Остолбеневшая от неожиданности, она вернула пару выражений продолжающей ругаться телефонной трубке. А потом, как бы очнувшись, заплакала. От обиды и от страха. Быть расстрелянной в такой счастливый майский день ей не хотелось.

Минут через пять вновь зажужжал зуммер. Она дрожащей рукой схватилась за телефон:

— Прости, дочка. С победой тебя, — донесся из чёрной мембраны подобревший голос старшины. И, рассмеявшись, тот добавил: — Не будет трибунала. Живи, детей рожай.

И началась стрельба. В синее небо полетели мирные, победные залпы. А она в этот момент задумалась о том, как будет жить в мирной жизни.

— У каждого уже были свои мечты. Позднее мы поняли величие нашей Победы. Но это было позже. А пока люди просто радовались и мечтали поскорее вернуться домой. — В эти простые слова она, казалось мне в тот момент, вложила частичку своей души и... радости, которую испытала в тот майский день...

А потом была демобилизация. Вернулась на родину. Там и узнала, что из четырёх подруг, с которыми уходила на фронт, только одна осталась жива.

Но самым главным для неё подарком была внушительная стопка писем, которые отдала ей мама. Одноклассник Гришка Аксёнов, в войну служивший на Сахалине, в каждом письме признавался в любви. Он ей тоже нравился. Поэтому и не стала в долгий ящик откладывать встречу. Уже через месяц отправилась на далёкий незнакомый дальневосточный остров. И зажили мирной жизнью. Там же и дети появились. А в 1967-м перевели мужа в Хабаровск.

Вот только неожиданная беда подстерегла счастливую и дружную семью. В 1969-м не стало Григория. Тяжело пере-

живала она потерю. Но рядом были дети, и ей никак нельзя было расслабляться. Человек твёрдой фронтовой закалки, она не опустила рук. А когда ей было особенно тяжело, доставала из заветного конверта фотографию мужа, и, как ей казалось, это помогало противостоять любым трудностям...

Она пошла работать не на самый лёгкий участок. Сначала трудилась в снабжении на железной дороге, экспедитором, затем на строительстве Байкало-Амурской магистрали, за что получила соответствующую награду — медаль «За строительство БАМа». Это уже трудовая награда. Она стала весомым дополнением к фронтовым наградам, которые украшали её пиджак, специально сшитый для торжественных случаев: медали «За освобождение Сталинграда», «За освобождение Крыма», «За освобождение Севастополя», «За боевые заслуги» и орден Отечественной войны II степени.

Но всё же главное звание, которое с гордостью носила Александра Антоновна Аксёнова всю свою послевоенную жизнь, — звание ветерана Великой Отечественной войны. И, несомненно, память об этой женщине, как и о тех, кто одержал победу в Великой Отечественной, никогда не изгладится в истории нашего народа.

Сталинградской землёю крещёная

Александра Георгиевна Логинова.
9 мая 2018 года.

Когда, лет 15 назад, я узнала, что в хабаровском клубе «Фронтовичка» есть бывший санинструктор, то очень заинтересовалась этим фактом. Так получилось, что за всё время моего общения с ветеранами-фронтовиками ни разу героями моих публикаций не были ни врачи, ни медсёстры, ни тем более санитары, которым

приходилось на себе вытаскивать раненых с поля боя. Об Александре Георгиевне Логиновой узнала от самого близкого мне человека — мамы. Их познакомила и объединила «Фронтовичка» и, конечно, общие воспоминания о далёкой и

тревожной молодости. Но не менее важным был факт участия обеих в Сталинградской битве. Они нередко встречались в своём клубе, а когда здоровье стало пошатываться, главным связующим звеном в их общении стал телефон.

Два года назад, когда страна отмечала 75-летие Сталинградского сражения, я побывала в гостях у ветерана. По-домашнему, уютно расположились мы втроём на небольшой кухне. Дочь, моя тёзка, накрыла стол к чаю. А затем мы с помощью нашего дорогого ветерана перенесли на 75 лет назад, в её молодые годы, опалённые военным пожаром...

В самом страшном сне не могла увидеть хрупкая тоненькая семнадцатилетняя девчонка из подмосковного городка Коломны, какое испытание ждёт её в ближайшем будущем на фронтовых дорогах Великой Отечественной. И уж, конечно, не предполагала, что станет она обладателем заслуженных наград, которые до сих пор бережно хранятся в платяном шкафу на строгом пиджаке. Его Александра Георгиевна надевает в самые торжественные дни — на День Победы, на встречи с однополчанами, когда приглашают её в гости школьники и студенты местных учебных заведений. У Александры Георгиевны наград немало, и среди них — орден Отечественной войны II степени и медаль «За победу над Германией».

— Ни я, ни мои подруги о медалях не думали, — как-то буднично и просто говорит она. — Родина была в опасности, и мы должны были её защитить любой ценой. Это не громкие слова, так мы были воспитаны.

Воспоминаниями она делится щедро, память сохранила многое из тех времён.

— Я была школьницей, училась в 10-м классе, когда началась война, — рассказывает Александра Георгиевна. — 22 июня 1941-го... Мы, дети ведь ещё, не понимали, что это самый страшный день в нашей жизни.

Собрались компанией на речку, купаться. Но не добежали. По радио сообщение пришло — война началась. И тогда всей гурьбой мы отправились напрямик в школу. Учителя были очень подавлены. Нам в приказном порядке велено было каждое утро приходить в школу и никуда не уезжать.

Так прошло лето. Известия с фронта приходили одно тревожнее другого. С сентября по ноябрь 1941 года старшеклассники рыли противотанковые рвы на направлении Москва — Рязань, чтобы в сторону столицы не прошли немецкие танки. Коломну не бомбили — немцы предусмотрительно берегли для своих нужд местную городскую промышленную базу.

А девушки стали учиться. Но не в школе, а в составе Красного Креста на санинструкторов. Учились оказывать первую медицинскую помощь раненым, эвакуировать их в безопасное место. По-пластунски ползать и стрелять тоже учились.

Эти навыки очень скоро пригодились. Окончание курсов было завершено повесткой в действующую армию. Вначале был Московский эвакогоспиталь 5114, который переоборудовали в здании академии имени Фрунзе. Сюда везли раненных в боях под Москвой. Сначала девушки выполняли несложные обязанности: готовили перевязочный материал, кормили и поили раненых, приносили судна, водили на перевязки ходячих. Ожесточённые бои под Москвой для юных медицинских сестёр стали первым и, к сожалению, большим практическим полигоном, где они набирались опыта. На носилках, а то и на простынях девчонки вчетвером перетаскивали бойцов в палаты, затем раздевали, мыли, готовили к операции.

То, что увидела Александра в первые дни своей работы, до сих пор без содрогания не может вспоминать. Без рук, без ног, с развороченными животами... И кровь. Очень много крови, от запаха которой кружилась голова и подкатывала к горлу тошнота. Случалось, что она не выдерживала этого запаха и выскакивала на улицу, чтобы хоть немного глотнуть свежего воздуха. А потом снова возвращалась туда, где ждали её помощи раненые солдаты.

Так продолжалось недолго. Вскоре, когда немцы после неудачи под Москвой пошли в обход, пытаясь захватить Сталинград, госпиталь перебазировался на границу со Сталинградской областью. В октябре 1942 года юная медсестра оказалась на самой линии фронта, в штабной батарее 14-го стрелкового корпуса 64-й армии, которая в то время находилась в чрезвычайно жёстких условиях, там велись очень тяжёлые бои.

Стоит ли говорить, что раненых бойцов необходимо было вытаскивать с передовой как можно быстрее. Сложно представить, как тянули волоком солдат хрупкие девчонки, которые должны были вдобавок тащить на себе и оружие раненого бойца.

Сколько их было, ждущих её помощи. И главным позывным для девушки стал надолго запомнившийся крик: «Санитара сюда!», что означало о срочной необходимости её присутствия там, на месте. Сколько было этих криков? В дождь, в слякоть, в мороз, навстречу верной гибели ползла она со своей тяжёлой санитарной сумкой, набитой медикаментами.

Но, как оказалось, самое страшное поджидало в середине ноября 1942-го. С 19 ноября Александра оказалась в самом центре событий, ещё не зная, что именно они стали переломным этапом всей войны.

— Вот тут я действительно поняла, что такое война, — прихлёбывая остывший чай, произносит она. — Вся центральная площадь объята пламенем... Грохот разорвавшихся снарядов во время непрерывной бомбёжки, страх оттого, что ты не знаешь, где укрыться, и вот-вот в тебя угодит

вражеский снаряд, а то и бомба. Кромешный ад, горят жилые дома, горят промышленные предприятия, заводы. И отовсюду доносятся стоны и крики раненых и умирающих.

Когда же стихала канонада, вместе с двумя бойцами я старалась быстрее добраться до раненых. Перевязывала, подсаживала на машину, чтобы отправить в госпиталь. А кому-то и просто закрывала остекленевшие глаза. Всё было. Зимой медикам приходилось сталкиваться с обморожениями конечностей. На степной равнине пехоте зачастую негде было обогреться, и спали, и ели в окопах. Землянка считалась роскошью.

Однажды во время такого затишья вернувшиеся разведчики сообщили, что где-то неподалёку находятся раненые немцы. С двумя бойцами она отправилась на поиски. Но про себя твёрдо решила, что перевязывать немцев не будет.

У пригорка сидели нескольких человек. Увидев русских солдат, заговорили на непонятном языке. Затем на ломанном русском ребята услышали: «Мы — венгры, венгры». Особой помощи им не понадобилось. Раненые были перевязаны собственными силами. Никакой агрессии с их стороны не было. Автоматчик, сопровождавший санитаря, в сердцах сказал: «Какого же чёрта вы сюда пришли?» А она, в свою очередь, глядя на этих беспомощных людей, сквозь зубы прошипела: «Что привело вас на нашу землю? Вкус чужого каравая?» Александра Георгиевна впоследствии говорила, что почему-то не испытывала к пленным ненависти, как, впрочем, и жалости. Ведь венгры тоже были врагами. Кстати, кроме немцев и венгров в боях под Сталинградом в плен нередко попадали румыны, хорваты, итальянцы, почти вся Европа с нами воевала.

— Мама, ты расскажи про находку разведчиков. Помнишь, как вас потом немецкие мази выручали? — подсказывает дочь, Валерия Владимировна.

— Ой, да уж сколько раз вспоминала, — отмахивается хозяйка. — Ну, слушайте.

— Однажды разведчики привезли трофейный ящик из-под патронов. Там оказались медицинские инструменты и препараты. Разбирая содержимое, я обратила внимание на то, что все упаковки различных мазей и порошков были крупных размеров, а резиновые жгуты диаметром с мою руку. Оказалось, трофеи были взяты из расположения немецкой кавалерийской части. Часть из них как дезинфекционные средства, да и мази тоже, пригодилась и нашим солдатам, с медикаментами у нас в тот момент было туго...

В феврале 1942-го закончилась Сталинградская битва, но война продолжалась... Кстати, стрелковый корпус, в котором воевала наша Александра Георгиевна, после боёв под Сталинградом стал гвардейским и был переименован в 27-й гвардейский стрелковый корпус. К слову сказать, этот корпус бился с фашистами в легендарном сражении на Курской дуге.

А для санитарного инструктора Александры Логиновой военная служба вскоре сменилась на гражданскую. В очередной раз, когда пришлось вывозить раненых в Подмоскowie, ей дали пять дней на дорогу и на то, чтобы побыть дома. Но когда она в военкомате доложила о выполнении задания, начальник категорично заявил, что теперь служить ей придётся в гражданском госпитале в родной Коломне. Кроме того, она также работала статистом в комендатуре, заполняла листки прибытия и убытия на фронт. И здесь же встретила известие о долгожданной победе.

— Это был какой-то безумно-радостный день, 9 мая. Ясный, светлый, пронзительно-синий, безоблачный день. Все выскакивали на улицу. Стрельба шла из всех орудий. Казалось даже, что всё вышло из строя и палило само по себе. Люди повсюду кричали: «Победа! Победа! Братцы, победа! Мы живы!»

И ещё она добавила, что каждый год празднования Дня Победы напоминает ей о том, какой ценой она досталась.

Окончание войны для неё означало и обязательную, она в этом не сомневалась, встречу с мужем. Ведь в 1944 году она вышла замуж за бравого лётчика-истребителя Александра Логинова. Но ожидание затянулось на целых два года. Александр только в 1947 году вернулся из Чехословакии.

Александра Георгиевна Логинова.

Здесь ей 23 года.

Фотография сделана после войны (из семейного архива А. Г. Логиновой).

Гражданских профессий у них не было, да и с работой в послевоенном Подмоскowie было сложно. Поэтому, когда мужу предложили поднимать авиацию на Дальнем Востоке, время на раздумья тратить не стали.

Она поступила и блестяще окончила институт гражданской авиации и стала работать в хабаровском аэропорту диспетчером.

А муж после небольшой переквалификации, во время которой пришлось полетать даже на «кукурузнике», через непродолжительное время занял кресло командира экипажа Ту-104. К сожалению, вот уже сорок лет, как его не стало. И хоть боль утраты с годами притупилась, Александра Георгиевна, вспоминая свою любовь, грустно говорит, что с двумя Александрями в их квартире было бы веселее.

Время не стоит на месте. И пришёл день, когда она стала называть себя пенсионером, что отнюдь не предполагало замкнутого в четырёх стенах пространства и долгого сидения у телевизионного экрана.

30-летний опыт работы в диспетчерской службе Дальневосточного управления гражданской авиации просто не позволил ей отречься от общественной деятельности. Она успешно реализовала свой опыт общения с людьми в роли председателя городского клуба «Фронтовичка» и долгое время, пока позволяло здоровье, была наставником молодёжи, сохраняя лучшие традиции фронтового братства и нравственно-патриотического воспитания молодого поколения. И эта деятельность была по заслугам оценена. В её домашнем архиве помимо фронтовых наград хранится немало почётных грамот от Законодательной Думы, от губернатора Хабаровского края, от мэра г. Хабаровска и, конечно, от руководства Хабаровского объединённого авиаотряда.

4 апреля ей исполнилось 96 лет. Шалит здоровье, и поэтому на улицу она уже выходит нечасто, больше по дому, здесь как-то надёжнее.

— Я хорошую жизнь прожила, — подводит она итог нашему разговору. — Под пулями была. Судьба пощадила. Жива осталась. Знаю, что такое настоящая любовь. Всегда любила свою семью. И Родину любила. И таких, как я, немало.

«Сам Жуков попросил нас побеждать...»

Впервые я увидела Бориса Аркадьевича Кожевникова, когда пришлось сопровождать его на одно из праздничных мероприятий накануне Дня Победы в 2016 году. Машина подкатила к подъезду чуть раньше назначенного срока, а ровно в 12:00 из указанного подъезда вышел среднего роста военный в парадной форме. И, несмотря на возраст, а к тому времени ему уже исполнилось 94 года, он чётким шагом подошёл к нам, самостоятельно сел на переднее сиденье, поздоровался со всеми.

«Интересно, — почему-то подумалось мне в тот момент, — если бы не форма, выглядел бы он так же браво и уверенно?..»

И как оказалось впоследствии, гражданский костюм ничуть не прятал военной выправки кадрового военного, артиллериста, прослужившего в армии более сорока лет, прошедшего горнило Великой Отечественной войны, ушедшего в отставку в звании полковника в 1981 году. И многочисленные награды, самые что ни на есть боевые, по словам их владельца, — доказательство его огромной преданности Родине. За боевые заслуги в разные годы Борис Аркадьевич Кожевников получил более чем тридцать наград, в том числе орден Красной Звезды, орден Отечественной войны I и II степени, медаль «За победу над Германией в Великой

Борис Аркадьевич Кожевников на встрече со школьниками, приуроченной к 120-летию со дня рождения Г. К. Жукова. Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова. Декабрь 2016 года.

Отечественной войне 1941–1945 гг.», общественный орден «Победа», Всероссийский знак «Патриот России», ему был присвоен почётный знак Хабаровского края «Заслуженный ветеран». Об истории своих орденов он не раз рассказывал молодому поколению во время многочисленных встреч в школах, лицеях, техникумах и институтах, куда его часто приглашали, особенно в дни, связанные с событиями Великой Отечественной войны. И надо отметить, что зал затихал, забывал о времени, слушая ветерана. Даже самые непоседливые подростки умолкали, когда он делился своими воспоминаниями о том, что пришлось испытать и увидеть ему, молодому солдату, во время боёв. А испытать пришлось немало. Чего стоило многодневное Прохоровское сражение, которое в истории Великой Отечественной известно, как Курская дуга.

Борис Аркадьевич с волнением вспоминал всегда о том, как накануне сражения к ним обратился командующий Георгий Константинович Жуков.

— Он не приказал, а именно попросил солдат и офицеров сделать всё возможное, чтобы победить, — вспоминал ветеран. — Он не требовал, нет. Но после его короткого и проникновенного выступления, где каждый, кто стоял в этот момент в строю, чувствовал, что мы не можем, не должны уступить врагу в этой битве. Хотя мы и понимали, что битва эта может оказаться последней для любого из нас. И ещё понимали, что мы просто не имеем права отступить.

Сам же приказ звучал так: «...не наступать, а в оборонительных боях разгромить немцев и окончательным ударом согнать его с нашей земли».

К тому времени с апреля 1943-го он уже был младшим лейтенантом, командиром взвода зенитно-пулемётной роты армейского зенитно-артиллерийского полка 6-й гвардейской армии Воронежского фронта. Зенитчики прикрывали соединения армии при танковом сражении под Прохоровкой. В том сражении с обеих сторон участвовало одновременно 1 200 танков.

— В битве тяжёлых грозных военных машин, когда всё взрывалось и горело, казалось, что мы попали в самую настоящую преисподнюю. На земле смерть бесновалась со всех сторон. Спрятаться — означало струсить. Сверху сражались наши лётчики, не давая фашистским самолётам бомбить наши позиции. Представьте, летят самолёты, движутся танки, стреляют наши зенитки, сбивая самолёты со свастикой на крыльях. А за тем, что взрывалось и гибло в этих боях, было солнце. Но его почти не было видно: всё в тумане и пыли, летели брёвна, гибли люди, падали самолёты. Противник большие надежды возлагал на свои новые танки «Тигр» и «Пантера», самоходные орудия «Фердинанд», на свою авиацию. Но гвардия выстояла. Атаки немцев захлёбывались одна за другой.

В сражении под Прохоровкой взвод Кожевникова сбил три самолёта противника.

Но исход битвы был уже предreshён 12 июля. Гитлеровская операция «Цитадель» по прорыву обороны советских войск и их окружению потерпела крах. В десятидневном оборонительном сражении Советская армия проявила свои лучшие качества, массовый героизм, храбрость, железную волю к победе. Была твёрдая уверенность в том, что враг обязательно будет изгнан с нашей земли и побеждён.

Голос рассказчика в тот момент наливался какой-то особенной силой, он буквально звенел, приковывал к себе внимание. И все, кто слушал ветерана, боялись шелохнуться. Чувствовалось, что он снова и снова переживает жестокие дни Курской дуги, когда неба не было видно из-за вздыбившейся от снарядов земли, когда чернотой застилало глаза и терялся ориентир. Когда не было времени не то, что на отдых, на то, чтобы перекусить или хлебнуть воды.

Но и здесь его память выхватила один из ярко запомнившихся неожиданных эпизодов того сражения:

— Я видел, как загорелся немецкий танк, а из него с криком вывалился горящий танкист. Смотрю, бежит к нему наш пехотинец. Командир кричит: «Иван, куда?» А тот отвечает: «Человек же горит!» В этом, наверное, и заключается сила характера нашего народа. Никогда наш солдат не уничтожал безоружного, хоть и врага, не расстреливал женщин и детей, как делали это фашисты. И я уверен, что тот немец потом был благодарен за своё спасение.

Прохоровское сражение запомнилось Борису Аркадьевичу ещё и потому, что к концу он получил тяжёлые ранения в обе ноги. И только чудом удалось спастись от верной гибели. Далее был госпиталь, где врачи не только вытащили из ног многочисленные осколки, но и сохранили молодому офицеру способность вернуться в строй. Выздоровление и возвращение в свою дивизию совпали с мощным наступлением Советской армии. Впереди ждали освобождения от немецких захватчиков такие города, как Белгород, Витебск, Полоцк, блокировка Курляндской группировки.

В августе 1943-го 6-я гвардейская армия вошла в состав Прибалтийского фронта, который освобождал Белоруссию, где на долю бойцов и офицеров тоже выпало немало испытаний на прочность. Тогда, летом 1944 года, взвод теперь уже старшего лейтенанта Кожевникова прикрывал 1-й батальон 44-й мотострелковой бригады, которая действовала с танковым корпусом при прорыве обороны противника. В районе Рогозина взвод сбил «Юнкерс-87».

Борис Кожевников на одной из встреч с подрастающим поколением в преддверии Дня Победы. 2017 год.

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

Окончание войны он встретил в Прибалтике, в городе Либаве. Там была окружена большая группировка немецких войск, которые, чувствуя неизбежный крах, дрались жестоко и отчаянно.

Когда наступила долгожданная Победа и отгремели салюты, полк был переброшен в немецкий город Галле. Но только в 1950 году Борис Аркадьевич вернулся на родину, после чего был переведён в зенитно-артиллерийский полк города Свободного Амурской области. Так он оказался на Дальнем Востоке. А с 1955 года служил уже в Хабаровске, в 1-й отдельной армии ПВО. Военная служба закончилась в 1981 году, когда он в должности заместителя начальника штаба армии был уволен в запас.

И почти сразу включился в общественную работу. В 1987 году его избрали председателем совета ветеранов 1487-го зенитного артиллерийского полка (зенап). В 2001-м он стал заместителем председателя Хабаровского городского

комитета ветеранов войны и военной службы, через шесть лет — председателем этой общественной организации.

В 2015 году Кожевников был выбран почётным гражданином Хабаровска. И всё это время, до самого последнего вздоха, он вёл общественную и патриотическую работу в войсковых частях, образовательных учреждениях, музеях, музейных комнатах школ, учреждений среднего и высшего образования, домах ветеранов, дворцах культуры, библиотеках.

Закончить этот материал мне бы хотелось напутствием нашего дорогого ветерана, с которым он не раз обращался к молодёжи: «Смело опирайтесь на опыт старшего поколения, живите по совести и чести, дорожите дружбой. Пройдут годы, изменится мир и наш город. Позабудутся пережитые невзгоды, появятся новые книги, появятся новые площади и улицы, и засверкают в бронзе новые имена. Сохраните народную святыню — память о Великой Отечественной войне!»

*Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 16.04.2020.*

Сведения об авторе: Кокорина Валерия Павловна, журналист, секретарь комиссии по патриотическому воспитанию молодёжи Хабаровского городского совета ветеранов (г. Хабаровск).

Контактные данные: тел. 8-914-209-80-64.

ФИЛОНОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

НА ОСТРИЕ БИТВ И СРАЖЕНИЙ

В статье через призму военной биографии известного дальневосточного писателя Владимира Ивановича Клипеля (1917–2011) автор показал, как через увеличительное стекло, ряд ключевых моментов Великой Отечественной войны с целью призвать ныне живущих помнить ратный подвиг своих дедов и не забывать историю своего Отечества.

Ключевые слова: Владимир Клипель, Великая Отечественная война, город Калинин, Ржев, Москва, Порт-Артур, дальневосточный писатель, Великая Победа, почётный гражданин города Хабаровска.

Keywords: Vladimir Klipel, Great Patriotic War (Eastern Front), Kalinin city, Rzhev, Moscow, Port Arthur, Far Eastern writer, Great victory, honorary citizen of the Khabarovsk city.

Знаковая дата — 75-летие Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945) и разгрома милитаристской Японии — диктует необходимость нового уровня оценки итогов Второй мировой войны. В этой связи 2020-й год в Российской Федерации Указом Президента РФ В. В. Путина от 8 июля 2019 года объявлен Годом памяти и славы.

Уходит в даль времени Великая война. Навеки она вписана в нашу память как Отечественная. Не уменьшается в памяти, как следовало бы по законам исторической ретроспективы, а, напротив, растёт величие этой исторической горестной вехи...

Около ста тысяч хабаровчан участвовали в сокрушительном разгроме немецко-фашистских захватчиков и японских милитаристов на полях сражений этой войны. Память о них достойно увековечена в камне, металле, книгах... Вклад Хабаровска в защиту Отечества высоко оценён присвоением государственного почётного звания «Город воинской славы».

В рамках этой статьи рассмотрим ратный подвиг нашего земляка Владимира Ивановича Клипеля (1917–2011), участника трёх войн, заслуженного работника культуры РСФСР, члена Союза писателей, почётного гражданина города Хабаровска с 22 мая 1995 года.

Родился В. И. Клипель в семье кузнеца 15 (28) июля 1917 года на станции Ин Дальневосточной железной дороги (ныне пос.

Владимир Клипель, 1941 год.

Смидович Еврейской автономной области). После семилетней школы работал в топографической партии, чертёжником, заведующим метеорологической станцией.

В 1936 году поступил в Свердловское художественное училище, с 4-го курса призван на военную службу. Уже зимой 1940 года принимал участие в войне с Финляндией.

С июля 1941 года он — в действующей армии на фронтах Великой Отечественной войны. В 1942 году В. И. Клипель окончил двухмесячные офицерские курсы и в звании лейтенанта занял должность помощника начальника штаба стрелкового полка по разведке.

Клипель — участник боёв в составе Резервного, Калининского, 3-го Белорусского фронтов. Затем 39-я армия была переброшена на Дальний Восток, и В. И. Клипель воевал здесь в составе Забайкальского фронта по разгрому японской Квантунской группировки войск.

За боевые заслуги гвардии майор В. И. Клипель награждён орденами Красного Знамени (два), Красной Звезды,

Отечественной войны I степени (два), Отечественной войны II степени, 12 медалями [4, с. 213].

Владимир Клипель — известный дальневосточный писатель, краевед, художник-пейзажист, большой знаток дальневосточной природы.

Широкую известность ему как писателю принесли его романы о войне: «Медвежий вал» (1956), «Испытание на верность» (1977), «Однополчане» (1984), «Солдаты Отечества» (1985), биографическая повесть «Исповедь» (1995). Он также автор книг о богатой природе Хабаровского края — познания о ней писатель приобрёл в ежегодных странствиях по таёжным маршрутам. «Дебри», «Улыбка Джугджура», «Край чёрных соболей», «Лесные узоры», «Попутчики» и другие книги В. И. Клипеля давно завоевали признание читателей. В этих повестях и очерках присутствуют энциклопедические знания, заслуживающие доверия и уважения. Автор много лет занимался живописью, резьбой по дереву, в этом он видел источник радости и вдохновения.

В. И. Клипель выполнял оформление и иллюстрировал книги для Хабаровского книжного издательства: «Строговы» Г. М. Маркова (1951), «На одной параллели» Е. Резцовой (1953), «Золотой рог» М. М. Пришвина (1955) (совместно с В. В. Васильевым), «Малиновый просвет» А. А. Гусева (1958) и других.

Во время экспедиционных поездок и путешествий по Дальнему Востоку Владимир Иванович выполнял акварелью и маслом пейзажные зарисовки и этюды, посвящённые природе Приамурья. Со второй половины 1960-х занимался резьбой по дереву, выполнил медальоны «50 лет Комсомольску-на-Амуре», «Писатель Н. Д. Наволочкин», барельефы «Первопроходец», «Писатель Джанси Кимонко», плакетку «Искатель женьшеня». Выставка его работ состоялась в 1990 году в Хабаровске.

Со временем цепкая память, острый взгляд художника и навыки топографа сделали В. И. Клипеля очень востребованным офицером в штабе армии.

Вот некоторые эпизоды его боевой биографии.

Наш земляк В. И. Клипель в июне 1941 года служил в 119-й стрелковой дивизии в глубоком тылу в Сибири — в г. Канске. С началом Великой Отечественной войны дивизия убыла на фронт.

Из послужного списка известно о его участии в боевых операциях в начальном периоде Великой Отечественной войны.

С июля по октябрь 1941 года воевал в составе Резервного фронта. С октября 1941 по апрель 1944 года — в составе Калининского фронта.

С 7 июля 1941 года 119-я стрелковая дивизия была выдвинута на оборонительный рубеж в направлении главного удара немецко-фашистских войск на Москву группой армий «Центр». Под тяжёлыми ударами врага наши войска откатывались к востоку. Здесь, недалеко от города Белый, тяжёлый

осколок плашмя ударил Клипеля по бедру. Раны не было, но нога стала как бы чужая. Несколько часов пришлось отлёживаться, а когда солнце начало клониться к закату, выяснилось, что он остался в окружении. Семнадцать дней рядовой Клипель выходил из окружения, с ним шли двое офицеров и четверо солдат. «За все это время съел одну картошку и выпил стакан молока. Пробовал жевать кленовые листья, но ни разу не смог проглотить. Ягод и грибов не попадалось. Оголодали страшно. Последние три дня шли через болота, так называемый Свитский Мох. Шесть километров преодолели за три дня, так ослабли. Отощал настолько, что через пупок прощупывал позвоночник, зато ноги распухли. Но оружие вынес, вышел сам и вывел товарищей». Семнадцать дней без пищи и в условиях смертельной опасности! [9, с. 50–51]

Здесь невольно, кроме восхищения его мужеством, зададимся и вопросом: откуда у него такие навыки и стойкость к невзгодам? На наш взгляд, многое было приобретено в ходе работы в топографической партии. Умение ориентироваться на местности — первейшее дело топографа. Помогла также сельскому пареньку непритязательность к комфорту и привычка к самоограничению.

За этим подвигом рядового Клипеля долгое время скрывалась тайна начального периода Великой Отечественной войны.

22 июня 1941 года хрупкую предрассветную тишину на западной границе СССР взорвали залпы десятков тысяч орудий. Полностью мобилизованная и вооружённая до зубов гитлеровская армада в считанные часы смяла оборону дезорганизованных бригад, дивизий и целых корпусов Красной армии. Удар фашистских войск оказался настолько силён, а наступление — столь стремительно, что уже на шестые сутки после начала войны танки генерала Г. Гудериана грохотали гусеницами по центральной площади столицы советской Белоруссии — Минску.

Существенную роль в том первом успехе вермахта сыграли разведывательно-диверсионные подразделения Абвера, прежде всего полк специального назначения «Брандербург-800», насчитывавший в своём составе несколько тысяч отборных головорезов. Наряду с ним при основных военных группировках действовали четыре оперативные команды численностью 600–700 человек. Они были оснащены передвижными средствами связи, легковыми, грузовыми, специальными автомобилями, мотоциклами, в том числе и советского производства.

Помимо этих элитных спецподразделений широко использовались многочисленные диверсионные отряды, сформированные из числа украинских, белорусских, прибалтийских националистов и белоэмигрантов. Большинство их участников прошло «обкатку» в составе «боёвок», действовавших в предвоенный период в западных областях Украины, Белоруссии и республиках Прибалтики.

Мобильные, хорошо организованные и чётко координировавшие свои действия с наступающими частями вермахта, они вовремя оказывались в нужном месте и в нужный час. Пользуясь неразберихой и растерянностью, диверсанты действовали дерзко и решительно: взрывали и разрушали транспортные коммуникации, безжалостно уничтожали командный состав Красной армии и сеяли панику в её рядах. Уже в первый день войны им и авиации удалось вывести из строя основные каналы и пункты связи советских войск. В результате был парализован основной нерв любой армии — система боевого управления войсками. «Тевтонский меч» безжалостно крушил боевые порядки Красной армии.

Надо прямо признать: на тот период вермахт и его офицеры в организационном, тактическом и профессиональном плане оказались на голову выше Красной армии и её командиров. То количественное превосходство, что советские войска имели перед гитлеровскими, было бездарно, если не сказать преступно, утеряно, о чём красноречивее всяких слов говорят сухие цифры боевых донесений и сводок с фронта.

В октябре 1941 года рядовой Клипель активно участвовал в боях за освобождение г. Калинина (ныне Тверь).

С началом контрнаступления советских войск 5–6 декабря 1941 года принимал участие в Московской битве и освобождении г. Калинина.

Ежегодно в декабре отмечается очередная годовщина разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. В декабре 2001 года у деревни Снегири Истринского района открыт монумент Славы воинам, оборонявшим столицу осенью 1941 года.

Активным её участником на северо-западном участке фронта был рядовой В. И. Клипель. Тогда он не знал, что на других участках грандиозной битвы мужественно сражались его земляки-дальневосточники.

В истории Второй мировой войны есть несколько побед и событий, имеющих всемирно-историческое значение. На первом месте — победа советских войск под Москвой в декабре 1941 года, когда впервые был развеян миф о непобедимости немецко-фашистских войск, сорван план гитлеровского блицкрига. Все народы мира увидели в СССР силу, способную не только остановить победный марш агрессора по Европе, но и нанести ему ощутимое поражение. США и Англия окончательно убедились в том, что именно Советский Союз способен сломать хребет гитлеризму, и пошли на оказание помощи нашей стране, создание антигитлеровской коалиции; а страны «оси» и сателлиты Германии крепко призадумались о своих перспективах. Победу Красной армии в битве под Москвой нужно рассматривать и как первую победу всего советского народа над фашистским государством, претендующим на мировое господство. Она досталась народам Советского

Союза высокой ценой и явилась настоящим моментом истины по многим позициям.

Разгром немецко-фашистских войск на полях Подмосковья знаменовал собой только начало коренного поворота в Великой Отечественной войне. Предстояли ещё тяжёлые и кровопролитные бои на многочисленных полях сражений.

Подчеркнём одну из военно-политических особенностей противоборства воюющих сторон, которая ускользает от внимания читателей.

А. Гитлер и его окружение громадное значение придавали захвату не только многих ключевых городов Советского Союза. По плану войны «Барбаросса» целью главных ударов были захват Ленинграда — колыбели Октябрьской революции, Москвы — столицы государства, Киева — матери русских городов... В летнюю кампанию 1942 года первоочередной задачей немцев был захват Сталинграда и района бакинских нефтяных промыслов...

По ряду позиций город Калинин тоже имел важное значение, не только в системе обороны дальних подступов к Москве, но и как город-символ советской власти.

Напомним, кто такой Калинин Михаил Иванович, в честь которого был переименован старинный город Тверь. Государственный и партийный деятель. Член партии большевиков с 1898 года. Участник революции 1905–1907 годов, Февральской и Октябрьской революций 1917 года. С 1919 года — председатель ВЦИК, с 1922-го — ЦИК СССР, с 1938-го — Президиума Верховного Совета СССР.

10 октября 1941 года 3-я танковая группа вермахта и 9-я полевая армия, стремясь окружить войска правого крыла Западного фронта Красной армии и выйти в тыл Северо-Западного фронта, начали наступление на Калинин. 17 октября 1941 года немецкие войска заняли г. Калинин.

Несмотря на то, что сражение за Калинин являлось составной частью Калининской оборонительной операции, применительно к самим боям за город слово «оборонительные» можно использовать лишь отчасти. Фактически в ходе этого сражения произошло длительное увязание немецких подвижных соединений в кровопролитных боях [6; 10].

Несмотря на то, что Калинин не удалось освободить в октябре – ноябре 1941 года, Красная армия в боях за город существенно измотала сильные подвижные соединения противника и создала серьёзный задел для проведения наступательной операции, начавшейся в декабре.

16 декабря 1941 года соединения 29-й и 31-й армий Калининского фронта очистили г. Калинин от немецко-фашистских захватчиков и продолжали наступать на ржевском направлении.

К 7 января 1942 года войска Калининского фронта, ведя тяжёлые бои, достигли Волги в районе Ржева. В ходе наступления они продвинулись на 60–120 км, нанесли пора-

жение шести гитлеровским дивизиям, захватили 956 орудий и миномётов, 153 танка, 25 самолётов, 3 250 автомашин, 844 пулемёта и много другого имущества [6, с. 238, 240].

В заключение отметим несомненные итоги операций советских войск в стратегическом районе Верхневолжья:

– восстановлено взаимодействие между войсками фронтов северо-западного направления;

– вновь открыто сообщение по транспортному коридору на ленинградское направление;

– пресечена очень опасная попытка распространения агрессии вражеских войск в направлении на Ярославль и далее вглубь страны...

Более трёх лет В. Клипель мужественно сражался на Восточно-Европейской равнине — в историческом центре России — на Верхней Волге, царице всех европейских рек.

Как было показано выше, с началом войны для советских вооружённых сил сложилась неблагоприятная обстановка. Советские войска вынуждены были переходить к обороне под давлением превосходящего в силах противника, при невыгодной группировке своих войск, вести оборонительные операции одновременно несколькими фронтами на всём советско-германском фронте с отходом вглубь страны.

Стратегическая оборона включала операции фронтов и групп фронтов, действия которых строились на сочетании упорного удержания нескольких эшелонированных в глубину рубежей обороны с проведением частных наступательных операций и нанесением контрударов [1, с. 499].

Одним из районов стратегической обороны была Валдайская возвышенность — на северо-западе Восточно-Европейской равнины. Водораздел верховьев Волги, Западной Двины и рек бассейна озера Ильмень. Преобладает моренный холмисто-рядовый рельеф. Много озёр и болот [2, с. 80].

План гитлеровской ставки на стремительное овладение Москвой достигнут не был. Началась затяжная 17-месячная оборона на рубеже г. Калинина, которая затем перешла в контр наступление.

Кровавой раной около трёх лет был недалёкий город Ржев. Сейчас известно, что в тех боях и сражениях погибло около 1,5 млн советских воинов.

Все Ржевские операции растянулась тоже на 17 месяцев. Это, если считать с начала операции «Тайфун», то есть со 2 октября 1941 года, когда немцы предприняли наступление на Москву. И за окончание считать 2 марта 1943 года — день отхода арьергардных частей немецких войск от Ржева. Только под Ленинградом немецкая армия продержалась дольше. Почти полтора года немецкая группировка войск угрожала Москве — всего 200 километров. Это расстояние от Хабаровска до Бикина. В битве у Ржевского выступа участвовало войск с нашей стороны больше, чем непосредственно во время обороны Москвы, и больше, чем под Сталинградом.

В Германии издана книга генерала Хорста Гроссмманна о боях на Ржевском выступе немецкой 9-й армии. Глубоко символично название книги: «Ржев — краеугольный камень Восточного фронта». Ведь по немецкой терминологии Восточный фронт — это советско-германский фронт. Значит, Ржев автором расценивается как решающий узел всей Второй мировой войны.

К 75-летию Великой Победы в Тверской области планируется открытие Ржевского мемориала советскому солдату. Он станет одним из самых масштабных в России и Европе [5, с. 25].

В. Клипель активно участвовал в Белорусской операции, а также в блестящей операции по разгрому фашистов в историческом центре Восточной Пруссии — городе-крепости Кёнигсберге...

«Марс российских воинств», как называли современники Александра Васильевича Суворова, говаривал: «Смелость города берёт!» И весь его боевой опыт доказал, что слова великого полководца не расходились с его делами. Однако и ему пришлось бы нелегко, когда бы возникла необходимость выполнить задачу, которую удалось решить Красной армии в апреле 1945 года в Кёнигсберге.

Захват самой мощной крепости Третьего рейха, которую военные эксперты всего мира считали неприступной, казался делом совершенно нереальным, в особенности потому, что численность гарнизона была практически равна силам наступающих советских войск. Соотношение числа обороняющихся и атакующих при штурме долговременных укреплений оценивается один к пяти, но в случае столь глобального укрепленного района пропорция считается не менее чем один к десяти. Удержать Кёнигсберг для Гитлера было делом значимым не только с военной точки зрения. Этот город-крепость был столицей Восточной Пруссии, и если Берлин могли называть «мозгом» Германии, то Кёнигсберг, несомненно, считался её сердцем.

Советская группировка войск под командованием Маршала Советского Союза А. М. Василевского за четыре дня апреля 1945 года сокрушила эту твердыню. Этот беспрецедентный штурм окончательно потряс Третий рейх и сломал дух нации [7, с. 24–25].

После этой блистательной победы над противником многие уже мечтали о мирной жизни. В преддверии Победы Владимир Клипель из-под Хабаровска

Владимир Иванович Клипель с женой Марией Иосифовной, 1946 год.

и Мария Бойко из-под Киева создали фронтовую семью и мечтали о счастливой послевоенной жизни.

Мария Иосифовна Клипель родилась в 1923 году на Украине. Участвовала в боевых действиях с июля 1941 по сентябрь 1944 года на фронтах Великой Отечественной войны, в том числе Юго-Западном, 3-м Прибалтийском и 1-м Белорусском; с августа по сентябрь 1945-го — на Забайкальском фронте. Военфельдшер, лейтенант. Награждена орденами Отечественной войны I, II степени, медалями «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией» [4, с. 213].

До начала мая 1945 года фронтовая семья Клипелей была активным участником разгрома фашистов в Восточной Пруссии — историческом форпосте немцев на северо-востоке евразийского континента.

Но в мае 1945 года в их судьбу вмешалась Её Величество Геополитика. И 39-я армия, в составе которой воевала чета Клипелей, была направлена на дальневосточный театр военных действий для разгрома самурайской Японии — последнего союзника фашистской Германии.

Особо подчеркнём: к этому времени были у советских войск и сила, и умение, и дерзость.

Так фронтовая семья Клипелей стала участником советско-японской войны и в начале сентября 1945 года праздновала победу над Японией в Маньчжурии. Разгром японской Квантунской армии и освобождение советскими войсками Северо-Восточного Китая и Северной Кореи стали основой создания новых государств. Таков второй геополитический итог Великой Победы на евразийском континенте.

Летом 1945 года гвардии майор Клипель принимал непосредственное участие в прояснении обстоятельств гибели генерала Р. И. Кондратенко в Порт-Артуре в ходе Русско-японской войны 1904–1905 годов.

Отмечая человеческое измерение войны, сообщим, что после войны семья Клипелей многие годы счастливо проживала в нашем городе.

В Порт-Артуре в декабре 1945 года в семье Клипелей появился первенец — дочь Людмила. Позже в Хабаровске родилось ещё трое детей.

Выше уже говорилось о В. И. Клипеле как военном писателе. Изображение войны писателями — участниками войны — в подавляющем большинстве было наиболее адекватным, как с точки зрения писательского труда, так и исторической правды. У некоторых советских писателей и кинематографа был просветительский посыл в показе боевых действий. Но зачастую не было понимания, что такое война как явление.

На наш взгляд, в книгах Клипеля просматривается ощущение себя на войне, «бездны мрачной на краю». Он

Гвардии майор Владимир Клипель, Порт-Артур, 1946 год.

участник трёх войн... она у него в биографии.

Известный дальневосточный писатель В. Сукачёв так оценивает литературную деятельность фронтовика В. Клипеля: «Хочу заметить, что в моем понимании писатели-фронтовики, рассказывающие в своих произведениях о Великой Отечественной войне, делятся на три основные группы. К первой группе относятся те, кто сделал войну парадом своих идей: Иван Стаднюк,

Анатолий Ананьев, Борис Васильев и другие — я привожу наиболее ярких представителей этого направления. Ко второй группе я бы отнес тех, для кого война стала средством сведения счетов за нереализованные планы и помыслы: Василий Быков, Виктор Астафьев и, скажем, Георгий Бакланов. И, наконец, третья группа писателей, которые рассказали о войне так, как поняли и пережили ее: Виктор Некрасов, Константин Воробьев, Владимир Клипель, Евгений Носов, Георгий Егоров. Скажем, Виктор Астафьев пережил войну, как случайное недоразумение, и затаил на нее глубокую обиду, а Владимир Клипель воспринял войну как неизбежную данность, все прошел и все простил. И это — существенная разница» [8].

В настоящее время отечественная военная история переживает непростые времена. Речь идёт об участившихся случаях искажения истории, использовании исторических

данных в информационной борьбе против России и ослаблении её мощи и авторитета на международной арене.

Важным направлением, гарантирующим выход из «исторической неопределённости», является дальнейшее повышение уровня научности и достоверности исследований историков, стоящих на позициях объективности.

Подвиг военного поколения в Великой Отечественной войне навсегда останется выдающимся, священным свершением нашего народа и страстным призывом к современникам быть верными целям и идеалам, нравственным ценностям, которые явились духовной основой Великой Победы.

«Великая Отечественная война... В зрелом возрасте для людей, прошедших через испытания, это огромный жизненный материал, анализ которого помогает уяснить главные закономерности исторического процесса, свою роль в нем как гражданина, свой долг перед Отечеством и необходимость этих чувств. И, конечно, память о войне должна претворяться в уважение и заботу о тех, кто защищал Родину. Без этого патриотизм — только слова, слова...» [3, с. 149].

Этот совет В. И. Клипеля особенно актуален сейчас — в связи с прошедшей сменой поколений. наших детей и внуков ещё касается отблеск пламени Великой Отечественной войны. Это же обстоятельство настоятельно диктует необходимость рассказать об участниках войны — наших земляках, которые украшают историю не только Хабаровского края, но и всей России.

На наш взгляд, комплекс мероприятий в связи с 75-летием Великой Победы послужит формированию среди молодого поколения и других категорий жителей Хабаровского края исторически обоснованного отношения к современным проблемам безопасности России, в том числе её форпоста — Дальнего Востока.

Список использованных источников

1. Великая Отечественная война, 1941–1945 : энциклопедия / Ин-т воен. истории М-ва обороны СССР ; гл. ред. М. М. Козлов. — Москва : Совет. энцикл., 1985. — 832 с.
2. Географический энциклопедический словарь : геогр. назв. / гл. ред. А. Ф. Трешников. — Москва : Совет. энцикл., 1983. — 528 с.
3. Клипель, В. И. Праздные наблюдения : Прозаические этюды. Поэтические зарисовки. Раздумья мимоходом / В. И. Клипель ; ил. авт. — Хабаровск : Союз писателей России, Хабар. регион. отд-ние, 2004. — 163 с.
4. Книга памяти : Солдаты Победы : Здесь названы жители Хабаровского края, участвовавшие в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и ныне живущие, а также павшие смертью храбрых на полях сражений или скончавшиеся от ран и болезней после войны. Ч. 4 / авт., сост. А. Г. Мережко (рук.) [и др.]. — Хабаровск : [б. и.], 2005. — 957 с.
5. Мединский, В. Как вспомнить всех героев Великой Отечественной войны поимённо? / В. Мединский // Аргументы и факты. — 2019. — № 16.
6. Ордена Ленина Московский военный округ / [ред. комис.: Е. Ф. Ивановский (пред.) и др.]. — Москва : Воениздат, 1971. — 461 с.
7. Свержин, В. Разбитое сердце Пруссии / В. Свержин // Совершенно секретно. — 2019. — № 8.
8. Сукачёв, В. Воевал, как жил, а жил по совести... / В. Сукачёв // Хабар. вести. — 2012. — 25 июля.
9. Сухорукова, Е. Фронтная весна семьи Клипель / Е. Сухорукова // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2005. — Вып. 11. — С. 48–54.
10. Фоменко, М. Сражение за Калинин. Хроника нетипичной обороны / М. Фоменко. — Москва : Яуза, 2017. — 335 с.

Фотографии предоставлены Хабаровским краевым музеем имени Н. И. Гродекова. Материал поступил в редакцию 09.02.2020.

Сведения об авторе: Филонов Александр Михайлович, военный историк, почётный гражданин г. Хабаровска, полковник погранвойск в отставке (г. Хабаровск).

АВЕРИНА АННА НИКОЛАЕВНА

ХАБАРОВСКОЕ «ОКНО ПЛАКАТА» «УДАР ПО ВРАГУ»

Статья посвящена такому аспекту творчества хабаровских художников и писателей в годы Великой Отечественной войны, как выпуск «Окна плаката» «Удар по врагу». Это был самобытный вид агитационно-массового искусства, освещающий фронтовые и тыловые темы. Острые, доходчивые плакаты с краткими стихотворными текстами громили врагов Отечества, мобилизовали на трудовые подвиги, разъясняли задачи тыла. Авторами агитплакатов были Д. Д. Нагишкин, И. А. Горбунов, П. С. Комаров, А. А. Гай, Л. И. Дешко, И. Д. Ёлкин, В. Е. Кайдалов, В. В. Слепченко, В. Н. Высоцкий, В. В. Завьялов, Н. И. Туркин, Н. Н. Баскаков, В. В. Павчинский, А. П. Смелов. К 1945 году было выпущено (в том числе нарисовано от руки) 450 сатирических плакатов «Удар по врагу», из которых свыше 50 были изданы массовым тиражом и сейчас хранятся в Хабаровском краевом музее имени Н. И. Гродекова (г. Хабаровск).

Ключевые слова: Великая Отечественная война, плакат, наглядная агитация, пропаганда, Хабаровск, тыл, Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова.

Keywords: Great Patriotic War (Eastern Front), poster, visual agitation, propaganda, Khabarovsk, rear, Khabarovsk Regional Museum named N. I. Grodekovo.

Значение наглядной агитации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) неизмеримо выросло. Она стала общественно-политической кампанией, широко развернулась в борьбе с врагом. Вместе с пропагандой агитацию позже назовут «третьим фронтом», подчёркивая масштаб охвата тем и аудитории. С началом войны вся работа хабаровских художников сосредоточилась на наглядной агитации: многотысячными тиражами выпускались плакаты, открытки для фронтовиков, был проведён значительный объём оформительской работы в красных уголках, Ленинских комнатах в учреждениях и на предприятиях, в местах общественного пользования (парки, сады, стадионы, кинотеатры). Всего за 1941–1945 годы Дальневосточное государственное издательство (Дальгиз) выпустило 217 названий плакатов, лозунгов, листовок тиражом 1 291 тысяча экземпляров [5, с. 291]. Самым востребованным искусством в годы войны стало искусство плаката, выступившее оружием идеологической борьбы с врагом.

Плакаты «Удар по врагу» выпускала инициативная группа авторов, художников, поэтов, писателей, журналистов в порядке общественной нагрузки. Так, редактором-организатором являлся по совместительству председатель Хабаровского отделения Союза художников Д. Д. Нагишкин. Большинство авторов «Удара» были членами Союза художников и были заняты на основной работе, в частности подготовка выставок требовала оказания творческой помощи и консультирования художников края. По вторникам и пятницам, затем по понедельникам с 20 до 22 часов дополнительно проводилась вечерняя работа с художниками города (заседания жюри выставок, заслушивания творческих отчётов, заседания редколлегии «Окна плаката» «Удар по врагу» и др.). Хабаровские художники читали доклады и лекции «Изобразительное искусство в дни войны», «Хабаровские художники и Великая Отечественная война», «Чем художник может помочь Родине сейчас», «Как читать картины», «Карикатура, политический рисунок, его роль в дни войны». Проводили выезды в Амурскую военную флотилию и части Дальневосточного фронта в Комсомольске, Куйбышевке-Восточной и Хабаровске, консультируя армейские «Окна». Рассылали письма касательно тематики картин с подробной консультацией [2, с. 70].

Вместе с тем штатными работниками редакция «Удара» не располагала несмотря на то, что с 8 сентября 1942 года начался регулярный выпуск «Окна плаката и сатиры» «Удар по врагу». Было составлено расписание выхода «Окна», к каждому выпуску прикреплена группа художников во главе с бригадиром, который отвечал за выпуск плакатов в срок. С февраля 1942 года плакаты «Удара» стали издаваться типографией Дальгиза по адресу: Хабаровск, улица Льва

Толстого, 45. Выпущенные тиражом плакаты стали оплачиваться по 4 000 рублей. На эти средства выпускались новые «Окна»: закупались материалы, краски, бумага. Ежемесячно Дальгиз издавал 4 плаката, ещё 12 выставлялись в «Окнах» [5, с. 300].

В этом проявилось отличие хабаровских «Окон», например, от мастерских «Окон ТАСС» и их филиалов в регионах. Они тоже издавались трафаретным способом вручную, но стали настоящей фабрикой по производству плакатов: располагали отдельными группами трафаретчиков, резчиков, шрифтистов.

Мастерской хабаровского «Удара» стала Хабаровская организация Союза писателей по адресу: Хабаровск, улица Комсомольская (сведений о номере дома автору найти не удалось). Здесь после трудового дня собирались писатели, художники, журналисты, обсуждали события дня, сводки Совинформбюро, составляли планы выпусков, работали. Утром в специальной витрине (сегодня это ул. Муравьёва-Амурского, 17) были выставлены яркие плакаты на злободневные темы, призывающие беспощадно бить врага на фронте и приближать победу в тылу. Они всегда привлекали массу зрителей. Плакаты «Удара» вывешивались также в цехах предприятий города и края, увеличенные фотопечатью, размещались на улицах и в местах общественного пользования, печатались на страницах краевой газеты «Тихоокеанская звезда». Таким образом, аудитория плакатов «Удара» не ограничивалась одной витриной.

Первое «Окно плаката» «Удар по врагу» вышло уже 4 июля 1941 года. Плакат — сиюминутная реакция на событие. Крупный советский художник-плакатист В. Корецкий сравнивал плакат с выстрелом в нужный момент. Плакаты «Удара» стали «комментариями» художников и писателей к переданным по радио новостям, художественной телеграммой войны. Такая оперативность требовала большого творческого напряжения. Плакаты, выставлявшиеся в окнах, в основном были выполнены от руки либо трафаретным способом (к началу 1943 г. было выпущено 1 000 копий). Художник В. В. Павчинский, в частности, работал в технике линогравюры. К октябрю 1943 года было выпущено свыше 300 оригинальных плакатов на общеполитические, фронтовые и тыловые темы, а также 9 тысяч фотокопий с них в увеличенном формате для мест общественного пользования. Дальгизом было выпущено 37 литографических плакатов тиражами от 3 до 5 тысяч (всего 145 тыс. оттисков). За 1944 года было выпущено 24 плаката «Окна» [4; 2, с. 72, 77].

Популярность плакатов в принципе была высока в годы войны, и уже 23 декабря 1941 года было объявлено об открытом конкурсе на лучший плакат, посвящённый Великой Отечественной войне. По условиям конкурса плакаты выполнялись на плотной бумаге с учётом их дальнейшего воспро-

изведения в литографической печати, размером 60x45 см. Количество представляемых плакатов для каждого участника конкурса не ограничивалось. Плакаты присылались на адрес Дальгиза: Хабаровск, улица Ким Ю Чена, 9, с пометкой «На конкурс плакатов» в запечатанных конвертах вместе с закрытым письмом, содержащим сведения об авторе.

Всего было предоставлено 54 плаката 39 авторов. Первая премия в 1 000 рублей была присуждена художнику И. А. Горбунову за плакат «Смерть немецким оккупантам». Вторая в 750 рублей — краснофлотцу Г. С. Булгакову за плакат «Стахановским трудом в сельском хозяйстве обеспечим Красную Армию хлебом, мясом, овощами». Третья премии по 375 рублей — художнику Н. И. Туркину за плакат-открытку «Дай лес фронту», художникам Н. С. Тихонову и Д. С. Шофману за плакат «Ты сдал теплую одежду Красной Армии?» [5, с. 84–85].

По результатам конкурса к печати были рекомендованы плакаты В. В. Павчинского «Никогда не простим — никогда не забудем» и «Под знаменем Ленина-Сталина — вперед на разгром врага», плакаты В. В. Слепченко «Враг будет разбит» и «Учись бить врага», плакат «Смерть фашистским хищникам» художника В. М. Костина, плакат-открытка «Дальневосточник, будь отличником всевобуча» Н. И. Туркина.

В июне 1942 года в Дальневосточном художественном музее была проведена первая выставка «Удар по врагу», на которой экспонировано 70 плакатов 30 авторов. Затем в сентябре выставка «Удара» прошла в Комсомольск-на-Амуре. В марте 1943 года здесь же состоялась ещё одна выставка плакатов «Удар по врагу». В 1943 году плакаты «Удара» В. В. Павчинского, И. Д. Ёлкина, В. В. Слепченко, М. И. Козелла выставлялись в Москве [1; 4].

Активом хабаровского «Окна плаката» были художники И. А. Горбунов, Н. Н. Баскаков, В. Н. Высоцкий, Л. И. Дешко, И. Д. Ёлкин, В. Е. Кайдалов, М. Г. Козелл, Д. Д. Нагишкин, В. В. Павчинский, В. В. Слепченко, Н. Н. Соколова, Н. И. Туркин, А. В. Шишкин и поэты П. С. Комаров, В. В. Колобов, С. Г. Феоктистов, С. М. Бытовой, А. А. Савицкий, М. З. Фишельсон.

К 1943 году в работе над «Ударом» принимали то или иное участие 43 художника — члены Союза художников, армейские, флотские и самодеятельные художники.

Вадим Вадимович Павчинский, художник-карикатурист газеты «Тихоокеанская звезда», по состоянию здоровья был снят с военного учёта. Помимо свыше 190 карикатур, 17 плакатов, подготовленных за время войны для газеты, он сделал 60 плакатов «Окна» «Удар по врагу», 8 из которых было издано Дальгизом.

Иннокентий Алексеевич Горбунов был редактором и ведущим художником «Окна» «Удар по врагу». Его плакат 1939 года «Халхин-Гол в нашу пользу» много репродуци-

ровался и был известен не только дальневосточникам. Плакаты и карикатуры Горбунова, часто выполненные в содружестве с Петром Комаровым, рождались сразу же после получения сводок Совинформбюро и расходились массовыми тиражами по краю.

Дмитрий Дмитриевич Нагишкин, в годы войны уполномоченный художественного фонда, до 1 июля 1944 года также являлся председателем оргкомитета Союза художников по Хабаровскому краю, сделал 40 плакатов в «Окно» «Удар по врагу». Николай Иванович Туркин, директор художественного музея, ответственный секретарь Союза художников, до 1945 года — председатель правления Хабаровского отделения «Всекохудожник». Подготовил 6 плакатов в «Окно» «Удар по врагу». Штатный работник газеты «Тихоокеанская звезда» Леонид Иванович Дешко сделал более 25 плакатов для «Окон» «Удар по врагу». Участвовал в выпуске «Окна» «Удар по врагу» Николай Петрович Косых [2, с. 80–81].

В работе над «Ударом» приняли участие художники, приехавшие на Дальний Восток в качестве военнослужащих: старший лейтенант И. А. Горбунов, лейтенант В. Е. Кайдалов, старший лейтенант А. П. Смелов, старший лейтенант Н. И. Туркин, старший лейтенант М. Г. Козелл, сержант А. Михайленко и другие. Учитывая их творческую квалификацию и активность, 10 декабря 1942 года в Хабаровский Союз художников были приняты Н. Н. Баскаков, И. А. Горбунов, В. В. Завьялов, В. Е. Кайдалов, М. Г. Козелл, Г. А. Цивилев, А. Д. Дашкевич, В. И. Слепченко; 5 апреля 1943 года были приняты ещё три художника, работавшие в том числе над плакатами «Удара»: Л. И. Дешко, В. В. Павчинский, О. И. Фридман.

Художник Николай Степанович Тихонов сделал 20 плакатов в «Окно» «Удар по врагу». С 1942 года — он в действующей армии.

Василий Николаевич Высоцкий, будучи офицером Дальневосточного фронта, работал над плакатами в «Окно» «Удар по врагу», часть из них была издана Дальгизом [2, с. 82].

Иван Дионисович Ёлкин, офицер Дальневосточного фронта, в газету Дальневосточного фронта «Тревога» сделал 75 плакатов, 110 карикатур, 40 портретов; для 64 рубрик «Короткой очередью» и «Без осечки» вышло 207 рисунков, подготовил около 38 плакатов в «Окно» «Удар по врагу».

Лейтенант Василий Васильевич Завьялов, помимо тиражных плакатов, подготовил 4 плаката в «Окно» «Удар по врагу».

Николай Николаевич Баскаков был штатным художником изостудии Дома Красной армии. Сделал 12 плакатов в «Окно» «Удар по врагу», из которых 3 пошли в тираж.

Старший лейтенант Иннокентий Алексеевич Горбунов подготовил 22 плаката вручную акварелью и гуашью для тиража в «Окно» «Удар по врагу». Сделал свыше 300

карикатур в газеты «Тихоокеанская звезда», «Тревога», «Сталинский Комсомольск».

Михаил Георгиевич Козелл, будучи военным служащим, выполнил свыше 10 плакатов в «Окно» «Удар по врагу», часть из них была выпущена массовым тиражом в печати. Сам художник лучшими считал «Бить врага без промаха», «Ни шагу назад», «Сталинградская твердыня», «Слава советским женщинам», «Годы меняют года».

Военнослужащие Валентин Ванифатьевич Слепченко сделал свыше 20 плакатов «Удара». Владимир Елпидифорович Кайдалов — свыше 25 плакатов. Александр Павлович Смелов участвовал в выпуске «Окна» «Удар по врагу». Овсей Исаакович Фридман как руководитель изостудии при Доме Красной армии Дальневосточного фронта занимался оформлением парков, площадей, праздников и участвовал в выпуске «Удар по врагу» [2, с. 84].

Тематика конкурса на лучший плакат о Великой Отечественной войне 1941 года, о котором говорилось выше, была задана следующими направлениями: «Под знаменем Ленина-Сталина вперёд на разгром врага», «Да здравствует героическая Красная армия, наносящая сокрушительные удары германскому фашизму», «Наши силы неисчислимы,

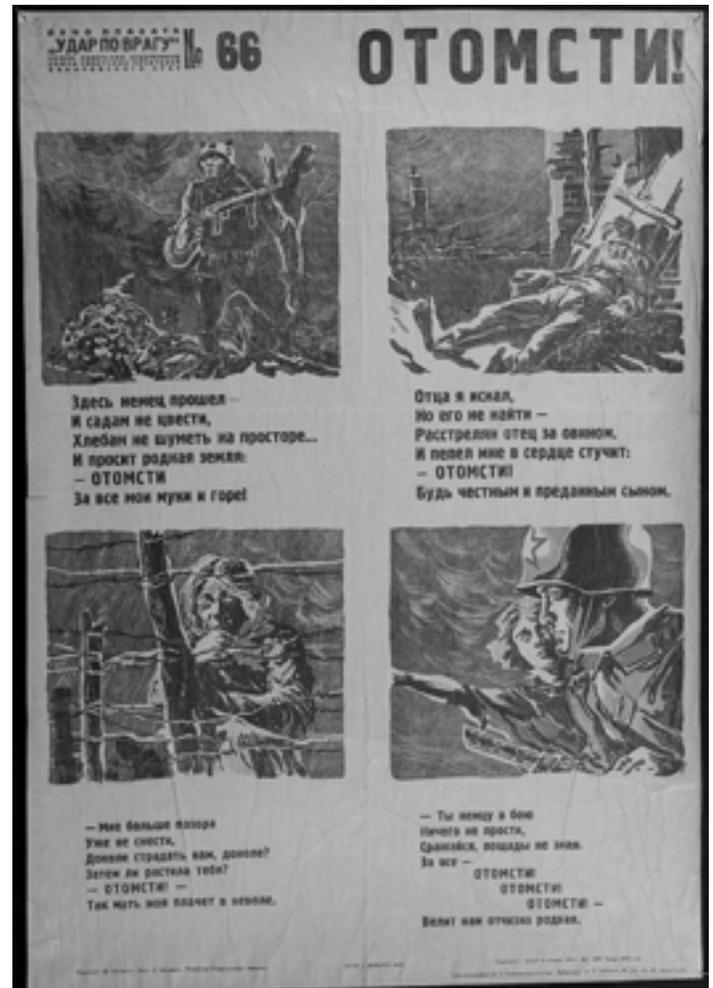
победа будет за нами», «Всеобщее военное обучение — могучий резерв Красной Армии», «Умножьте производственные победы в тылу, помогайте Красной Армии уничтожать немецких захватчиков», «Стахановским трудом в сельском хозяйстве обеспечим Красную Армию хлебом, мясом, овощами», «Фашизм — злейший враг человечества». Поощрялось использование исторических примеров.

Стоит отметить, что эти темы, заданные в конце 1941 года, станут исходными для плакатов «Удара» вплоть до конца войны. Темы конкретных плакатов обсуждались на активах, проводились публичные обсуждения эскизов работ с привлечением общественности.

На протяжении военных лет претерпело эволюцию настроение плаката: от призыва к защите Родины, мотива мобилизации сил, патриотического подъёма в начале войны (плакаты «Будет и на нашей улице праздник», худ. В. Кайдалов, «Смерть немецким оккупантам!», худ. В. Слепченко, «На врага за Родину вперёд!», худ. Н. Туркин) до утверждения героизма советского воина-победителя в финале войны. От утверждения чувства ненависти к врагу в начале (плакаты «Отомсти!», худ. Д. Нагишкин, стихи С. Бытового, «Фашистские псы», худ. Д. Нагишкин, автор

«Смерть немецким оккупантам!», художник В. Слепченко.

«Отомсти!», художник Д. Нагишкин, стихи С. Бытового.

изобразил главарей Германии в виде цепных собак, руководимых денежным мешком; на плакате «Вот что несёт тебе фашизм» худ. В. Павчинский изобразил Гитлера, топящего в крови женщину) до высмеивания его глупости в конце. Это уже сатирические, карикатурные плакаты («Гитлеровский брехнемёт», худ. Л. Дешко, текст П. С. Комарова, Геббельс изображён в виде пулемёта, выстреливающего ложью; «Кровавый шут», худ. Л. Дешко).

Главной мишенью авторов «Окна» «Удар по врагу» был противник, против которого велась ожесточенная борьба на фронтах Великой Отечественной войны, — как главари фашистского рейха, фельдмаршалы и генералы вермахта, так и рядовой, обезличенный противник, обобщённый враг.

В плакатах «Удара» нашли отражение открытие второго фронта (плакаты «Заокеанское облачко», «Близок час расплаты», худ. Д. Нагишкин), крупнейшие сражения («Сталинградские клещи — любых крепче», худ. В. Кайдалов, изображены красные клещи, двумя фронтами охватившие немецкую армию; «Две дороги», худ. И. Горбунова со стихами П. Комарова:

*Для немцев дорог немного
у сталинградских стен:
в могилу — одна дорога,
другая дорога — в плен.*

Плакат «Героям Сталинграда слава!», худ. В. Кайдалов). Особое чувство гордости вызывали подвиги дальневосточников: сержант М. Пассар уничтожил из снайперской винтовки 216 солдат противника (плакат «Учись стрелять как наш земляк Максим Пассар», худ. В. Высоцкий).

*«Учись стрелять как наш земляк Максим Пассар»,
художник В. Высоцкий.*

Характерны многокадровые плакаты, изображавшие целые рассказы. Так, плакат «Про кузнеца Калину» (худ.

Д. Нагишкин, стихи С. Феоктистова) рассказывает о том, как колхозник Калина, отец четырёх фронтовиков, отправляет свои сбережения на постройку самолёта, чтобы его сын мог на нём бить немцев. Его примеру следует и супруга, на чьи сбережения построен танк. Плакат «Как амурский паренёк 10 фрицев приволок» (худ. И. Ёлкин, текст С. Феоктистова) рассказывает о смекалке парня-дальневосточника.

Плакаты, посвящённые общетыловым темам, разъясняли задачи транспорта (плакат «Железнодорожник! Работай по-военному, обеспечь перевозками нужды фронта и тыла», худ. В. Завьялов»), обращались к колхозникам (плакат «Конь — твой друг и в бою, и в поле», худ. В. Высоцкий, стихи П. Комарова, плакат «Колхозная молодёжь, в бой за высокий урожай!», худ. В. Слепченко). Помимо написанных специально для плакатов стихов и текстов, на них часто помещались цитаты первых лиц государства: И. В. Сталина, В. М. Молотова, М. И. Калинина. Тема всеобуча отражена на плакатах «Учись бить врага наверняка» (худ. В. Кайдалов), «Советские патриоты и патриотки! Изучайте военное дело, готовьтесь стать защитниками Родины» (худ. В. Слепченко), плакат «На лыжи, молодежь!» (худ. В. Слепченко), плакат «Экономь во всем — помогай фронту» (текст Д. Нагишкина). Теме экономии и сбережения ресурсов посвящён плакат «Мы помогаем фронту, а ты?» (худ. И. Горбунов изобразил сбор металлолома); плакат «Увеличим наступательную мощь Красной Армии, дадим фронту больше снарядов, боеприпасов» разъяснял необходимость упорной работы в тылу и многие другие.

«Окна плаката» «Удар по врагу» на улицах тылового Хабаровска — это такая же примета военного времени, как светомаскировочная лента на окнах. Они были яркими и сильными по эмоциональному воздействию, откликались на всё, чем жила страна в те суровые дни: на события на фронтах, на общеполитическую ситуацию в мире, на трудовой подвиг в тылу, и во многом сами способствовали приближению победы. Плакаты, сатирические рисунки воспроизводились затем в краевой и армейских газетах: «Тихоокеанской звезде», «Тревоге», «Суворовском натиске», размножались и комплектовались в передвижные выставки, которые находили новые тысячи зрителей на предприятиях и колхозах края, в воинских частях. Таким образом, сформулированная ими трактовка событий распространялась и в частях Красной армии, способствовала поддержанию победного настроения и на фронте. Каждый плакат стал сатирическим обобщением, гневным обличением войны и сегодня является историческим источником.

Список использованных источников

1. Бажайкина, М. С. Изобразительное искусство 1941–1945 годов как важный фактор морально-психологического воздействия на население Дальнего Востока / М. С. Бажайкина // Молодой учёный. — 2017. — № 17 (151). — С. 218–223.
2. Мастера кисти и резца : сб. док. Гос. арх. Хабар. края об истории изобразит. искусства Хабар. края / Упр. по делам арх. Правительства Хабар. края, Гос. арх. Хабар. края. — Хабаровск : Частная коллекция, 2007. — 446 с.
3. Павчинский, Г. В. Оружием сатиры / Г. В. Павчинский // Дальний Восток. — 1972. — № 10. — С. 140–142.
4. Рогаль, Н. М. Пламенем сердца / Н. М. Рогаль // Дальний Восток. — 1982. — № 11. — С. 154–157.
5. Трудный путь к Победе : сб. док. Гос. арх. Хабар. края о Великой Отечественной войне (22 июня 1941 г. – 9 мая 1945 г.) и о войне СССР с Японией (9 авг. – сент. 1945 г.) / Гос. арх. Хабар. края ; сост. Л. А. Кривченко, И. Д. Морозова, Л. В. Салеева. — Хабаровск : Частная коллекция, 2005. — 544 с.

Фотографии из фонда Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова.
Материал поступил в редакцию 30.03.2020.

Сведения об авторе: Аверина Анна Николаевна, заведующий научно-исследовательским отделом истории Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: averinamuseum@mail.ru.

САЛЕЕВА ЛАРИСА ВЛАДИМИРОВНА

БЛОКАДНЫЙ ЛЕНИНГРАД

Статья посвящена одной из самых трагических страниц истории Великой Отечественной войны — героической защите Ленинграда. Отражена роль дальневосточников в защите города. Показана деятельность ленинградских архивистов в сохранении документальной базы военных лет.

Ключевые слова: оборона Ленинграда, Ленинградский фронт, архивные документы, прорыв блокады, освобождение города.

Keywords: Defence of Leningrad (Siege of Leningrad), Leningrad Front, archival documents, break the Wehrmacht's Siege of Leningrad (Operation Iskra), city liberation.

С первых дней Великой Отечественной войны одним из стратегических направлений, согласно плану гитлеровского командования, было ленинградское. Уже 10 июля 1941 года немецкие войска начали наступление на Ленинград, захвату которого нападающая сторона придавала важное политическое значение. 8 сентября гитлеровская армия овладела городом Шлиссельбург, взяв под свой контроль исток Невы и полностью блокировав Ленинград с суши, были разорваны все железнодорожные, автомобильные и речные коммуникации. Сообщение с осаждённым городом можно было поддерживать только по воздуху и водам Ладожского озера.

Героическая оборона Ленинграда — одна из самых кровопролитных страниц в истории нашей страны и человечества. Не сумев прорвать оборону советских войск, фашистские захватчики решили взять город измором. В блокадном кольце оказалось более 2,5 миллиона жителей, в том числе более 400 тысяч детей. В нечеловеческих условиях, испытывая голод, отсутствие тепла в домах, находясь под обстрелами и бомбежками врага, город в те дни не только оборонялся, но и наносил сокрушительные удары по врагу. Все, кто мог работать, трудились не покладая рук.

Ленинградский фронт был создан 27 августа 1941 года на основании директивы Ставки Верховного главнокомандующего. Перед фронтом стояла задача по прикрытию непосредственных подступов к Ленинграду и недопущения его захвата противником. С 8 сентября 1941 года бои велись в условиях блокады города. К концу сентября того же года активное продвижение войск противника было остановлено. Несколько попыток по деблокадированию Ленинграда не увенчались успехом.

Безопасность Ленинграда, войск Ленинградского фронта и других важнейших объектов зависела от того, на чьей стороне находилось господство в воздухе. Борьба за него не прекращалась ни на один день. Задачу уничтожения Ленинграда и Москвы, по замыслу фашистского командования, должна была выполнить авиация. Советским лётчикам предстояло сорвать эти планы. 12 сентября 1941 года хабаровская краевая газета «Тихоокеанская звезда» писала: «В течение 9 сентября немецко-фашистские самолеты пытались несколько раз произвести налет на Ленинград, но каждый раз отгонялись нашей авиацией и огнем защитной артиллерии. Около 10 часов вечера одиночные самолеты противника на большой высоте прорвались к Ленинграду и сбросили в разных пунктах города фугасные и зажигательные бомбы» [5]. Среди тех, кто в небе сражался с противником, был Борис Григорьевич Езерский. На его счету многочисленные вылеты в блокадный Ленинград, куда он доставлял боеприпасы и продовольствие, бомбил позиции

противника. (В послевоенные годы, до 1974 года, он занимал должность начальника Дальневосточного управления гражданской авиации.) Экипаж гражданских авиаторов Хабаровска под командованием Н. В. Бурлакова в город на Неве доставлял продовольствие, боеприпасы, вооружение, а обратными рейсами вывозил ленинградцев. Около полутора тысяч женщин и детей перевёз экипаж Бурлакова. Об этом писала в те дни краевая газета.

А в Ленинграде продолжали жить люди. Артиллерийские обстрелы постоянно терзали город. Ежедневно на Ленинград падало в среднем более 240 снарядов. В ходе обстрелов и бомбёжек разрушено и сожжено более 3 тысяч зданий, повреждено более 7 тысяч. 9 тысяч деревянных домов разобрано на топливо [7].

О жизни и быте осаждённого города рассказывают архивные документы, чудом сохранившиеся в архивах Ленинграда и Москвы. Почти все архивы в разной степени получили поражения от налётов вражеской авиации и артобстрелов. На здания архивов сбрасывались фугасные бомбы [3]. Подготовка к эвакуации наиболее ценных документов началась уже в июне 1941 года, а 21 июля эшелон из 57 вагонов в сопровождении 19 архивистов и отряда милиции выехал в г. Чкалов (ныне Оренбург). С началом войны многие сотрудники ленинградских архивов были мобилизованы или ушли на фронт добровольцами. В первую блокадную зиму основной задачей архивистов стало обеспечение сохранности документов. Были образованы группы самозащиты. Работники архива Октябрьской революции (ныне Центральный государственный архив Санкт-Петербурга) принимали участие в тушении зажигалок и ликвидации последствий взрывов. Только за сентябрь – декабрь 1941 года архивистам, многие из которых перешли на казарменное положение, удалось предотвратить 12 пожаров. Это был один из немногих архивов, который продолжал комплектоваться в период войны и блокады. За 1941 – 1944 годы на государственное хранение было принято около 300 фондов (25 тыс. ед. хр.) военных учреждений, в том числе областного военкомата, управления оборонного строительства, рабочих батальонов, госпиталей, банно-прачечных отрядов. Впоследствии они были переданы в ведомственные архивы, в частности в Центральный архив Министерства обороны СССР.

Архивные материалы в блокадный период использовали и военные. В Государственном историческом архиве Ленинградской области (ныне Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга) проводилось выявление документов о сети шоссейных дорог в Петербургской губернии, о технических сооружениях на реке Сестре с планами и картами прилегающих местностей. Сразу после снятия блокады сотрудниками архива были направлены информационные письма в райжилуправления

города, управление по делам архитектуры, областной проектный трест, областной жилищный трест и многие другие строительные и коммунальные организации с перечнями планов, чертежей и других документов, которые можно было бы использовать при восстановлении города. Многие архивные работники были награждены медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.».

Сегодня, благодаря сохранившимся документам и воспоминаниям очевидцев тех событий, продолжается исследовательская работа по истории Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, которая является неотъемлемой частью воспитания подрастающего поколения и лучшим опровержением работ зарубежных фальсификаторов истории, которые пытаются принизить роль героических защитников Ленинграда и доказать, что город выстоял не благодаря мужеству советских людей, их высокому патриотизму, а исключительно из-за ошибок Гитлера.

Самым тяжёлым испытанием для населения осаждённого города был голод. Артиллерийские обстрелы и авиационные налёты унесли несравненно меньше жертв, чем длительный голод, усугублявшийся в холодное время крайним недостатком топлива. С 8 сентября войска и население стали получать продукты из запасов, имевшихся в городе, что привело к их быстрому сокращению. К 12 сентября в Ленинграде имелось хлебного зерна и муки на 35 суток, крупы и макарон — на 30, мяса и мясoproductов — на 33, жиров — на 45, сахара и кондитерских изделий — на 60 суток. Проведя три года в блокадном Ленинграде, писательница Вера Инбер так охарактеризовала меню ленинградских столовых в дни блокады: корьевая мука, смётки (то есть сметённые отовсюду остатки) на лепёшки. Белковые дрожжи — на первые блюда. Декстрин (технические отходы) — на оладьи, запеканки, биточки, котлеты. Гонка (отработанная деталь текстильной машины, изготовленная из свиной кожи) — на суп, студень, котлеты. Столярный клей и мездра — тоже на студень. Технология переработки этих продуктов была освоена в кратчайшие сроки [1]. Наступивший голод не вызвал среди населения Ленинграда пессимизма и отчаяния. Люди продолжали сражаться на фронте и в цехах, в больницах и научных учреждениях. Ни на один день не прекратила своей работы крупнейшая библиотека страны — Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. В глубоких бомбоубежищах под грохот разрывов артиллерийских снарядов заслушивались научные сообщения, защищались диссертации.

От голода страдало и население немецких городов, сводки об этом также регулярно публиковались в газете «Тихоокеанская звезда». Так, в выпуске за 3 февраля 1942 года сообщалось: «Население немецкого города Леер за

20 дней января получило только по 1 кг мороженого картофеля. Власти города сообщили, что выдача продуктов теперь прекращается на неопределённое время. В городе за последнее время резко возросла смертность населения, вызванная голодом, а также самоубийствами на почве голода» [6].

Среди тех, кто перенёс ужасы блокады, был студент Всероссийской академии художеств в Ленинграде, а в будущем — известный дальневосточный художник, заслуженный художник Российской Федерации Василий Евтропович Романов.

Когда началась Великая Отечественная война, он окончил 5 курс живописного факультета академии. Будущие художники с самых первых дней войны работали на оборонительных сооружениях: рыли окопы, блиндажи, строили дамбы. Василий Евтропович был рядовым бойцом МПВО Василеостровского района города и военизированной пожарной команды академии. Когда до войны оставалось 6 дней, он получил разрешение производить «с учебной целью» зарисовки архитектурных памятников, пейзажей города Ленинграда и его окрестностей. Этот документ, датированный 16 июня 1941 года, хранится в Государственном архиве Хабаровского края, в фонде личного происхождения члена Союза художников России В. Е. Романова [11]. Как и все жители блокадного города, невзирая на голод и холод, на нечеловеческие условия жизни, Василий Евтропович выполнял свой гражданский и человеческий долг. Но помимо этого существовал ещё и другой — ответственность художника. В. Е. Романов всегда имел при себе блокноты и карандаши, которые, как вспоминает художник, «помогали оставить в рисунках память увиденного и пережитого» [2]. Каждую свободную минуту использовал юноша для того, чтобы делать наброски и рисунки с натуры тяжких и героических блокадных дней, ежедневного подвига ленинградцев, которые потом послужили живым материалом для создания серии произведений «Ленинград в блокаде». Картины художника («Стережущие небо», «На защиту Ленинграда», «Ленинградцы», «Солдаты тыла» и другие) правдивы, отражают мужество и мечты ленинградцев и воинов. В дни блокады Романов сделал рисунок памятника Петру Первому, отобразив в нём момент защиты символа Ленинграда. На рисунке изображено, как укрывали монумент мешками с песком, прятали в деревянные заграждения. В марте 1942 года больного дистрофией Романова эвакуировали в Самарканд [13]. На протяжении всей своей жизни Василий Евтропович не мог забыть тех дней и до конца старался донести до людей все ужасы перенесённой блокады.

В январе 1943 года войска фронта совместно с соединениями Волховского фронта прорвали блокаду Ленинграда и восстановили сухопутную связь города со страной. 14 января

1944 года началось наступление частей Красной армии, которое привело к полному освобождению Ленинграда от фашистской блокады.

В прорыве блокады Ленинграда участвовала дальневосточная 239-я стрелковая дивизия, наносившая удар на Синявино.

Приказ командующего войсками Ленинградского фронта генерала армии Л. А. Говорова войскам Ленинградского фронта от 27 января 1944 года возвестил об освобождении Ленинграда от вражеской блокады и от варварских артиллерийских обстрелов противника: «Войска Ленинградского фронта в итоге двенадцатидневных напряженных боев прорвали и преодолели на всем фронте под Ленинградом сильно укрепленную, глубоко эшелонированную долговременную оборону немцев, штурмом овладели важнейшими узлами сопротивления и опорными пунктами противника под Ленинградом: городами Красное Село, Ропша, Урицк, Пушкин, Павловск, Мга, Ульяновка, Гатчина и другими и, успешно развивая наступление, освободили более 700 населенных пунктов и отбросили противника от Ленинграда по всему фронту на 65–100 километров. Наступление наших войск продолжается. В ходе наступления, нашими войсками разгромлены вражеские войска, державшие Ленинград в осаде, и захвачены большие трофеи. В итоге боев решена задача исторической важности: город Ленинград полностью освобожден от вражеской блокады и от варварских артиллерийских обстрелов противника» [10].

Дальневосточники также внесли весомый вклад в освобождение Ленинграда от блокады. Многие из них воевали на Ленинградском фронте. В боях за освобождение Ленинграда погибли тысячи наших сограждан, среди них жители Хабаровского края: Баранов Александр Федорович, Вишневский Давид Савельевич, Кащенко Николай Филиппович, Никитенко Николай Михайлович, Преснов Дмитрий Константинович, Швецов Пётр Андреевич, Шестаков Николай Архипович, Семеняк Василий Евстафьевич, Трушин Илья

Яковлевич, Ясидкин Климентий Фёдорович. Их имена и сотни имён других воинов, отдавших свои жизни за свободу нашей Родины, занесены в «Книгу памяти Хабаровского края», их имена увековечены в мемориале на площади Славы [7].

9 декабря 2014 года в Санкт-Петербурге, на Пискаревском кладбище, состоялась церемония открытия мемориальной доски в память жителей Хабаровского края, защищавших Ленинград в годы Великой Отечественной войны.

Один из участников прорыва и снятия блокады Ленинграда, Николай Михайлович Бакланов, в одном из писем своим родным, которые позже были опубликованы в книге «Святые письма фронтовые», писал: «Поздравьте всех нас — ленинградцев. Наверное, слышали по радио, читали в газетах, что мы прорвали блокаду. Это было 18 января в районе пос. № 5 и Синявино. Соединились наш Ленинградский и Волховский фронты. Теперь пробит коридор 14–18 км шириной, и дорога к Ленинграду будет легче, пойдет продовольствие, оружие и боеприпасы. Народ города торжествует: все рады до слез. В городе военным, говорят, нельзя спокойно ходить. Добрые ленинградцы целуют и обнимают, не отпускают их от себя. Этой операции прорыва мы помогли!» [4].

27 января 1944 года город на Неве праздновал свою Победу, давая грандиозный салют!

В честь побед Красной армии под Ленинградом многие предприятия Хабаровского края встали на стахановские вахты.

*Недоступна русская твердыня!
Питерская гвардия жива!
Разве может сделаться рабыней
Гордая красавица Нева.
Город Добролюбова и Блока,
Город славы, чести и дворцов.
Разобьем сурово и жестоко
Банду обнаглевших подлецов!
С. Феоктистов [12].*

Список использованных источников

1. 900 героических дней : сб. док. и материалов о героич. борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. / АН СССР, Ленингр. отд-ние Ин-та истории, Ленингр. гос. арх. Октябрьской революции и соц. строительства. — Москва ; Ленинград : Наука [Ленингр. отд-ние], 1966. — 424 с.
2. Авторская биография. Романов Василий Евтропович, член Союза художников России // Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-2024. Оп. 1. Д. 55. Л. 46.
3. Архивная служба Санкт-Петербурга. 95 лет. — Санкт-Петербург: Лики России, 2017. — 172 с.
4. Бакланов Николай Михайлович: [из архивной коллекции «Документы об участии дальневосточников в Великой Отечественной войне»] // ГАХК. Ф. Р-1205. Оп. 17. Д. 8. Л. 7.
5. [Вечернее сообщение Советского информбюро от 10 сентября 1941 г.] // Тихоокеан. звезда. — 1941. — 12 сент.
6. [Вечернее сообщение Советского информбюро от 31 января 1942 г.] // Тихоокеан. звезда. — 1942. — 3 февр.
7. Извещения на погибших / Хабаровский крайвоенкомат // ГАХК. Ф. Р-1456. Оп. 1.
8. Ленинград в ожидании победы 1944–1945 : [выставочный проект] : к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне / [авт.-сост.: С. Б. Борзенко, А. О. Кожемякин]. — Санкт-Петербург : Гос. музей гор. скульптуры, 2015. — 179 с.
9. Оперативная сводка от Совинформбюро за 18 января 1944 года // Тихоокеан. звезда. — 1944. — 20 янв.
10. Приказ командующего войсками Ленинградского фронта генерала армии Л. А. Говорова войскам Ленинградского фронта от 27 января 1944 года // Тихоокеан. звезда. — 1944. — 21 янв.
11. Справка Всероссийской Академии художеств // ГАХК. Ф. Р-2024. Оп. 1. Д. 51. Л. 15.

12. Феоктистов, С. «Город Ленина» // Тихоокеан. звезда. — 1941. — 10 окт. 13. Эвакуационное удостоверение В. Е. Романова // ГАХК. Ф. Р-2024. Оп. 1. Д. 51. Л. 17.

Материал поступил в редакцию 02.03.2020.

Сведения об авторе: Салеева Лариса Владимировна, заведующий сектором научного использования документов Центра доступа к архивным ресурсам Государственного архива Хабаровского края, заслуженный работник культуры РФ (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: saleeva@archiv.khv.ru; тел. (4212) 30-53-00.

► К 90-летию со дня рождения Юрия Рытхэу

КОЧНЕВА СВЕТЛАНА РОИСОВНА

ВРЕМЯ ЮРИЯ РЫТХЭУ

Статья посвящена феномену творчества классика чукотской литературы Юрия Сергеевича Рытхэу (1930–2008), сумевшего передать людям всего мира величие души чукотского народа.

Ключевые слова: Чукотка, чукотская литература, Юрий Рытхэу.

Keywords: Chukotka Peninsula, Chukchi literature, Yuri Rytkeu.

*Рытхэу один на всех.
Но у каждого свой Рытхэу...*
Игорь Молчанов,
журналист и публицист

Произведения Юрия Рытхэу — самый полный путеводитель по исчезающей под натиском Истории, скрывающейся в своём «времени снов» Чукотке. Его книги не памятник, не архив воспоминаний, а живой, огромный, меняющийся мир.

Юрий Рытхэу проявил себя во всех литературных жанрах, выступил как переводчик, прозаик и поэт, публицист и литературный критик. Он писал также пьесы и киносценарии.

Юрий Рытхэу беседует с земляком во время визита на Чукотку (год и место съёмки неизвестны).

Имя чукотского писателя хорошо известно и в России, и за рубежом; его произведения переведены и изданы на 30 языках народов мира. За 60 лет творческой деятельности им написано немало. Только в Публичной библиотеке имени Тана-Богораза (г. Анадырь) хранится более 100 изданий Рытхэу на русском, чукотском, эвенском, французском, немецком, итальянском и эстонском языках.

«Сколько себя помню, в нашей яранге всегда были книги, — писал Юрий Рытхэу. — Ни одно, даже самое чудесное изобретение тангитанов¹ не вызывало у меня такого жгучего любопытства, как книга, волшебный кладёзь, куда мог проникнуть любой грамотный человек.

Прерывая чтение, я смотрел на бегущие в вышине легкие облака и грезил о далеких землях, о том еще не виденном мною мире и с замиранием сердца думал: неужели когда-нибудь в далеком будущем я все это увижу, воочию. Но если не прошлое, то хоть сегодняшней мир, заключенный пока в этом хрупком материале, в белой,

иногда желтоватой бумаге. Книга до сих пор для меня — чудо» [7, с. 144].

Творчество каждого писателя не возникает на пустом месте, а имеет глубинные корни, соединяющие его с творческим наследием предшественников, с духовными и художественными исканиями современников. «Мои сородичи, — говорил Юрий Рытхэу, — встают со страниц книг Вацлава Серошевского, Владимира Тана как бы освещенные еще одним лучом, с дистанции далекого, уже ушедшего времени, но это дает нам возможность понять многое в сегодняшней жизни» [8, с. 89].

Ещё один источник творчества Юрия Рытхэу — интерес к традициям и духовной жизни своего народа. По мнению критиков, интерес этот связан с предчувствием грядущих изменений, с предчувствием, которое побуждает обозреть весь путь национальной культуры, дабы взять с собой в обновлённый мир всё то живое и ценное, что ею создано.

У Рытхэу необыкновенно тонкое ощущение времени. Похоже, что с этим великим, необратимым и неумолимым явлением он, как говорится, «на ты». Истоки этого дара следует искать ещё в детских годах писателя.

Юрий Сергеевич Рытхэу родился 8 марта 1930 года в самом восточном населённом пункте России — в Уэлене — в старинном чукотском стойбище морских охотников-анкалинов. В то время это было самое большое чукотское селение. На косе разбросаны четыре десятка яранг и два деревянных дома — райисполком и школа. На севере — бескрайние просторы Чукотского моря, на юге — большая лагуна с холмистыми берегами, на западе — синева мыса Инчоун, на востоке — мыс Дежнёва.

Издrevле Уэлен считается посёлком мастеров. Здесь жили храбрые охотники на кита и белого медведя, искусные художники, резчики по моржовому клыку — Туккай, Вуквутагин, знаменитые певцы и сказители — Атык и Нутетеин. «Лилась над уэленской лагуной песня, и каждый, кто слушал ее, как бы заглядывал внутрь собственного “я”, — вспоминал Юрий Рытхэу [8, с. 14].

Многообразное искусство уэленцев с детских лет питало воображение одарённого мальчика и вошло в его душу, чуткую ко всему прекрасному. Вот и первые стихотворения, написанные для детей, он посвятил родному Уэлену:

*Издали посёлок нарисован будто!
По льду пробегает тень от самолёта...
Выстрелы с припая — там идёт охота...
Стонут первые гагары.
Первый рёв моржа с прилива.
К морю белые вельботы
Люди тащат торопливо...
И смеющиеся дети, помогая взрослым,
На косу береговую доставляют вёсла.
С горки дошколята кубарем слетают.*

¹ Тангитан — чужеземец, как правило, европеец [5, с. 210].

Так и я когда-то!

Вот ведь как бывает! [1, с. 168]

В 1930-х годах жизнь в посёлке представляла собой причудливое смешение старых обычаев и нового строя жизни. В школе Рытхэу постигал основы научного объяснения мира, а, возвращаясь в ярангу, познавал древние обычаи предков.

После окончания семилетки шестнадцатилетний Рытхэу, чтобы собрать денег и добраться до Анадыря, устроился в зверобойную бригаду науканцев, в бухте Лаврентия работал маляром, в посёлке Провидения — грузчиком в порту, в Беринговом море ходил матросом. Так, двигаясь по побережью, он добрался до Анадыря.

В 1946 году Юрий Рытхэу поступил в Анадырское педагогическое училище народов Севера, а вскоре устроился корреспондентом в окружную газету «Советская Чукотка», где публиковал свои очерки и стихи, совмещая работу в газете с учёбой.

В Анадыре Рытхэу встретился с педагогом и учёным Петром Скориком, который оказал молодому писателю содействие в выборе высшего учебного заведения для получения дальнейшего образования. Так началось долгое путешествие до Ленинграда, длившееся четыре месяца и описанное в повести «Дорога в Ленинград».

В 1949 году Юрий Рытхэу поступил на лингвистический факультет Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова. После трёх лет обучения перевёлся на факультет журналистики, который окончил в 1954 году. Во время учёбы в университете Рытхэу начинает активную литературную деятельность: переводит на чукотский язык сказки Александра Пушкина, рассказы Льва Толстого, произведения Максима Горького, которого он, кстати, считал своим писателем.

Юрию Рытхэу было чуть больше 20 лет, когда его рассказы появились в альманахе «Молодой Ленинград». В 1953 году в издательстве «Молодая гвардия» вышел его первый сборник рассказов «Люди нашего берега». Почти в каждом рассказе место действия — это родина писателя, село Уэлен. Первая книга Рытхэу была единодушно оценена критикой как значительное явление литературной жизни.

В 1954 году он становится членом Союза писателей СССР. Изданный два года спустя в Магадане сборник «Чукотская сага» сделал его имя известным не только советскому, но и зарубежному читателю. В 1957 году книга была представлена на международной книжной выставке в Лейпциге.

В середине 1950-х годов молодой чукотский писатель несколько лет жил в Магадане, центре новой обширной области, образованной в 1953 году, в состав которой вошёл и Чукотский автономный округ. Рытхэу работал редактором-переводчиком Магаданского книжного издательства,

корреспондентом газеты «Магаданская правда». В Магадане жил в те годы и молодой чукотский поэт Виктор Кеулькут.

Новый этап творчества Юрия Рытхэу начался в начале 1960-х годов книгой «В долине Маленьких Зайчиков». В это же время им был написан роман «Самые красивые корабли», по которому в 1972 году был снят одноимённый художественный фильм (режиссёр — А. Ниточкин). Примечательно, что в одной из эпизодических ролей снимается сам писатель.

Юрий Рытхэу за несколько лет сумел стать широко известным. Его произведения вызывают и заслуженные похвалы, и справедливые критические замечания. Однако никто из критиков не усомнился в таланте чукотского писателя, в оригинальности и новизне его творчества.

Чем же вызвана популярность Юрия Рытхэу? Прежде всего, тем, что его проза — это художественное исследование исторической судьбы его народа, который за несколько десятилетий перешагнул через тысячелетие.

Герои его произведений отличаются своим патриотизмом, возвышенным чувством гражданской совести и долга. Для них «из всех больших и малых истин... самая великая та, что нет лучшей земли на свете, чем родная земля...» [9, с. 13].

Сын Юрия Сергеевича — Александр Рытхэу запомнил такой рассказ отца: «Приходит маленький Рытхэу из школы и говорит: “Бабушка, мы тут проходили Дарвина, и он говорит, что все мы произошли от обезьян, это правда?” Бабушка Гивэвэнау спрашивает: “А кто этот Дарвин? — Англичанин. — Так то англичане произошли от обезьян, а мы, чукчи, от китов!”» [3, с. 20].

В 1977 году в свет вышла повесть «Когда киты уходят», написанная на основе старинной чукотской легенды. А в 1981 году по мотивам повести режиссёром Анатолием Ниточкиным был поставлен одноимённый художественный фильм.

В 1993 году вышла ещё одна экранизация произведений чукотского писателя — фильм «Сон в начале тумана», снятый на Свердловской киностудии по одноимённому роману, опубликованному Рытхэу в начале 1970-х годов. В романах «Сон в начале тумана» и «Иней на пороге» впервые в мировой художественной литературе автору удалось показать повседневную жизнь чукчей глазами иностранца. Эта история о канадце Джоне Маккленане, его прототипом считается норвежец Волл, живший в чукотском посёлке в начале XX века.

В романе «Конец вечной мерзлоты» писатель рассказывает о трагической судьбе героев первого анадырского ревкома, трагически погибших 100 лет назад. Роман, основанный на реальных событиях, создан как эпическое произведение, воскрешающее события героического прошлого.

Роман «Белые снега» автор посвятил первым русским учителям, приехавшим на Чукотку в середине 1920-х годов. В рукописи роман так и назывался «Русский учитель». Про-

тотипами героев стали Пётр Скорик, Григорий Меновщиков, Иннокентий Вдовин.

«Время течёт быстро, как вода в Беринговом проливе», — эта цитата, больше похожая на афоризм, из романа «Интерконтинентальный мост». Сюжет фантастического романа посвящён давней мечте многих жителей Чукотки и Аляски — строительству моста через Берингов пролив.

В 1990-х годах внутренний настрой Рытхэу меняется, он пишет: «Жизнь человеческая — что это, всего лишь миг или бесконечность вечно ощутимого близкого конца?» [11, с. 6]. В погоне за заветной мечтой написать свою лучшую книгу Рытхэу, подводя итоги 20 столетия, признаётся: «Ты боишься перечитывать самого себя, чтобы снова и снова не убеждаться в том, как написанное тобой далеко от совершенства» [11, с. 6].

В начале XXI века были изданы новые романы Юрия Рытхэу: «В зеркале забвения», «Чукотский анекдот», «Скитания Анны Одинцовой», «Под созвездием Печали», «Дорожный лексикон», а также «Последний шаман». По словам самого автора, «Это книга о предках, которыми я горжусь не менее, чем гордятся древностью своих родословных представители знатных европейских фамилий» [10, с. 10].

Юрий
Рытхэу
в Музей-
ном центре
«Наследие
Чукотки»,
г. Анадырь,
май
2006 года.

В 1998 году губернатором Чукотского автономного округа Александром Назаровым была учреждена литературная премия, названная именем классика чукотской литературы. А день рождения Юрия Рытхэу — 8 марта — был объявлен Днём литературы Чукотки. С 2000 года литературный конкурс стал межрегиональным, а затем и международным.

Сам Юрий Сергеевич уделял большое внимание конкурсу, говорил, что приезжает в эти дни на Чукотку, чтобы поддержать своих собратьев по перу. Он лично вручал награды лауреатам первых шести конкурсов.

14 мая 2008 года чукотский писатель ушёл из жизни, похоронен на кладбище в посёлке Комарово, близ Санкт-Петербурга.

Памяти Юрия Рытхэу посвящали строки многие поэты. Приведём стихотворение «Три мелодии», написанное его другом по Санкт-Петербургскому Союзу писателей Ильёй Фоянковым:

*Согласно заветам седой старины,
Три личных мелодии чукче даны.
Сначала мелодия детства — она
Бывает родителями сложена.
Мелодию зрелости выдумай сам,
Прислушавшись к жизни, к её голосам.
Мелодию старости внук создаёт
И деду в подарок её отдаёт.*

*А вы, постаревшей Европы сыны,
Чем в жизни отмечены, отличены?
У вас с фотографиями паспорта,
Печатей и подписей в них пестрота,
Они заверяют, что вы — это вы
И то, что действительно вы таковы.
С различных сторон подтверждают сей факт
Расчётная карточка, брачный контракт,
Партийный билет, профсоюзный билет.
А вот музыкального паспорта нет!
Вдруг скажет, к примеру, привратник в раю:
«Мелодию нам предьяви-ка свою!» [12, с. 39]*

Памятник
Юрию
Рытхэу
в Анадыре.

В 2011 году в день рождения писателя в Анадыре был торжественно открыт памятник Юрию Рытхэу, изображающий писателя, сидящего на оленьих шкурах и смотрящего вдаль. Автор памятника — известный скульптор из Санкт-Петербурга Александр Рукавишников. Дипломантка литературного конкурса имени Юрия Рытхэу Лидия Болина описала свои впечатления от памятника в стихах:

*...А там, среди асфальтового плена,
Пред вечностью, у самого порога,
Приляжет человек из Уэлена,*

Как будто отдохнуть перед дорогой...

*Застынут две собаки в изваянье,
И вдаль поманит с моря свежий ветер,
А он как-будто видел с расстоянья
Корабль, что унёс его в бессмертье... [2, с. 10]*

Могли ли предположить предки Рытхэу, чьё имя в переводе означает «неизвестный», что их потомок станет родоначальником чукотской литературы и принесёт ей мировую известность, что литературную жизнь Чукотки XX столетия по праву назовут временем Юрия Рытхэу?..

Список использованных источников

1. Бойцова, А. Ф. Книга для чтения в первом классе школ Крайнего Севера / А. Ф. Бойцова, Л. А. Варковицкая, А. С. Егорова. — Ленинград : Просвещение, 1977. — 238 с.
2. Болина, Л. Рытхэу, человек из Уэлена : открытый урок по творческой биографии северного классика / Л. Болина // Крайн. Север. — 2015. — 20 марта. — С. 10 : фот.
3. Зиберт, Е. О Рытхэу в литературе. Вместе и по отдельности / Е. Зиберт // Крайн. Север. — 2011. — 18 марта. — С. 20 : фот. цв.
4. Кочнева, С. Веселый Рытхэу / С. Кочнева // Крайн. Север. — 2010. — 14 мая. — С. 22 : портр.
5. Роговер, Е. С. Изучение творчества Юрия Рытхэу в школе / Е. С. Роговер. — Санкт-Петербург : Миралл, 2006. — 232 с.
6. Рожков, Е. Самый знаменитый чукча : [Ю. С. Рытхэу] / Е. Рожков // Крайн. Север. — 2008. — 20 июня. — С. 6.
7. Рытхэу, Ю. С. Дорожный лексикон / Ю. С. Рытхэу. — Санкт-Петербург : Звезда, 2010. — 520 с.
8. Рытхэу, Ю. С. Под сенью волшебной горы / Ю. С. Рытхэу. — Ленинград : Совет. писатель, 1974. — 328 с.
9. Рытхэу, Ю. С. Полярный круг : повесть / Ю. С. Рытхэу. — Магадан : Кн. изд-во, 1977. — 185 с.
10. Рытхэу, Ю. С. Последний шаман : роман / Ю. С. Рытхэу. — Санкт-Петербург : Звезда, 2004. — 456 с.
11. Рытхэу, Ю. С. Путешествие в молодость, или Время красной морошки : повести и рассказы / Ю. С. Рытхэу. — Москва : Современник, 1991. — 366 с.
12. Фояков, И. Молодость — это надежда / И. Фояков // День и ночь. — Красноярск, 2011. — № 6. — С. 36–42.

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 05.02.2020.

Сведения об авторе: Кочнева Светлана Роисовна, заместитель директора по методической работе Публичной библиотеки имени Тана-Богораза (г. Анадырь).

Контактные данные: Чукотский АО, г. Анадырь, ул. Отке, д. 5, Публичная библиотека имени Тана-Богораза; тел. (842722) 2-21-97, факс: (842722) 2-86-77, 2-61-53.

► К 85-летию со дня рождения Владимира Санги

КРАСИЛЬНИКОВА ИНГА ВАЛЕРЬЕВНА

УНИКАЛЬНЫЙ ФОНД

Статья посвящена уникальному фонду документов первого нивхского писателя Владимира Михайловича Санги, собираемому Ногликской районной центральной библиотекой имени В. М. Санги (пос. Ноглики) на протяжении многих лет. Также автор рассказывает о совместных издательских проектах писателя и библиотеки.

Ключевые слова: В. М. Санги, Ногликская библиотека, писательский фонд, нивхи, нивхский язык, Сахалин, Ноглики.

Keywords: V. M. Sangi, Nogliki Library, writing fund, Nivkh people, nivkh languages, Sakhalin, Nogliki.

Лауреат Государственной премии России, основоположник нивхской литературы Владимир Михайлович Санги — большой друг Ногликской библиотеки.

В 1996 году, по зову души оставив относительно благополучную Москву, положение и даже семью, Владимир Михайлович вернулся в родные места, в стойбище Улво на заливе Чайво. Как человек грамотный, думающий, читающий, он не мог обойти стороной нашу библиотеку. Так завязалась многолетняя дружба первого нивхского писателя и Ногликской районной центральной библиотеки.

Владимир Санги.

Сотрудники библиотеки организовывали встречи, литературные гостиные, другие мероприятия с Владимиром Михайловичем и никогда не получали от него отказа.

В 2008 году правительство Сахалинской области поддержало идею издания восьми книг В. М. Санги серии «Я читаю с бабушкой» для детей на нивхском и русском языках. Благодаря реализации совместного проекта В. М. Санги и Ногликской библиотеки свет увидели книги: «Как родилась земля», «Девочка-лебедь», «Как чайки-крачки стали жить вместе», «Бурундук ищет друга», «Нерпа-ларга и камбала колючая», «Сын рыбы Тягмак», перевод на нивхский язык произведений А. С. Пушкина и Ш. Перро («Сказка о рыбаке и рыбке», «Красная Шапочка»). В 2016 году по этим сказкам создано восемь аудиокниг. Нивхский текст озвучил сам автор, единственный на данное время нивх мужчина, владеющий родным языком.

Следующим большим этапом совместной деятельности сотрудников Ногликской библиотеки и Владимира Михайловича Санги стала работа над изданием эпоса сахалинских нивхов «Ыҕмиф ңалит во. Поселение бухты Черной земли»¹. Автор в 1960-х годах записал ңастуҕ (эпос нивхского народа) в исполнении сказительницы Хыткук. Более 40 лет Владимир

Михайлович работал над эпосом — записывал произведение на бумажные носители. Когда рукопись была готова, оказалось, что желающих набирать том размером более 400 страниц на нивхском и русском языках не нашлось ни в России, ни за рубежом. Тем более что нивхского шрифта до сих пор нет и для работы необходимо использовать символы.

Идёт работа над эпосом сахалинских нивхов «Ыҕмиф ңалит во. Поселение бухты Черной земли». И. В. Красильникова, В. М. Санги.

В растерянности Владимир Михайлович пришёл со своей проблемой в библиотеку. Директор Ольга Евгеньевна Рожнова приняла решение помочь писателю. И закипела работа. Несколько лет сотрудники библиотеки работали над эпосом, кропотливо набирая, отработывая и правя каждую букву. В 2013 году эпос сахалинских нивхов «Ыҕмиф ңалит во. Поселение бухты Черной земли» был издан. Презентации уникальной книги состоялись не только в Ногликах, но и в Москве и в Южно-Сахалинске.

Литературовед И. А. Гобзев написал: «Нивхский поэт Владимир Санги вошёл в историю литературы как автор эпоса, сопоставимого с обеими «Эддами», «Беовульфом», «Песней о Нибелунгах», «Иллиадой», «Калевалой» и рядом других древних текстов» [1, с. 168]. Мы по праву гордимся грандиозной работой, проделанной библиотекой для издания нивхского ңастуҕ.

В 2015 году администрация Ногликского района, отмечая заслуги Ногликской библиотеки по сохранению культурного наследия коренных малочисленных народов Севера, и в связи с 80-летием классика, присвоила Центральной модельной библиотеке имя первого нивхского писателя. Скульптуру В. М. Санги в исполнении заслуженного художника России В. Н. Чеботарёва в 2019 году установили в сквере Ногликской библиотеки. Торжественное открытие монумента состоится в день 85-летнего юбилея писателя — 18 марта 2020 года.

¹ Санги, В. Эпос сахалинских нивхов / В. Санги ; [ил. авт. ; предисл.: А. И. Гашилова, Л. Б. Гашиловой ; пер. на рус. яз. Н. А. Тарасова]. — Москва : Смирнова М. А., 2013. — 431 с.

Скульптура В. М. Санги в исполнении заслуженного художника России В. Н. Чеботарёва в сквере Ногликской библиотеки.

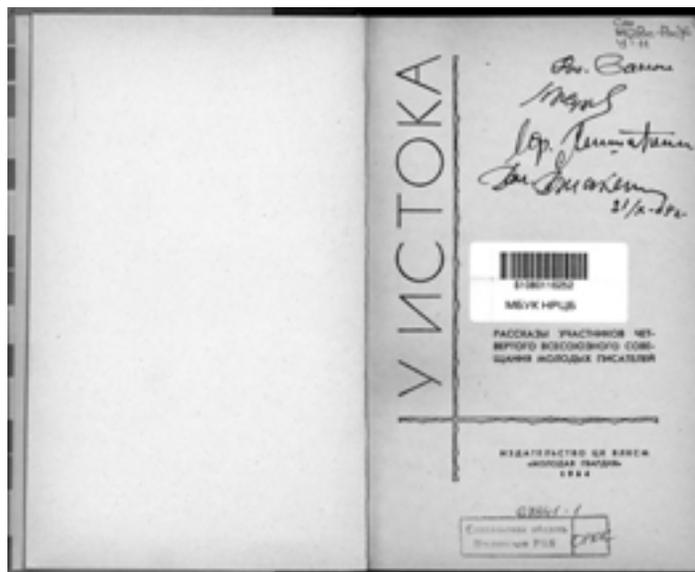
Слева направо: первый заместитель председателя Государственного собрания (Ил Тумен) Республики Саха (Якутия) Александр Николаевич Жирков, директор МБУК «Ногликская централизованная библиотечная система» Ольга Евгеньевна Рожнова, заведующий отделом информационно-краеведческой работы Ногликской библиотеки Инга Валерьевна Красильникова, Владимир Михайлович Санги.

Все эти годы сотрудники библиотеки собирали документы, касающиеся жизни и творчества Владимира Михайловича. Благо, писатель регулярно ходил в библиотеку и периодически дарил нам свои рукописи. Кстати, рукопись эпоса сахалинских нивхов на русском и нивхском языках тоже хранится в фондах учреждения.

Первая книга В. М. Санги «Нивхские легенды», 1961 год.

В 2017 году пришла идея максимально пополнить этот фонд новыми документами, родился проект «И постиг я извечный закон бытия...», который поддержала компания «Сахалин Энерджи». Началась настоящая охота за книгами В. М. Санги в интернет-пространстве. Это очень увлекательное занятие — выискивать необходимые документы на различных площадках Интернета.

Книга «У истока: рассказы участников Четвертого Всесоюзного совещания молодых писателей» с автографами авторов книги.

Мы нашли и приобрели совершенно уникальные издания, например, первые книги В. М. Санги: «Нивхские легенды»², «Солёные брызги»³, «Голубые горы»⁴ в прекрасном состоянии, сборник «У истока: рассказы участников Четвертого Всесоюзного совещания молодых писателей»⁵ с автографами авторов книги, брошюру «Кыкык»⁶ Магаданского книжного издательства, выпущенную в 1972 году. Её особенностью являются иллюстрации художника Д. А. Брюханова, который, не представляя, как исторически выглядят сахалинские нивхи, и включив собственную фантазию, нарисовал героев книги в несвойственной нивхам одежде рядом с тиграми, которые никогда не водились на острове Сахалин.

Есть в нашем фонде редкие издания, такие как «Литература народов Севера»⁷ (издана в 2005 г.), тираж которой составляет всего 150 экземпляров. В этой книге замечательная литературоведческая статья А. И. Гашилова

2 Санги, В. М. Нивхские легенды : [легенды] / В. Санги ; [пер. с нивх. авт.] . — Южно-Сахалинск : Сахалин. кн. изд-во, 1961. — 50, [2] с.

3 Санги, В. М. Солёные брызги : [стихи] / В. Санги ; [пер.: Л. Токарева, А. Ткаченко, А. Сорокина, А. Алшутова, Н. Старшинова ; ред. А. С. Ткаченко]. — Южно-Сахалинск : Сахалин. кн. изд-во, 1962. — 33, [2] с.

4 Санги, В. М. Голубые горы : рассказы / В. Санги. — Южно-Сахалинск : Сахалин. кн. изд-во, 1962. — 46, [1] с.

5 У истока : рассказы участников Четвертого Всесоюзного совещания молодых писателей / [ред. З. Коновалова ; худож. Н. Коробейников]. — Москва : ЦК ВЛКСМ : Молодая гвардия, 1964. — 350, [1] с.

6 Санги, В. М. Кыкык : нивхская сказка / В. Санги ; худож. Д. А. Брюханов. — Магадан : [Магадан. кн. изд-во, 1972]. — 12, [2] с.

7 Литература народов Севера : сб. науч. ст. Вып. 4. / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, Ин-т народов Севера ; под ред. проф. А. А. Петрова и Е. С. Роговера. — Санкт-Петербург : РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. — 169 с.

Книга Санги В. М. «Кыкык»
с иллюстрациями Д. А. Брюханова.

и Л. Б. Гашиловой о В. М. Санги «Неутомимый путник, идущий впереди». Или книга «Живые родники»⁸ (2014 г.), выпущенная тиражом 50 экземпляров, включающая статью «Санги Владимир Михайлович». И многие-многие другие.

⁸ Живые родники : биобиблиогр. указ. / МБУК «Поронайская централиз. библиотечная система», Центр. б-ка ; [сост.: Л. Б. Анисимова, Т. С. Волшукова]. — Поронайск : [Поронайская типография], 2014. — 40 с.

Большую часть нашей коллекции занимает литературоведение. Статьи о творчестве В. М. Санги писали многие литературоведы, в их числе А. Чадаева, Т. Комиссарова, Н. Пантелеймонов, А. Ткаченко, Ю. Хазанкович. Интересно, что не все исследователи хвалят творчество нивхского классика, есть и негативные оценки. Например, В. Огрызко так отзывается о Владимире Михайловиче в книге «Нивхская литература» 2010 года: «...вождизм, по-моему, окончательно в 1990-е годы сгубил в нём дар большого художника» [2, с. 223]. Но большинство критиков всё же сходится во мнении, что «Владимир Санги — один из самобытнейших писателей Крайнего Севера» [3, с. 190].

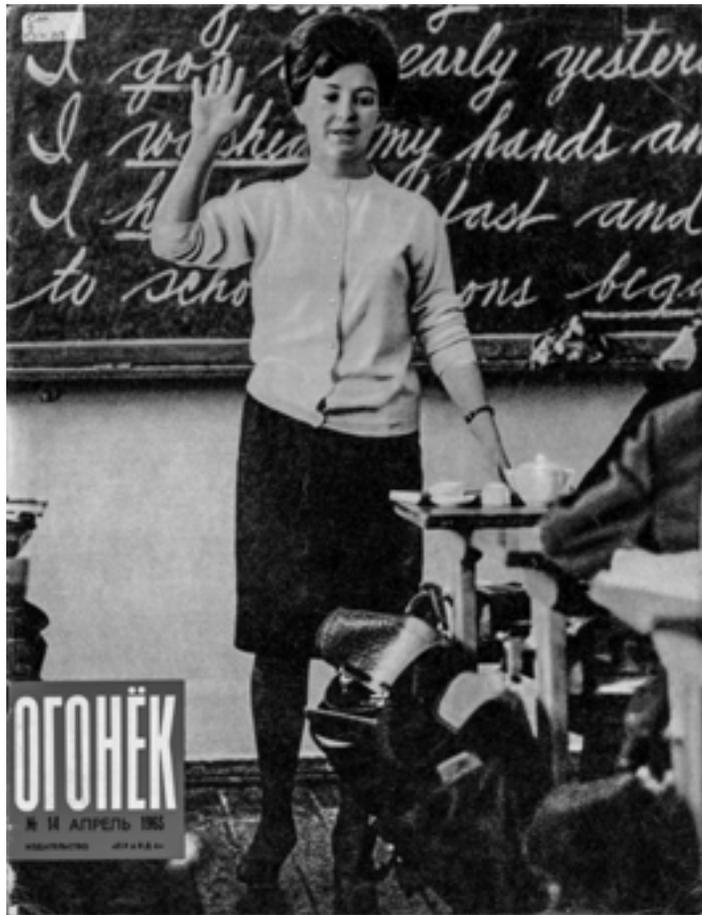
Много говорить о литературоведении не буду, скажу лишь, что желающих написать работу по творчеству В. М. Санги, включая научную, ждём в Ногликской библиотеке. Материалов хватит. Тем более что в состав коллекции входят книги, где имеется множество пометок, правок, комментариев, сделанных автором, то есть по этим документам можно отследить, как со временем изменялось его мировоззрение.

Произведения известного и самобытного писателя Владимира Санги переведены на многие языки мира. В нашем фонде есть книги на польском, эстонском, украинском, якутском, французском и японском языках. За помощью в поиске книг мы обращаемся как в российские регионы, так и в разные страны мира, где уже нашли друзей. Эти неравнодушные люди находят книги на своём языке и присылают нам, за что большое спасибо японской переводчице Юко Тахара, Васильевой Туяре из Якутии и другим.

Ещё одной жемчужиной нашей коллекции являются периодические издания. Владимир Михайлович многократно издавался в журналах «Октябрь», «Дружба народов», «Сибирские огни», «Дальний Восток», «Знамя», «Новый мир», «Аврора» и других. Пока самым ранним из изданий, найденных нами, является журнал «Костёр» (№ 12 за 1959 г.), в котором напечатан рассказ Владимира Санги «В гости». Необыкновенными иллюстрациями-гравюрами А. Брусиловского порадовал нас журнал «Огонёк» (№№ 14 и 15 за 1965 г.) с напечатанной повестью «Изгин». Совершенно неожиданно произведения Владимира Санги были обнаружены в журналах «Охота и охотничье хозяйство», «Юный натуралист», «Советская женщина», «Работница», «Юность», «Мурзилка» и других, а также в многочисленных газетах.

Особенностью нашей коллекции является то, что мы стараемся найти оригиналы изданий и, только если не получается, делаем копии.

На данный период коллекция состоит из более 1 000 экземпляров документов. Работа по пополнению этого

фонда продолжается. Регулярно просматривается Интернет в поисках недостающих изданий. Находятся всё новые и новые документы.

Столь тесное сотрудничество Ногликской библиотеки и нивхского писателя приносит всё новые плоды. В 2019 году мы издали книгу лирических стихотворений В. М. Санги «Я уйду с тобою спозаранку...».

В 2020 году по проекту «Мелодия нивхских слов», поддержанному компанией «Эксон Нефтегаз Лимитед», выйдет в свет аудиословарь, где нивхские слова озвучил Владимир Михайлович. Презентация говорящего нивхского словаря приурочена к 85-летию писателя.

Ждёт своего часа 7-томное собрание сочинений писателя, проект издания которого уже составлен.

На днях Владимир Михайлович принёс нам рукописи рассказов «Приключения двух братьев», «У истока» и сказки «Мудрая нерпа» на нивхском языке. А это значит, что работа продолжается, будут новые книги, помогающие сохранять столь уникальный нивхский язык, и будет пополняться наша коллекция документов жизни и творчества первого нивхского писателя, филолога и этнографа, нашего близкого друга Владимира Михайловича Санги.

Журнал «Огонёк» (№ 14, 1965 г.) с впервые напечатанной повестью «Изгин» и иллюстрациями-гравюрами А. Брусиловского.

Список использованных источников

1. Гобзев, И. А. Цветы во льдах : литература коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока : наблюдение философа и критика / И. Гобзев ; [вступ. ст. А. В. Ващенко]. — Москва : Литература России, 2013. — 191 с.
2. Нивхская литература : материалы и исследования / сост. В. Огрызко. — Москва : Литературная Россия, 2010. — 240 с.
3. Пантелеймонов, Н. «Неутомимый путник» : Владимиру Санги 50 лет / Н. Пантелеймонов // Октябрь. — 1985. — № 3. — С. 190–191.

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 13.02.2020.

Сведения об авторе: Красильникова Инга Валерьевна, заведующий отделом информационно-краеведческой работы Ногликской районной модельной центральной библиотеки имени В. М. Санги (пос. Ноглики).

Контактные данные: e-mail: nogliki.kx@yandex.ru; тел. 8-984-132-67-68.

НЕФЁДОВА ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА

НАШ САНГИ

Статья посвящена 85-летию со дня рождения основателя нивхской литературы, писателя и публициста, разработчика нивхской письменности Владимира Михайловича Санги. В статье даны биографические сведения, описан творческий путь поэта и прозаика.

Ключевые слова: литература Сахалина, нивхская литература, литературное творчество, Владимир Санги.

Keywords: Sakhalin literature, Nivkh literature, literary creative, Vladimir Sangi.

Владимир Михайлович Санги — нивхский писатель и публицист, основоположник и классик нивхской литературы — родился 18 марта 1935 года на северо-востоке острова Сахалин, в нивхском стойбище Набиль. Мать Санги принадлежала к древнему роду нивгун Кевонг. Дата рождения писателя неточная, так как вопрос о ней встал только в момент получения паспорта.

Детство было трудным. В 1938 году был арестован и расстрелян как «враг народа» отец, семья (мать, сестра, брат и слепая бабушка) осталась без единственного мужчины и добытчика. Жили в землянке, голодали. Спустя годы свои детские воспоминания — постоянное и непреодолимое чувство голода — В. М. Санги описал в рассказе «Первый выстрел» (1965 г.): «Недоедание в нашем доме стало таким же обычным и частым явлением, как дни и ночи...» [7, с. 266].

В 1944 году худенького мальчика, плохо говорящего по-русски, мать отдала в интернат, открытый в посёлке Ноглики для детей народов Севера. По окончании четырёх классов начальной национальной школы В. Санги продолжил обучение в русской средней школе. Уже в отрочестве у него стали проявляться литературные способности. Первый поэтический опыт — сочинение по поэме М. Лермонтова «Мцыри» — Володя Санги написал в стихах, чем удивил и порадовал учителя русского языка и литературы. Увлечение поэзией сочеталось с занятиями музыкой, рисованием и спортом. По окончании школы юноша поступил на подготовительные курсы отделения народов Севера Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена; через три года поступил на географический факультет, параллельно учился на факультете физической культуры и спорта. В 1959 году, окончив институт, вернулся на Сахалин, где преподавал географию и физкультуру в Ногликской школе-интернате.

В том же году в областной молодёжной газете «Молодая гвардия» состоялся поэтический дебют молодого автора: в рубрике «Литературная страница» было опубликовано стихотворение «Волна» из цикла «Здравствуй, край мой», посвящённого Сахалину, и коротенькая заметка о молодом нивхском поэте, его планах на будущее. А в планах была не только поэзия. Его привлекал нивхский фольклор — собрание, изучение, литературная обработка, перевод на русский язык. По роду своей деятельности — в 1960 году В. М. Санги был назначен инспектором по делам малых народов Севера Ногликского райисполкома — он много времени проводил в поездках по отдалённым стойбищам. Это были своего рода фольклорные экспедиции, итогом которых стало уникальное собрание нивхских тылгуров и настундов (бытовых и героических сказаний), которые В. Санги тщательно записывал. Некоторые из них легли в основу первой книги — «Нивхские легенды» (1961 г.),

вышедшей на русском языке и принёсшей автору всесоюзную известность.

В 1962 году Владимир Санги отправил свою книгу первому секретарю Союза писателей СССР писателю К. Федину, который отозвался письмом, содержащим подробный разбор произведений сборника. По его словам, «фольклор советских народов обогащается теперь ещё одним красочным притоком... Итак, появился первый нивхский писатель — певец нивхов, которому предстоит открыть другим народам душу и сердце своего... Велики перемены, которые принесла нашей стране Октябрьская революция... Невольно думаешь об этом, вспоминая горькое предсказание Чехова об обречённости судьбы «гиляков»» [4, с. 57].

Следом за первой книгой выходят из печати сборник рассказов «Голубые горы» (1962), сборник стихов «Солёные брызги» (1962 г.). В том же году В. Санги стал членом Союза писателей СССР. Продолжая творческую деятельность, окончил Высшие литературные курсы в Москве (1963–1965 гг.).

Увлечённый историей и фольклором своего народа, молодой писатель продолжает собирательство и литературную обработку записанных текстов. Он пристально изучает мир старых нивхов, не поддавшихся чуждому им переустройству мира, не принявших навязываемого земледелия, стремившихся в тайгу, в море — к привычному укладу и порядку жизни. Двигало им и понимание того, что из-за физического исчезновения непосредственных носителей нивхского фольклора может быть утерян огромный пласт духовной культуры народа, что существование народных традиций в их природной среде, аутентичной форме находится на грани исчезновения.

Собранного материала хватало для создания и поэтических книг, и сборников рассказов и легенд, и крупных прозаических произведений: «Семипёрая птица» (1964 г.), «Истоки» (1965 г.), «Изгин» (1965 г.), «Ложный гон» (1965 г.) — первое крупное произведение писателя, переведённое на иностранный язык (болгарский) под названием «Трое в снегах», «Тынграй» (1970 г.), «В царстве владык» (1971 г.), «Легенды Ых-мифа» (1974 г.), «Женитьба Кевонгов» (1975 г.). Характерной чертой произведений В. Санги остаётся обострённое внимание к прошлому своего народа, которое на глазах бесследно исчезало вместе со стариками; он рассказывает о попытках отлучения нивхов от привычного труда в море, на реке, в тайге, попытках приучить к другой деятельности, которой они никогда не занимались и не имели в ней потребности. В произведениях В. Санги много автобиографического, жизненного, наполненного воспоминаниями о суровых буднях и тяжёлых испытаниях.

Вместе с тем в цикле очерков «Созвездие полярного неба» В. Санги пишет о том хорошем, что принесла народам Севера советская власть: о первых нивхских школах на

Сахалине, о переписке детей с Максимом Горьким, о раскрывшихся талантах нивхского народа, о писателях и поэтах, появившихся у народов, ранее не имевших письменности. В этот цикл вошли очерки, документальные повести о самых насущных вопросах и проблемах в изучении национальных языков, проведении национальных праздников и обрядов, за что автору пришлось выслушать и упреки за воспевание прошлого.

В 1974 году В. М. Санги поступило предложение от председателя Совета министров РСФСР М. С. Соломенцева стать сотрудником аппарата Правительства России, в котором был создан отдел по развитию экономики и культуры народов Севера, — референтом по вопросам культуры, просвещения и науки народов Севера. На этой должности В. М. Санги смог многое сделать для всех северян России: спасти от закрытия факультет народов Севера в Ленинграде, создать отделы народов Севера в администрациях Сахалинской и Камчатской областей, Хабаровского края и других северных регионов страны, принять участие в разработке и официально утвердить письменность для нивхов, подготовить и выпустить совместно с Г. А. Отаиной, Т. И. Паклиной и Л. Б. Гашиловой¹ учебники нивхского языка. С помощью нивхской письменности, официально принятой в 1979 году, В. Санги перевёл для школьников отдельные произведения А. С. Пушкина, Ш. Перро, Л. Н. Толстого и других классиков мировой литературы; в 1981 году выпустил в свет первый нивхский букварь, в 1984-м — учебник нивхского языка и книгу для чтения, в 1987-м — книгу для дополнительного чтения.

В последующие годы Владимир Михайлович работает секретарём правления Союза писателей РСФСР, продолжает писать, много времени уделяет составлению и редактированию сборников произведений национальных авторов. В 1977 году В. М. Санги окончил аспирантуру Института мировой литературы имени А. М. Горького при Академии наук СССР.

В 1980-е годы в центральных издательствах выходит несколько сборников произведений В. М. Санги, в том числе «Избранное», «Месяц рунного хода» (1985), в серии «Но-

винки «Современника»» издана эпическая поэма «Человек Ых-мифа» (1986), написанная по мотивам народных сказаний. Одна из важнейших тем творчества В. Санги — по-прежнему природа и человек, его мужество и честь, место в жизни, кровная связь с родной землёй, настоящее, неотделимое от прошлого, опыт и мудрость прошлых поколений, которые необходимо передать будущим, отобрав всё лучшее и жизненно необходимое.

Раздумья и заботы человека Ых-мифа никогда не покидали В. Санги. Они нашли отражение в романе «Женитьба Кевонгов» («Время добыч»), опубликованном сначала в «Роман-газете», а затем в книге «Месяц рунного хода» в 1985 году. Как и все другие произведения, роман глубок и многосторонен по содержанию. Талант писателя позволил ему перенестись в описываемое время и перевоплотиться в каждого из героев, показать ту жизнь изнутри, ничего не приукрашивая. Более того, В. Санги впервые вышел за рамки национального романтизма и отказался от сближения реальной жизни с легендой. В этом романе писатель показал, как в начале XX века пошатнулись вековые устои уклада нивхской жизни под напором бурно развивавшегося капитализма на самой его ранней хищнической стадии. Используя накопленный литературный опыт, он сумел обогатить его новыми образами, новыми идеями, новым видением мира, которое даётся только с возрастом. С большой любовью и ярким мастерством описывает В. Санги сцены из нивхской жизни, посвящает читателя в сложные брачные проблемы своего народа, показывает истинное лицо сибирских промышленников и дельцов, с которыми волей или неволей приходилось жить рядом и иметь дело нивхам, так непохожим на них. Но, привыкшие ждать зла только от духов, они долго ещё не смогут понять, что самое страшное существо на земле — человек, ослеплённый жадной наживы, чуждой этому мирному, трудолюбивому и бесхитрому народу.

В 1988 году за книгу «Путешествие в стойбище Лунво» Владимир Михайлович Санги удостоен Государственной премии РСФСР имени М. Горького. В этот сборник вошли лучшие произведения писателя, получившие всесоюзное признание, в том числе роман «Ложный гон» и роман «Женитьба Кевонгов», который занимает в книге центральное место и представляет собой панораму жизни народа нивху с этнографическими подробностями жизненного уклада, и собственно «Путешествие в стойбище Лунво» — повествование о поездке автора в стойбище для участия в медвежьем празднике — традиционном, но загадочном и странном празднике, уже ушедшем в прошлое, — «игрищах по обычаю убийства медведя».

В 1994 году В. М. Санги решил вернуться на Сахалин в Ногликский район, на родовые земли. За двадцать лет

¹ Г. А. Отаина (1931–1996) — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института истории археологии и этнографии Дальневосточного научного центра РАН, член-корреспондент РАН; Л. Б. Гашилова (1955) — кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедры палеоазиатских языков, фольклора и литературы Института народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. [Т. И. Паклина преподавала математику в пос. Катангли, в начале 1980-х гг. преподавала нивхский язык в школе-интернате пос. Ноглики. Она прекрасно знает родной язык, в 1987 г. совместно с В. М. Санги написала книгу для дополнительного чтения «Тазла петар», а также программу для начальных классов. — Сведения получены редакцией журнала из личной переписки с Л. Б. Гашиловой].

работы в Москве ему приходилось преодолевать сопротивление многих чиновников, по-своему понимающих политику советского государства в отношении народов Севера. Когда стало очевидно, что отношение к природе и местному населению приобрело особенно варварский характер, он стал более активно бороться за свой народ, за то, чтобы он не потерял своей многовековой культуры.

По возвращении на Сахалин В. Санги приступил к работе над созданием сборника избранных произведений. Двухтомник, включивший лучшие романы и повести, рассказы, сказки и очерки, рисующие широкую панораму жизни нивхского народа, получившие признание в нашей стране и переведённые на иностранные языки, вышел в свет в 2000 году.

В 2004 году по гранту Министерства образования Японии и при участии Токийского государственного университета иностранных языков всемирно известной фирмой «Сони» успешно переведены на цифровые носители произведения нивхского фольклора, собранные и сохранённые В. Санги. Среди записанного — нивхский эпос в вокальном исполнении носителей языка. Это первый случай записи полного текста образца эпоса в более чем столетней истории исследований нивхского языка и фольклора. Записаны также исключительно редкие образцы тотемных мифов, исторические и родовые предания, лирические песни и другие жанры. Эти записи пополнили специализированные фонды университетов и библиотек мира.

В течение ряда лет В. Санги избирался секретарём правления Союза писателей России, был избран первым президентом Общероссийской ассоциации народов Севера (1990–1994 гг.). В 1993 году Владимира Санги избрали своим вождём старейшины (вожди) родов Кет Восточноречного Сахалина и бассейна реки Тымь. Владимир Санги является единственным в регионах Дальнего Востока Российской Федерации статусным вождём племени. Он, член Международной лиги защиты прав и свобод человека при экономическом и социальном Совете ООН, выбрал судьбу своего маленького народа, затерянного в вековой тайге на берегах далёкого Охотского моря.

Его творческая и общественная работа получили признание: В. Санги награждён медалью «За доблестный труд» (1970 г.), орденом «Знак Почёта» (1977 г.), орденом Дружбы (2006 г.), медалью «За верность Северу» (2009 г.). В 2002 году стал лауреатом премии губернатора Сахалинской области, в 2004 году — лауреатом премии Сахалинского фонда культуры. 29 марта 2013 года на VII Съезде КМНСС и ДВ РФ в Салехарде Владимиру Михайловичу Санги вручён памятный знак «Почётный президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

Нивхам, по мнению В. М. Санги, нужна отдельная территория, где они могли бы жить так, чтобы им никто не мешал. Им ничего не нужно из благ цивилизации — сохранить свою самобытность они могут, только живя в своей естественной среде обитания, наедине с природой. Так у В. Санги возникла идея создания особо охраняемых территорий (резерваций) для нивхов в нескольких районах Сахалина. Его проект носит название «Этнокультурный проект “Нивхское стойбище. Жилое”». Сейчас В. М. Санги живёт то на юге Сахалина, где пытается сделать эту местность пригодной для жизни нивхов, то на севере, в своих любимых Ногликах, где не теряет надежды восстановить правила взаимоотношений человека с окружающей средой, занимается восстановлением породы гиляцкой ездовой собаки.

В 2008 году вождь нивхского рода Кетнивгун Владимир Санги заявил о гуманитарной катастрофе, постигшей коренные народы Севера Сахалина, необходимости принятия срочных мер по восстановлению подорванных социально-экономических основ их существования, самобытности нивхского народа. Как общественный деятель и вождь племени он разработал и реализовал программу «Возвращение к себе», которая предусматривала возвращение нивхам ощущения своей уникальности, восстановление самосознания соплеменников, в том числе через возрождение народных традиций, межплеменных и межродовых духовных, деловых и сватовских связей, восстановление сезонных праздников с проведением положенных в таких случаях торжеств и ритуалов.

В 2013 году в жизни основателя нивхской литературы и одного из создателей нивхской письменности произошло событие, к которому он шёл более 40 лет: в свет вышел, как он сам считает, основной труд его жизни — книга «Эпос сахалинских нивхов». Это сборник преданий, легенд, песен и сказок, которые писатель собирал, записывал и хранил всю жизнь. В тот же год В. М. Санги был удостоен звания «Почётный гражданин муниципального образования “Ногликский городской округ”».

В марте 2013 года поздравления с 78-летием писатель и общественный деятель В. М. Санги принимал в собственном творческом кабинете, открытом в рамках реализации «Плана содействия развитию коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области» в Ногликском краеведческом музее при поддержке администрации Ногликского городского округа и компании «Сахалин Энерджи». Автор проекта Светлана Игмайн отметила, что творчество писателя имеет огромную ценность, но ещё важнее непосредственное общение автора с читателями. В кабинете создано не только рабочее место, там проводятся творческие встречи, лекции, консультации для начинающих авторов.

В 2015 году, в год 80-летия писателя, нефтегазовая компания «Сахалин Энерджи» вручила В. М. Санги серти-

фикат о присвоении рубиновой звезде седьмой величины в созвездии Рыб имени «Владимир Санги». Свой юбилейный день рождения Владимир Михайлович встретил в Париже, в штаб-квартире ЮНЕСКО, где состоялось заседание круглого стола «Сохранение и популяризация культурного и языкового наследия коренных народов Севера Сахалина (нивхов)», приуроченное к юбилею основателя нивхской литературы и создателя нивхского алфавита. Мероприятие прошло под эгидой Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО. Организаторами мероприятия стали компания «Сахалин Энерджи», правительство Сахалинской области и Постоянное представительство Российской Федерации при ЮНЕСКО.

Широко отмечали юбилей писателя и на родине — на Сахалине. В феврале 2015 года постановлением мэра Ногликского городского округа муниципальной центральной районной библиотеке было присвоено имя В. М. Санги, при библиотеке организован мини-музей, где собраны книги писателя различных годов издания, в том числе с авторскими правками, аудиозаписи воспоминаний на различные темы, рукописи и документы из личного архива.

Был проведён областной творческий конкурс «Сохранение и популяризация культурного и языкового наследия сахалинских нивхов». Организаторами выступили компания «Сахалин Энерджи» и министерство образования Сахалинской области. В конкурсной программе принял участие мультфильм, снятый сотрудниками Поронайской ЦБС по сказке В. М. Санги «Тюлень и камбала». В конкурсе он занял 2-е место и 1-е место — в номинации «80-летию В. Санги посвящается» по итогам зрительского голосования, организованного компанией ASTV.RU.

В соответствии с планом основных мероприятий министерства культуры Сахалинской области по проведению Года литературы (утверждён распоряжением министерства культуры Сахалинской области от 31.12.2014 № 353-р) 1–2 апреля 2015 года в Ногликах состоялся выездной форум «Наследие нивхов», приуроченный к 80-летию писателя и общественного деятеля В. М. Санги и призванный привлечь внимание общественности к вопросам истории, этнологии, археологии и культуры коренных народов Севера Сахалинской области, популяризации творчества нивхского писателя, основателя и классика нивхской литературы. Организатором форума выступил отдел краеведения Сахалинской областной универсальной научной библиотеки. В программу вошли: научно-практическая конференция «Сохраняя традиции: работа музеев и библиотек для продвижения культуры коренных малочисленных народов Севера (КМНС)», круглый стол «От первого лица: проблемы и перспективы работы с КМНС на современном этапе» и богатая культурная программа. В марте 2020 года состоится II межрегиональный форум «Наследие нивхов», посвящённый 85-летию В. М. Санги.

В апреле 2015 года в Сахалинском театре кукол состоялась премьера спектакля «Песнь Ых-мифа. Одиночество Богов», поставленного по произведениям В. Санги заслуженным деятелем искусств Республики Бурятия, лауреатом Российской национальной театральной премии «Золотая маска» Эрдэни Жалцановым. В. М. Санги принимал участие в репетиционном процессе. Спектакль вошёл в long list фестиваля «Золотая маска», заняв достойное место в перечне самых заметных, по мнению экспертного совета, спектаклей всех жанров театрального искусства.

С тех пор прошло пять лет. И каждый год был наполнен событиями, важными и для писателя, и для его народа. Тесное сотрудничество В. Санги с Ногликской центральной районной библиотекой по сохранению культурного и языкового наследия коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области вылилось в проект «И вновь услышать свой язык», профинансированный благотворительным фондом культурных инициатив (Фонд Михаила Прохорова), в рамках которого увидели свет семь аудиокниг нивхских сказок серии «Я читаю с бабушкой» на русском и нивхском языках. Это сказки в обработке В. Санги — «Как родилась земля», «Бурундук ищет друга», «Как чайки-крачки стали жить вместе», «Нерпа-ларга и камбала колючая», «Сын рыбы Тягмак», и переводы на нивхский язык классических детских произведений: «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина и «Красной Шапочки» Ш. Перро. Нивхский вариант сказок озвучил сам Владимир Михайлович. Тексты на русском языке озвучили студенты и преподаватели Сахалинского колледжа искусств, учащиеся и преподаватели гимназии посёлка Ноглики, сказку «Как чайки и крачки стали жить вместе» — известный московский актёр театра и кино С. Варчук.

В. М. Санги входит в состав руководящих органов Союза писателей России (избраны на XV съезде Союза писателей России 15 февраля 2018 г.) — он является членом высшего творческого совета Союза писателей России.

В 2019 году вышла в свет книга В. М. Санги «Я уйду с тобою спозаранку...». В сборник вошли лирические стихи разных лет. Они о любви, о роли и месте женщины в мироздании, жизни мужчины. По признанию самого В. Санги, его стихи складываются как песни, слова положены на музыку, написанную им самим. Это открывает ещё одну сторону таланта писателя и поэта. Стихи представлены на русском и нивхском языках, книга иллюстрирована завораживающими и поражающими гармонией и изящностью контрастными силуэтами-аппликациями известной уйльтинской мастерицы А. Осиповой. К изданию книгу подготовили работники Ногликской районной библиотеки имени В. М. Санги. Компания «Сахалин Энерджи» поддержала не один проект по сохранению культурного наследия коренных малочисленных

народов Севера Сахалинской области. Этот проект — один из самых многогранных, раскрывающий и яркие стороны таланта Владимира Михайловича, и сохраняющий жизнь литературного языка северного этноса.

В 2019 году Владимир Санги стал победителем регионального этапа проекта «Наша гордость», который

проводится в ДФО и поддерживается правительством Сахалинской области, — народного конкурса «Гордость Сахалинской области – 2019» в номинации «Известный островитянин».

85-летний юбилей В. М. Санги встречает полным сил и творческих планов.

Список использованных источников

1. Владимир Михайлович Санги : биобиблиогр. указ. : к 70-летию со дня рождения / [сост.: Л. Ф. Совбан, Н. А. Пригаро]. — 2005. — 75 с. — (Деятели Сахалин. обл. Вып. 8).
2. Вуколов, Л. Владимир Санги / Л. Вуколов. — Москва : Сов. Россия, 1990. — 150 с.
3. Литература Сахалина и Курильских островов : учеб. пособие : по дисциплине «Литературное краеведение Сахалинской области» для студентов вузов... / ФГБОУ ВПО «Сахалинский государственный университет» ; [С. А. Веднёва и др.] ; отв. ред. Е. А. Иконникова. — Южно-Сахалинск : Изд-во СахГУ, 2015. — 214, [1] с. : ил., портр.
4. Оклянский, Ю. М. Загадки советской литературы : от Сталина до Брежнева / Ю. М. Оклянский. — Москва : Вече, 2015. — 382 с.
5. Оклянский, Ю. М. Федин / Ю. М. Оклянский. — Москва : Молодая гвардия, 1986. — 352 с. — (Жизнь замечательных людей). — Библиогр.: с. 350–351.
6. Писатели Сахалина : (лит. путеводитель) / сост. Н. Тарасов. — Южно-Сахалинск : Сахалин. кн. изд-во, 2007. — 136 с. : портр.
7. Русская литература XX века : прозаики, поэты, драматурги : библиогр. словарь : в 3-х т. Т. 3 : П-Я / Российская акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — Москва : ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. — 829 с.
8. Савченко, Н. Земля Владимира Санги / Н. Савченко // Губерн. ведомости. — 2000. — 17 марта.
9. Санги, В. Если не я, то никто / В. Санги ; беседовала А. Ермакова // Лит. газ. — 2015. — 25–31 марта. — С. 5 : портр.
10. Санги, В. Путешествие в стойбище Лунво : романы, повести, рассказы, очерки, легенды / В. Санги ; [худож. В. Петров]. — Москва : Современник, 1985. — 557, [2] с. : ил. — (Библиотека литератур народностей Севера и Дальнего Востока).
11. Хранители седой старины: коренные малочисленные народы Севера Сахалинской области : библиогр. указ. / Сахалин. обл. универс. науч. б-ка, Отд. краеведения ; [сост.: А. В. Боронец, Л. Ф. Совбан ; науч. ред. М. М. Прокофьев]. — Южно-Сахалинск : Сахалин. обл. тип., 2014. — 413 [5] с., [8] л. фот.

Материал поступил в редакцию 20.01.2020.

Сведения об авторе: Нефёдова Галина Михайловна, главный библиограф отдела краеведения Сахалинской областной универсальной научной библиотеки (г. Южно-Сахалинск).

Контактные данные: e-mail: g.nefedova@libsakh.ru; тел. 8 (4242) 45-25-36.

► К 155-летию со дня рождения Владимира Тана-Богораз

КОЧНЕВА СВЕТЛАНА РОИСОВНА

ДЕЛО ВЕЧНОСТИ

Биографическая статья посвящена творчеству Владимира Тана-Богораз (1865–1936 гг.), чьё имя носит Публичная библиотека города Анадыря. Особое внимание уделено этнографическому аспекту в научной и литературной работе Богораз, впервые в мире отразившего жизнь народов Чукотки. Приурочена к 155-летию со дня рождения учёного.

Ключевые слова: Тан-Богораз, Чукотка, чукчи, этнография, литература о народах Крайнего Севера.

Keywords: Tan-Bogoraz, Chukotka, chukchi, ethnography, literature about the Far North peoples.

Изучение Богоразом чукчей — это дело вечности!
Франц Боас, американский антрополог, лингвист.

В этом году, 27 апреля, исполняется 155 лет со дня рождения Владимира Германовича Богораза (1865–1936 гг.) — учёного, этнографа, лингвиста, революционного и общественного деятеля, поэта и прозаика. На Чукотке Богораз считается почти мифической фигурой, зачинателем и первоисточником всего, что было написано о коренных народах края.

Владимир Богораз.

Имя литератора и учёного вот уже 30 лет с гордостью носит самая крупная библиотека Чукотского автономного округа — Публичная библиотека имени Тана-Богораза, обладающая уникальной коллекцией краеведческих изданий. Здесь хранится более 750 изданий на национальных языках народов Севера, редкие книги о Крайнем Севере, изданные в конце XIX – начале XX века. Часть уникальной коллекции принадлежит перу Владимира Богораза. Это тома его этнографической монографии «Чукчи», чукотско-русские словари, романы «Союз молодых», «Восемь племен», «Жертвы дракона», сборники рассказов и фольклорных мифов, а также другие издания. Многочисленные статьи, очерки, биографические монографии, библиографические списки, собранные за последние 30 лет, позволяют современным

Постоянно действующая книжная выставка, посвящённая 155-летию В. Богораза. Анадырь, Публичная библиотека имени Тана-Богораза. 2020 год.

читателям узнать больше о Владимире Тана-Богоразе, писателе и исследователе Севера.

Владимир Германович прожил достаточно долгую, непростую, богатую событиями и неожиданными поворотами судьбы жизнь. Он был подлинным романтиком в науке и в жизни. Его настоящее имя — Натан Менделевич Богораз. Родился будущий учёный на Украине, в глуши волынского полесья, в местечке Овруч, в 1865 году. Его отец, учитель Мендель Маркович, был из раввинской семьи, а мать, Анна Абрамовна, из купеческого рода. В семье было восемь детей: четыре брата и четыре сестры. В наследство от родителей Натану достались активная, подвижная и живая натура, азарт к жизни, талант к языкам, великолепная память и вкус к литературе.

Вскоре после рождения Натана семья переехала в Таганрог. Своё детство Богораз вспоминал как вполне счастливое. Учился он в классической греко-римской гимназии, той же, где двумя классами старше учился Антоша Чехов. К концу 1870-х годов в таганрогскую гимназию прибыло несколько молодых учителей из высланных студентов; вскоре возник революционный кружок. Да и старшая сестра Перль (Прасковья) привезла из Петербурга нелегально изданный в Женеве сборник под названием «Из-за решетки».

*Мрак на Руси непроглядно глубок,
Край наш — бездонное море страданья!
Пусть же проникнет луч светлого знания
В каждый забытый, глухой уголок!..
Чуткую совесть во тьме сохранившую,
В царстве разбоя душою не сгнившую,
Душу за братьев своих отдающую,
Молодежь честную — силой гнетущую
Душат, хоронят в тюрьму, как в могилу,
Губят народную лучшую силу! [5, с. 56]*

Революционные стихотворения народовольца Сергея Синегуба, напечатанные в этой книжце, произвели на юного Богораза впечатление настолько сильное, что позже он заявлял, что «вошел в революцию именно через яркие стихи Синегуба» [3, с. 6].

В 1880 году пятнадцатилетний Богораз переехал в Петербург, стал студентом естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета. Со второго курса он перешёл на юридический факультет, где было особенно много студентов-социалистов. Вскоре Богораз вошёл в кружок «Народной воли», которым руководил террорист Андрей Желябов. В ноябре 1882 года за участие в студенческой нелегальной сходке юноша был арестован и выслан сначала в Ростов-на-Дону, а вскоре — по собственному выбору — в Таганрог.

В 1885 году, приняв православие, Богораз получил новое имя — Владимир, и отчество по крёстному отцу — Германо-

вич. Имя Натан он всё же сохранил в виде конспиративного имени и литературного псевдонима — Н. А. Тан. Своему двойному имени на протяжении всей жизни он придавал особое значение, рассматривая его как отражение двух своих ипостасей, различных интересов и устремлений: Богораз — учёный, этнограф и лингвист; Тан — это революционер, писатель, поэт свободы.

В самом начале 1886 года народовольцы подготовили к печати сборник революционной поэзии «Отголоски революции», для которого Богораз передал несколько произведений своей революционной лирики:

*Не для корысти и богатства,
Не за награду и венец —
За торжество любви и братства
Всю жизнь свою борись, боец!*

*Но не бросай в разгар сраженья
Туда, где бой кипит сильней,
Слова святого примиренья,
Залог грядущих светлых дней.*

*Смягчать горячею любовью
Сердца врагов — напрасный труд,
Твои слова твоей же кровью
Они с насмешкою зальют.*

*Бери ж скорее, грозный мститель,
Свой добрый меч и в бой спеши
И, словно ангел-разрушитель,
Чудовищ тьмы в куски кроши! [5, с. 277]*

В конце 1886 года Богораз был вновь арестован. Полтора года он провёл в одиночной камере Петропавловской крепости: «Страшная вещь — одиночная камера. Живая могила... Даже и время словно останавливает над тобой свое течение... Ходишь целыми часами по камере взад и вперед, как зверь в клетке, и все разбираешь от нечего делать прошедшее...» [3, с. 15].

В мае 1889 года Владимир Богораз был сослан на 10 лет на северо-восток. Начался мучительный путь из Москвы в Среднеколымск:

*Нас уводит враг жестокий
Из неволи одинокой,
Из печальных стен тюрьмы
В край холодный, в край далекий,
В царство северной зимы... [5, с. 279]*

До места назначения партия ссыльных добиралась около года — сначала в трюмах арестантской баржи по Каме и Оби, потом пешком вместе со звенящей кандалами шпаной по Владимирке: от Томска до Иркутска; затем, когда наступила зима, — на жандармских тройках до

Якутска, почти полураздетые на лошадях и на оленях — до Среднеколымска.

Молодому ссыльному настоятельно требовалось найти для себя род деятельности, поддерживающий волю к жизни, интерес к ней, наконец, просто здравый ум. В ссылке Богораз создаёт поэтический цикл «На Севере», в котором сначала слышны мотивы тоски и одиночества, оторванности от привычного мира. Но вскоре он начинает писать и о суровой красоте якутского пейзажа, и о любви, о жизни горячего сердца.

Среднеколымск, конец XIX века.

Среднеколымск в то время был населён потомками казаков-землепроходцев, осевших в этих краях с XVI века. Богораз стал записывать их песни, былины и баллады. Эти записи, а также стихи и рассказы собственного сочинения юноша отправлял в Петербург, Москву, в сибирские газеты и с нетерпением ждал обратной почты, которая приходила три раза в год. Почта 1895 года принесла первую весть о научном признании трудов Богораз: от Восточно-Сибирского отделения Императорского Русского географического общества ему было сделано приглашение участвовать в Якутской этнографической экспедиции, организованной отделением на средства, пожертвованные известным промышленником и меценатом И. М. Сибиряковым. «Научные задачи экспедиции были комплексными и включали изучение языка обследуемой этнографической группы, запись фольклорных текстов, похозяйственную перепись для исследования экономического положения населения, сбор архивных материалов, помогающих ознакомиться с местной административной политикой, и, наконец, описание на основе прямых наблюдений бытующих форм материальной культуры, социальных институтов, верований» [4, с. 125].

Пожалуй, никому из его предшественников не приходилось заниматься этнографией в таких условиях — питаться сырой олениной и падалью, жить в задымленных чумах и ярангах и вести карандашные записи на пятидесятиградусном морозе, а в жилище — за отсутствием чернил — пе-

Научные издания В. Г. Тана-Богораза.
Из фонда Публичной библиотеки имени Тана-Богораза.

реписывать их оленьей кровью. Богораз научился говорить по-чукотски, по-ламутски, по-эскимосски. Вызнал и усвоил различные обычаи и обряды, да так, что бывало и шаман спросит: «А ну-ка, погляди в твою колдовскую книгу, какое заклинание против весенней слепоты?» [8, с. 47]. «Колдовской книгой» называли записную тетрадь молодого этнографа. Среди коренных народов Богораз обрёл большую популярность: чукчи прозвали его «пишущим человеком», а эскимосы дали имя «Танапыстак», что означает «справедливый» [7, с. 127].

Почти три года — с 1895 по 1897-й — Владимир Богораз всесторонне исследует язык, общественный строй, быт и культуру чукчей и эвенов, кочевавших по притокам Колымы — Большому Анюю, Олою и Омолону. В ряде длительных поездок Богораза сопровождал чукча Айнганват, оказавший ему «большие услуги для ознакомления с языком и разъяснения различных малопонятных явлений чукотской жизни» [4, с. 127].

В октябре 1896 года под именем Н. А. Тан были опубликованы первые художественные произведения из цикла «Чукотские рассказы»: «На стойбище» и «Кривоногий». По мнению критиков, рассказы были перегружены чукотскими словами и сопровождались несколькими десятками сносок, пояснявших смысл того или иного чукотского слова. На критику автор ответил так: «Мои северные люди существуют не для русского писателя, а сами для себя» [3, с. 37].

Десятилетняя ссылка подошла к концу, в январе 1899 года 34-летний Владимир Богораз прибыл в Петербург. Он приступил к работе в Музее антропологии и этнографии, куда годом ранее поступили коллекции, собранные вторым начальником Анадырской округи Николаем Гондатти. Это обширное собрание насчитывало около девятисот предметов по этнографии чукчей, коряков, керек, эвенов и азиатских эскимосов. Именно к научной регистрации этих

коллекций и были привлечены Владимир Богораз, Владимир Иохельсон и Лев Штернберг, или «этно-тройка», как называл этот союз трёх единомышленников, соратников и близких людей сам Владимир Германович. Результатом работы стало эссе Богораза «Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Николая Гондатти».

В 1899 году Владимира Германовича вновь высылают из Петербурга. Богораз уезжает в Америку, а вскоре в качестве руководителя Анадырского отдела принимает участие в Дрезуповской экспедиции, организованной известным антропологом и лингвистом Францом Боасом.

4 июля 1900 года Богораз с женой Софьей прибывают в Ново-Мариинск, увиденное здесь он описал в рассказе «Казачи у Полярного круга»: «Мариинский пост брошен в Анадырском лимане, близ устья широкой реки... Пост помещается в одной казарме в виде землянки. Землянка отапливается привозным углем и к вечеру, как только закроют трубу, наполняется синим угаром. Выскочит казачок на минуту на воздух, ткнется лбом в сугроб, освежится — и снова в землянку.

Пять чукотских шатров стоят на берегу рядом с землянкой. В октябре, во время моржового промысла, у каждого шатра лежит на земле огромная туша, или две, или три, соседи приходят в казарму с трещотками и бубном.

Верст за тридцать кругом нет никакого иного селения...» [8, с. 123].

В. Богораз (в центре) по пути в Анадырь. 1900 год.

За время экспедиции Богораз посетил летние стойбища оленных чукчей на берегах Анадырского лимана, эскимосский посёлок Уназик, стойбища осёдлых коряков, посёлки керек и камчатских ительменов. Более 100 коробок с экспедиционными материалами и коллекционными предметами были отправлены в Америку; в 1905 году коллекция вернулась в Россию и сегодня хранится в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (г. Санкт-Петербург).

Сам Владимир Германович уезжает в Нью-Йорк, поступает на работу в Музей естественной истории, где про-

должает заниматься обработкой чукотских материалов. В 1904–1910 годах на английском языке были опубликованы четыре тома его монографии «Чукчи», частично переведённые на русский язык в 1934–1939 годах. Этот труд поставил Богоразу в ряд крупнейших этнографов мира.

Литературные издания В. Г. Тана-Богораз.
Из фонда Публичной библиотеки имени Тана-Богораз.

Кроме того, в Америке Богораз написал палеолитический роман «Восемь племён», роман о жизни русских эмигрантов в Америке «За океаном» и новый цикл рассказов о жизни народов северо-востока до прихода туда русских. В романе «Восемь племён» перед читателем проходят многочисленные бытовые сцены людей Севера: весенний торг на Чагарском поле, ловля рыбы в реке Анапке, спортивные состязания, игры и ритуальные пляски, жертвоприношения и другие жанровые картины, известные исследователю-этнографу. К сожалению, русской критикой роман был принят довольно холодно.

Осенью 1904 года, в самый разгар Русско-японской войны, Владимир Германович получил разрешение вернуться в Россию. «В Россию Богораз возвратился с огромным капиталом, который составили не только обширные и разнообразные по характеру экспедиционные материалы, над которыми еще предстояло работать, но и значительно выросший опыт научных исследований, достаточно известное имя, а также тесные корпоративные связи с зарубежными учеными» [4, с. 129].

В это время им было написано немало литературных произведений: повесть «Дни свободы», серия очерков «Новое крестьянство», «Мужики в Государственной Думе», а также песня о Цусимском сражении, ставшая музыкальным фоном художественного фильма «Моряки», снятого в 1939 году (реж. — В. Браун).

В 1914 году в патриотическом порыве пятидесятилетний Богораз отправляется добровольцем на фронт Первой мировой войны. В течение трёх лет в качестве начальника

санитарного отряда Союза городов он участвовал в военных действиях, побывав в Карпатах, Венгрии и Польше. Обеспокоенный революционным порывом учёного, американец Боас писал: «События, подобные настоящим, случаются только единожды в век, но изучение Богоразом чукчей — это дело вечности!» [4, с. 130].

После Октябрьской революции 1917 года Владимир Германович возвращается к научной деятельности. Он работает в Музее антропологии и этнографии Академии наук; благодаря его стараниям в сибирском отделе полнее всего были представлены предметы быта и духовной жизни чукчей, коряков, эскимосов, алеутов. Владимир Германович читает лекции по языкам и этнографии Севера на Северном факультете Института живых восточных языков, на северном отделении Педагогического института имени Герцена и в Ленинградском историко-лингвистическом институте.

Богоразу принадлежала инициатива создания Института народов Севера — первого специального учебного заведения, студентами которого были представители народностей Крайнего Севера. В 1930 году, в год открытия, в институте обучались представители сорока различных народностей и этнических групп Севера и Дальнего Востока, всего 326 человек, из них 70 женщин. От Чукотки одним из первых в Ленинград прибыл чукча Тевлянто, ставший впоследствии депутатом Верховного Совета СССР. О приключениях Тевлянто, проехавшего всю страну, не зная ни слова по-русски, Владимир Германович написал рассказ «Живая сказка». Институт народов Севера в тайге и тундре называли «Чудесный чум», а его учащихся-инсовцев — «красными шаманами». Они, как шаманы, обладали невиданными и неслыханными прежде способностями, понимали чудесные знаки, «разговаривали» с книгой и газетой, умели читать и писать и учили этому других, а готовила их новая власть, символом которой был красный цвет.

Первый букварь на чукотском языке. Из фонда
Публичной библиотеки имени Тана-Богораз.

Главным научным достижением Института народов Севера стала выработка алфавитов для народностей Крайнего Севера и Дальнего Востока. В 1932 году вышел первый букварь на чукотском языке — «Красная грамота», составленный Богоразом совместно с бригадой чукотских студентов Института народов Севера.

Владимир Германович стал председателем Ленинградского филиала Комитета Севера. Комитет Севера оказал огромное влияние на всю проводившуюся государством работу по экономическому, культурному и социальному развитию северных территорий. Деятельность Богораза была направлена на защиту культуры и образа жизни северян от

Надгробие В. Г. Богораза на Волковом кладбище Санкт-Петербурга.

внешнего влияния, базировалась на гуманном, уважительном отношении к этим народам. По его мнению, коренное население Севера само по себе было богатством, и целью «освоения Севера» должен был стать подъём благосостояния местных жителей.

10 мая 1936 года Владимир Богораз скоропостижно скончался в ваго-

не поезда на пути из Ленинграда в Ростов-на-Дону. Похоронен в Ленинграде на Литераторских мостках Волкова кладбища.

Владимир Германович был человеком неординарным, щедро и многосторонне одарённым, наделённым неувядающей энергией. Он стоял у истоков отечественной этнографической школы, подготовил и дал путёвку в жизнь многочисленной плеяде учеников и последователей, наверняка запомнивших слова своего учителя: «Узнать и изучить народ можно, только если живешь одной жизнью с этими людьми» [9, с. 85].

Первой, кто взял на себя труд составить полную библиографию Владимира Германовича Богораза, стала Мария Фёдоровна Клейн (1905–1966 гг.) — первый заведующий Анадьрской библиотекой (ныне Публичная библиотека имени Тана-Богораза). В 2015 году, к 150-летию со дня рождения учёного и писателя, сотрудниками Публичной библиотеки имени Тана-Богораза был создан биографический документальный фильм «Он к Северу сердцем причастен», рассказывающий о нелёгком пути подлинного романтика.

В последнее время о научных трудах Богораза вспоминают всё чаще, поскольку по обширности собранных им данных и глубине их анализа они по-прежнему превосходят результаты многих современных исследований. Так, в 2004 году в Японии был выпущен сборник чукотских мифов и фольклорных текстов, собранных Богоразом, на чукотском и французском языках. А в 2008 году Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (г. Москва) был издан сборник научных и литературных материалов «Тропю Богораза», включивший около 50 работ и богатый иллюстративный материал.

Список использованных источников

1. Богораз, В. Г. Краткий отчет об исследованиях чукоч Колымского края (с картой маршрутов) / В. Г. Богораз // Изв. Вост.-Сиб. отд-ния Русского геогр. о-ва. — Иркутск, 1899. — Т. XXX, № 1. — С. 1–51.
2. Кочнева, С. Тропю Тана-Богораза : к 150-летию со дня рождения этнографа, лингвиста, общественного деятеля и писателя / С. Кочнева // Крайн. Север. — 2015. — 25 дек. — С. 18–19 : фот.
3. Кулешова, Н. Ф. В. Г. Тан-Богораз : жизнь и творчество / Н. Ф. Кулешова. — Минск : Изд-во БГУ, 1975. — 110 с.
4. Михайлова, Е. А. Владимир Германович Богораз: ученый, писатель, общественный деятель / Е. А. Михайлова // Выдающиеся отечественные этнографы и антропологи XX века. — Москва, 2004. — С. 95–136.
5. Поэты-демократы 1870–1880-х годов : [сборник] / вступ. ст. Б. Л. Бессонова. — Ленинград : Совет. писатель. Ленингр. отделение, 1968. — 784 с.
6. Рига, И. Владимир Германович Богораз / И. Рига // Анадьрский знакомый и незнакомый. Ч. 1 / И. Рига. — Москва : Русский раритет, 2009. — С. 133–138.
7. Рытхэу, Ю. Вэип — пишуций человек: к 100-летию со дня рождения В. Г. Тана-Богораза / Ю. Рытхэу // На Севере Дальнем. — 1965. — № 1. — С. 126–129.
8. Тан-Богораз, В. Г. Северные рассказы / В. Г. Тан-Богораз. — Москва : Детгиз, 1958. — 125 с. — (Школьная б-ка. Для семилетней школы).
9. Тропю Богораза : науч. и лит. материалы. — Москва : Ин-т наследия-ГЕОС, 2008. — 353 с. — (Труды ЧФ СВКНИИ ДВО РАН ; вып. 10).

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 24.03.2020.

Сведения об авторе: Кочнева Светлана Роисовна, заместитель директора по методической работе Публичной библиотеки имени Тана-Богораза (г. Анадьр).

Контактные данные: Чукотский АО, г. Анадьр, ул. Отке, д. 5, Публичная библиотека имени Тана-Богораза; тел. (42722) 2-21-97, факс: (42722) 2-86-77, 2-61-53.

► Точка зрения

ФЛИЕР АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ

КУЛЬТУРА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается влияние культуры на процесс человеческой деятельности, историческое изменение доминирующих форм социальной организации субъектов деятельности, доминирующего порядка самой этой деятельности и доминирующего профиля символизации продуктов деятельности, что связано с обусловленностью всякой деятельности культурой и её принципами социальных отношений.

Ключевые слова: культура, деятельность, ценностные ориентации, доминирующие формы социальной организации, порядки деятельности, формы символизации продуктов деятельности.

Keywords: culture, activity, value orientations, dominant forms of social organization, activity regularity, forms symbolization products activity.

Выделить культуру как самостоятельное явление сложно, поскольку она пронизывает все виды человеческой деятельности, нередко растворяясь в них без видимых стороннему наблюдателю следов. Культура присутствует во всём, что сделано человеком, сказано, написано или промыслено им. В конце концов, культура — это просто форма организации материи, правда, наиболее сложная из всех известных по сей день. Она сложнее даже человеческого разума, поскольку объединяет разум, воли и интересы сразу нескольких людей (какого-то числа людей) в их совместной деятельности, понимании или потреблении. При этом культура не является ни *целью*, ни *причиной* деятельности, а лишь *средством*, фактором, обеспечивающим коллективный характер её осуществления или потребления её результатов, а также её смысловой интерпретации. Сама деятельность технологически может быть как групповой, так и индивидуальной, но и в последнем случае её результатами пользуется групповой потребитель.

Ни один поэт не пишет стихи на каком-то никому не известном языке, но всегда избирает язык, доступный для прочтения и понимания другими людьми. Сколь бы экстравагантной ни была форма какого-нибудь произведения, но оно всегда рассчитано на одобрение его группой избранных потребителей, сколь бы мала она ни была. Тем более это касается продуктов любой материальной деятельности людей и результатов их социально-организационной активности. Все продукты делаются для кого-то, для того, чтобы ими пользовались другие люди. В этом заключается особый принцип деятельностной активности человека, отличающий его от животного, которое всё делает преимущественно для себя, своей самки и в лучшем случае для детёнышей, но никогда для кого-то иного. И пригодность результатов деятельности одних людей для использования их другими обеспечивает культура. Это одна из её основных функций.

Но это и универсальный *измеритель* культуры. По тому, насколько плоды или результаты деятельности одних людей приемлемы для потребления или понимания их другими людьми, можно судить и многое сказать о культуре как первых, так и вторых.

Одним из основных положений нормативной теории культуры является сентенция, гласящая, что культура — это не *отрасль деятельности*, производящая свой специфический продукт, а *универсальная модальность*, пронизывающая все отрасли деятельности и привносящая в них возможность коллективного осуществления этой деятельности или потребления её результатов, определённую упорядоченность, а также некую символику, связанную с системой ценностных ориентаций [10]. Культура — это система взаимоотношений между людьми, способствующая их взаимопониманию и осуществлению совместной деятельности или потреблению её продуктов.

При всём многообразии видов деятельности и её технологий, развивавшихся в истории, можно выделить некоторые универсальные параметры, привносимые в любую деятельность культурой, которые также развиваются и меняются в ходе времени. По ним можно судить о степени «культурности» данной деятельности, то есть её обусловленности господствующей в том или ином обществе и в ту или иную эпоху культурой и системой ценностей. Представляется, что в деятельности можно выделить, по крайней мере, три таких параметра:

- 1) доминирующую форму социальной организации субъектов деятельности;
- 2) доминирующий порядок осуществления деятельности;
- 3) доминирующий профиль символизации продуктов/результатов деятельности.

Следует подчеркнуть, что все эти параметры подвижны в каждом обществе и меняются с каждой эпохой, но они отражают специфику культуры, характерную для данного общества в каждый период его истории и общую социальную обусловленность всей системы деятельности и системы ценностей, преобладавшей в каждый исторический период. Рассмотрим их по порядку.

Первое. **Доминирующая форма социальной организации субъектов деятельности**, которая наиболее показательна диктуется историей.

В первобытную эпоху фактически была только одна форма социальной организации — *этническая*, или, точнее, формирующаяся этническая. Раннепервобытная родовая община больше походила на популяцию, и основной скрепой общности людей было именно их генетическое родство (реальное или воображаемое), а культурная приемлемость продуктов деятельности строилась главным образом на тотемической основе. Наше — это принадлежащее к нашему родовому тотему, несущее его символику, соответствующее вкусам наших предков и т. п. Именно по этому принципу осуществлялась дифференциация людей на «своих» и «чужих», а также продуктов их деятельности.

С объединением родов в племена, естественно, кровнородственный принцип разделения на своих и чужих стал уже некорректен; члены племени уже принадлежали к нескольким родам. Тогда и возобладал собственно этнический принцип объединения, основанный на общем языке, мифологии, обычаях и прочих проявлениях локальной культуры. Наши — это соплеменники, говорящие на том же языке, что и всё племя, верящие в те же мифы, придерживающиеся тех же обычаев, и проч. Не наши — это инородцы, у которых всё это иное. Естественно, и продукты деятельности принимались, если соответствовали нашим этнокультурным стереотипам, и отвергались, если были культурно чужие [1; 8]. В первобытную эпоху наиболее эффективным инструментом управления сознанием и поведением человека была его заинтересованность

в членстве в этно-племенном коллективе и страх изгнания из него. Отсюда и такая значимость этно-племенной социальной организации, тем более что ей не было альтернативы.

В аграрную эпоху спектр форм социальных объединений людей существенно расширился. Помимо уже известной этнической формы объединения появились ещё политическая, конфессиональная, сословная, профессиональная формы. Конечно, в силу того или иного сочетания внешних факторов могла доминировать то одна, то другая из них. Но статистически наибольшую социальную значимость получила конфессиональная форма объединения людей, основанная на их принадлежности к единой религии и церковной общности. Смысловая дихотомия свой/чужой в эту эпоху чаще всего выливалась в противопоставление единоведец/иноверец. Во всяком случае, эта оппозиция в аграрный период истории была наиболее важной. Даже инородец, говорящий на другом языке, но исповедующий ту же веру, что и оценивающий его человек, был уже своим, воспринимался как этнически близкий человек (например православные греки, сербы и грузины в Древней Руси).

В аграрную эпоху наблюдалась наибольшая идеологическая обусловленность всех сторон жизни человека, нежели в другие периоды истории. И самым эффективным способом управления сознанием и поведением человека была апелляция к религиозным основаниям его существования. Соответственно и *конфессиональная* форма организации людей в это время была главной, экзистенциально доминирующей.

Конечно, были и исключения из этого правила. Например, европейская Античность в дохристианский период придерживалась преимущественно этнической или политической идентификации людей. Но европейская Античность вообще мало типична для аграрной истории других народов Земли [2; 6]. Тем она и уникальна. Мы знаем Античность в основном по шедеврам архитектуры, скульптуры, философии. Но по социальному и религиозному развитию в классической Античности сохранялось многое и от позднепервобытной архаики (особенно в Греции). В период Средневековья эта архаичность была преодолена.

Таким образом, в разных концах Земли в аграрную эпоху доминировала конфессиональная форма объединений людей, фактически бывшая и политической. Соответственно и продукты деятельности принимались преимущественно тогда, когда они несли на себе символику «нашей» религии, и отвергались в ином случае. Разумеется, и здесь имели место исключения, но статистически преобладал именно этот подход.

В индустриальную эпоху сохранялся весь спектр разных оснований для объединений людей, который сложился в предшествовавшую аграрную эпоху. Но доминирующим постепенно стало иное основание — *политическое* (хотя конфессиональное сохраняло своё влияние ещё долгое время). Дихотомия свой/чужой теперь уже выглядела как

соотечественник/иностранец. Соотечественник мог иметь любое происхождение, исповедовать любую религию и проч., главное, чтобы он верой и правдой служил Отечеству. Вспомним русское дворянство XVIII–XIX веков; в его составе были и немцы, и шотландцы, и французы и т. п., которые были и лютеранами, и католиками и проч. Но это уже не имело значения. Служба новому Отечеству стала главным идентификационным признаком человека этого периода.

Эффективным инструментом управления сознанием и поведением человека в индустриальную эпоху стала апелляция к его политической лояльности власти. Человек стал ассоциироваться с государством, которому он служит. Поэтому национально-политическая форма социальной организации людей была в то время наиболее адекватной.

В эту эпоху родилось и понятие «нации». У нас в стране всё ещё в ходу сталинское понимание нации как высшей фазы этнического развития (племя — народность — нация) [9]. Отсюда национальность человека понимается у нас как его этническое происхождение (по родителям). В остальном мире распространено иное понимание нации как объединения сограждан какой-либо страны. Отсюда национализация — это переход в государственную собственность, Лига Наций и Организация Объединённых Наций — это объединения государств, а не этносов. Именно нация как политическое объединение сограждан превратилась в индустриальную эпоху в основную форму социальной организации людей. Соответственно и предпочитаемые продукты деятельности — это отечественные товары, а не зарубежные. В США в своё время был в ходу лозунг «Если ты американец, то покупай американские товары».

Сейчас в постиндустриальную эпоху и национальная принадлежность человека уже не имеет значения. Современные средства коммуникации позволяют ему жить в Англии, а работать в Австралии. В Париже сейчас живёт больше африканцев, чем европейцев. Дихотомия свой/чужой теперь строится не на национальной принадлежности человека, а на его *профессии* и выглядит как коллега/специалист иного профиля. Люди объединяются больше вокруг общей работы, чем по какому-либо иному признаку. Это и есть основной культурный принцип организации людей в современную эпоху, поддерживаемый мультикультурализмом, глобализацией и т. п. Показательно, что экономическая сторона жизни стала более эффективным способом управления сознанием и поведением человека, чем идеология; и поэтому апелляция к его профессиональным интересам сейчас стала основным инструментом социального управления.

Вместе с тем нужно помнить, что всю постпервобытную историю в сообществах параллельно существовали несколько форм социальной организации. И, конечно, в том или ином сообществе по различным причинам могла временно доминировать какая-то иная форма, нежели описанные, например

сословно-классовая, которая всегда была очень влиятельна. Но эта форма социальной организации всегда пользовалась особой неприязнью большинства населения, которое постоянно боролось с ней (восстания рабов, крестьянские бунты, революции). В конце концов, демократия — это и есть победа над сословно-классовой дифференциацией человечества. В условиях демократии принадлежность человека к какому-либо классу не имеет значения, все равны перед законом. С этой точки зрения коммунистическая доктрина, декларирующая очередной вариант сословно-классовой социальной организации, не вписывается в основную тенденцию исторического развития человечества.

Казалось бы, всё это совершенно умозрительные рассуждения. Какая разница, по какому принципу люди объединяются; главное — что и как они делают. Но оказывается, что основание для их объединения решительным образом влияет на то, что и как они делают, на всю систему их ценностных предпочтений. Это один из важнейших каналов *культурной регуляции* принципов и результатов деятельности людей. Влияние культуры как модальности на человеческую деятельность здесь проявляется очень ярко. Что собирает людей вместе, то и определяет предмет их деятельности.

Второе. **Доминирующий порядок осуществления деятельности**, который также отражал преобладающие установки культуры эпохи. Здесь можно выделить два таких порядка деятельности: *традицию*, доминировавшую в первобытную и аграрную эпохи, и *новацию*, доминирующую в индустриальную и постиндустриальную эпохи. Хотя эти два принципа являются оппозиционными друг другу, на самом деле в любую эпоху существовало и то и другое. Вопрос лишь в относительном преобладании либо того, либо другого в практике деятельности определённой эпохи и определённого сословия производителей.

Традиция как порядок деятельности отражает установку на повторение того, что уже зарекомендовало себя как успешный способ изготовления успешного в своих социальных функциях продукта. Этот порядок деятельности получил наибольшее распространение в крестьянской среде. А соответственно, традиция доминировала в первобытную эпоху, когда всё племя занималось по существу крестьянским трудом, и в аграрную эпоху, когда сельские производители составляли абсолютное большинство населения. Традиция — это вечное повторение как в материальном производстве, так и в духовном [12]. Бытие — это повтор единожды сотворённого богами, и, соответственно, человеческая деятельность должна воспроизводить порядок, продиктованный свыше. Это не означает, что вся деятельность людей названных эпох сводилась только к повтору чего-то прежнего, но такой повтор считался самым надёжным способом получения искомого результата. Нужно отметить лишь то, что если в первобыт-

ную эпоху традиция преобладала как в технологиях, так и в типологии производимого продукта, то в аграрную эпоху традиционность касалась в первую очередь типологии (наблюдаемой формы) продукта, а технология его изготовления уже была не столь контролируема и потихоньку развивалась.

Другой тип порядка в деятельности являлся новаторством, то есть постоянным развитием, как типологии, так и технологии производимого продукта. Деятель-новатор постоянно изобретает что-то новое. Социальными носителями этого подхода к деятельности в древности были ремесленники и торговцы, а сейчас это учёные, предприниматели и инженеры. Эти типы деятелей активно развивались и самоутверждались в индустриальную эпоху, а в постиндустриальную получили полное социальное преобладание. Если в индустриальную эпоху появлялось больше новых типов продукции (или их новых форм), то в постиндустриальную преобладание получило новаторство в технологиях. Развитие, прогресс стали самоцелью деятельности, далеко не всегда обусловленной актуальными человеческими потребностями. Это не означает, что в современной деятельности нет места традиции, но этот порядок деятельности отошёл на второй план.

Безусловно, новаторство связано с научно-техническим прогрессом, и невозможно сказать, что здесь является причиной, а что следствием. Новаторская деятельность, конечно, требует гораздо больших интеллектуальных усилий, чем традиционная, и это тоже является проявлением общего развития культуры человечества, которая с веками стала более интеллектуальной. Вместе с тем не следует ожидать, что со временем всё человечество перейдёт на новаторские формы труда. По очень многим причинам часть населения всегда будет трудиться по традиционалистским лекалам. Но они будут в явном меньшинстве и большого влияния на социальную жизнь оказывать не будут.

Таким образом, история человеческой деятельности и смена порядков в ней тесно связаны с исторической эволюцией культуры, которая сама по себе тоже иногда трактуется как деятельность [8].

Третье. **Доминирующий профиль символизации продуктов/результатов деятельности** представляет собой отражение практических результатов деятельности в символических формах культуры. Это явление, конечно же, тоже эволюционировало от эпохи к эпохе, выражая наиболее актуальные для своего времени смыслы и интерпретации продуктов деятельности.

В первобытную эпоху мир воспринимался через призму его происхождения (господствующую в данном сообществе доктрину космогенеза [5]), и продукты деятельности символизировали преимущественно «наше» происхождение каждой вещи посредством маркировки её символикой «нашего» тотема. Всё строилось на дихотомии наше/не наше.

В аграрную эпоху, в условиях тотальной религиозной интерпретации всего сущего, символизация продуктов деятельности сообществ в основном строилась на дихотомии сакральное/профанное [4]. Важно было подчеркнуть богоугодность того или иного продукта и то, что он сделан «правильно» верующим человеком. Столь же важным было и выделение собственно религиозных (сакральных) по функции и смыслу продуктов и различение их с профанными.

В индустриальную эпоху символизация продуктов деятельности сообщества стала строиться в основном на признаках социальной престижности того или иного продукта, а начиная со Средневековья — на степени его модности, то есть соответствия его форм наиболее престижным образцам своего времени. мода родилась в элитарной культуре, но в течение XIX–XX веков распространилась на все социальные культуры, став универсальным признаком престижности [3]. Культурная символизация отражала преимущественно дихотомию престижное/не престижное, что сводилось к оппозиции модное/не модное.

В постиндустриальную эпоху, как представляется, культурная символизация продуктов деятельности отражает в основном дихотомию современное/архаичное [11]. Предпочитаются, конечно, современные формы, но это не означает, что архаичные формы в принципе отвергаются; как предмет стилизации в определённых контекстах они приемлемы. Но аутентичной архаике место только в музее, а в сегодняшнем быту допустимы лишь её стилизации, архаичные по формам, но современные по функциям. Такова установка современной культуры, и доминантная символизация современных продуктов деятельности полноценно это отражает.

Таким образом, основные принципы культуры как модальности, пронизывающей все отраслевые виды человеческой деятельности, влияют на процессы самоорганизации человечества, саморегуляции человеческой деятельности и актуальной символизации и интерпретации продуктов этой деятельности как результатов социальной активности человека, направленной на удовлетворение интересов самого же человека.

Здесь были рассмотрены основные тенденции развития деятельности под влиянием культуры. Вместе с тем не следует думать, что всё человечество занималось и будет заниматься деятельностью только в рамках этих тенденций. По различным причинам часть населения ориентирована на альтернативные режимы деятельности и прекрасно существует в их границах. Но эти альтернативные режимы тоже эволюционируют в истории и адаптируются к доминантным тенденциям. Так что влияние культуры имеет место и здесь, хотя и в своеобразной форме.

Так или иначе, но с помощью рассмотренных выше средств и некоторых иных, менее важных, культура регулирует сознание и поведение людей, удерживая их в рамках исторически сложившихся в том или ином сообществе ценностных ориентаций. Нужно сказать, что ценностные ориентации большинства народов очень близки друг другу, что весьма облегчает культуре решение многих задач межкультурного диалога. Различия в ценностных ориентациях наглядно заметны лишь у народов, находящихся на разных этапах социального развития. Но процесс развития режимов деятельности под влиянием культуры как раз и был предметом нашего рассмотрения в этой статье.

Список использованных источников

1. Алексеев, В. П. Становление человечества / В. П. Алексеев. — Москва : Политиздат, 1984. — 462 с.
2. Античность как тип культуры : [сб. ст. / АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры] ; отв. ред. А. Ф. Лосев. — Москва : Наука, 1988. — 333 с.
3. Барт, Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт ; сост., пер. с фр. и вступ. ст. С. Зенкина. — Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 2003 (ППП Тип. Наука). — 511 с.
4. Биневский, И. А. Диалектика сакрального и профанного в европейском социокультурном процессе : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / И. А. Биневский ; [место защиты: Моск. гос. ун-т культуры и искусств]. — Москва, 2012. — 24 с.
5. В преддверии философии : духовные искания древнего человека / Г. Франкфорт, Г. А. Франкфорт, Дж. Уилсон, Т. Якобсен. — Москва : Прогресс, 1984. — 238 с.
6. Грейдина, Н. Л. Античность от А до Я : словарь-справочник / Н. Л. Грейдина, А. А. Мельничук. — Москва : АСТ : Восток-Запад, 2007. — 378 с.
7. Каган, М. С. Человеческая деятельность : (Опыт системного анализа) / М. С. Каган. — Москва : Политиздат, 1974. — 328 с.
8. Косвен, М. О. Очерки истории первобытной культуры / М. О. Косвен. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. — 240 с.
9. Малахов, В. С. Национализм как политическая идеология : учеб. пособие / В. С. Малахов. — Москва : Кн. дом «Университет», 2005. — 315 с.
10. Флиер, А. Я. Философские пролегомены к Нормативной теории культуры / А. Я. Флиер. — Текст: электронный // Культура культуры : науч. рецензируемое период. электрон. изд. — 2019. — № 1. — URL: <http://cult-cult.ru/the-philosophical-prolegomena-to-a-normative-theory-of-culture/> (дата обращения: 28.12.2018).
11. Хачатурян, В. М. «Вторая жизнь» архаики : архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе / В. М. Хачатурян ; Гос. акад. славянской культуры. — Москва : Academia, 2009. — 290 с.
12. Элиаде, М. Миф о вечном возвращении : архетипы и повторяемость / М. Элиаде. — Санкт-Петербург : Алетей, 1998. — 249 с.

Материал поступил в редакцию 11.09.2019.

Сведения об авторе: Флиер Андрей Яковлевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, профессор Московского государственного лингвистического университета (г. Москва). Контактные данные: e-mail: andrey.flier@yandex.ru.

ГАВРИЛОВ СЕРГЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ

ПАВШИЕ ГЕРОИ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ ОБОРОНЫ 1854 ГОДА

На основе выявленного в фондах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ) документа — метрической книги Петропавловского собора за 1854 год — и опубликованных в разное время источников сотрудниками отдела научно-фондовой работы Камчатского краевого объединённого музея (г. Петропавловск-Камчатский) восстановлен ранее утраченный список военнослужащих и гражданских добровольцев. Все они принимали участие в одном из славных для русского оружия эпизодов Крымской войны — защите Петропавловского порта в августе 1854 года от нападения объединённой англо-французской эскадры. В боях 20 и 24 августа погибли 25 человек, 18 умерли позже от полученных ранений.

Ключевые слова: Петропавловская оборона, англо-французская эскадра, братская могила, метрическая книга, матросы, флотский экипаж.

Keywords: The Siege of Petropavlovsk, Anglo-French squadron, mass grave, parish register, sailor, navy crew.

В 2019 году Петропавловск-Камчатский отметил 165-ю годовщину героической Петропавловской обороны 1854 года. Библиография этого славного события отечественной военной истории обширна и постоянно пополняется. В оборот вводятся новые источники, касающиеся судеб как его русских участников, так и их противников. Но так уж вышло, что мы не знаем большинства имён наших павших воинов. Если речь заходит об этом, то первым вспоминают командира легендарной третьей батареи лейтенанта князя А. П. Максудова, отдельная могила которого на историческом городском кладбище, к нашему теперешнему стыду, была утрачена в конце 1930-х годов. Сейчас мы можем указать лишь её примерное расположение. Отдельные имена других погибших героев известны гораздо меньше, но встречаются в исторических и литературных источниках.

В центре города расположены две братские могилы, в одной из которых захоронены русские участники тех давних боёв. Известно, что все они — добровольцы из местного населения, казаки и воинские «нижние чины». Последним в историографии уделено явно недостаточно внимания. Вспомним хотя бы первые списки моряков, более столетия тому назад нанесённые на стены Кронштадтского морского собора. В них перечислены боевые и мирные эпизоды из истории отечественного флота, в которых погибли люди. Отдельно названы все имена «господ офицеров» и скопом указано число потерь среди рядовых, вроде: «Лейтенант Иванов и с ним 12 нижних чинов». Такой «классовый подход» в своё время стал одной из причин уничтожения этих мартирологов.

И нашим «нижним чинам», сложившим головы в двух боях с неприятелем, тоже не повезло. Гораздо чаще них в письмах и воспоминаниях упоминается сгоревший от вражеского обстрела рыбный сарай, другие документы подробно перечисляют повреждения, полученные батареями и кораблями. А ведь весь этот «урон», в отличие от людского, легко можно было восполнить, особенно за то долгое время, пока написанные в тогдашнем Петропавловском порте бумаги дошли бы до адресатов.

До сего дня не имелось и списка наших героев, захороненных в центре современного Петропавловска-Камчатского. Называлось и их разное число. И вот теперь эта историческая несправедливость наконец исправлена.

Предоставим слово старшему научному сотруднику отдела фондовой работы Камчатского краевого объединённого музея Жаннете Ивановне Чикиной, по инициативе которой найдены списки павших: «Иногда бывают события, которые выстраиваются друг за дружкой и приводят нас к удивительным находкам. В связи с предстоящим в 2019 г. юбилеем Петропавловской обороны Служба охраны объектов культурного наследия Камчатского края обратилась

в музей с запросом — уточнить количество захороненных в братской могиле.

В опубликованных статьях и книгах этих сведений не было, но мы обратили внимание на другие документы. В то время почти все события за год регистрировались в метрических книгах. Каждая представляет собой хронологический список, делящийся на три части: записи о родившихся, сочетавшихся браком и умерших (смерть и её причина). Поэтому естественно было начинать поиск с метрических книг.

Они велись в двух экземплярах. Первая, как правило, хранилась в церкви, дубликат (копия, заверенная церковным причтом) перенаправлялся в архив консистории. В дальнейшем книги передавались на постоянное хранение в государственные архивы.

Учитывая, что документы по истории Хабаровского, Приморского, Камчатского и Забайкальского краёв, Амурской и Сахалинской областей Дальнего Востока с 1722 до 1940 г. преимущественно хранятся в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока, музей в моём лице обратился туда с запросом. Вскоре мы получили копию листов метрической книги за 1854 г., где указаны фамилии тех, кто погиб 20 и 24 августа и был похоронен в братской могиле, а также скончавшихся от ран в последующие дни.

Сколько раз, стоя у могилы, я рассказывала людям о Петропавловской обороне и каждый раз надеялась, что когда-нибудь имена тех, кто погиб, защищая свою страну на берегах Тихого океана, обязательно найдутся, что в часовне будут написаны их имена. И нам не будет мучительно стыдно за то, что мы не сохранили о них память.

В начале XX в. их имена были известны. На братской могиле правили панихиду. Но в советский период церкви были закрыты, списки утеряны или вывезены, документы переданы в архивы, и имена погибших защитников Петропавловского порта затерялись...»¹.

И вот перед нами этот редкий документ — «*Метрическая книга, данная из Камчатского Духовного Правления Причту Камчатского Петропавловского Собора, для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших на 1854 год № 290*» [2, л. 117, 156–163]. (Здесь и далее выделенное курсивом повторяет исходный текст, а все даты приведены по старому стилю.)

Её раздел, названный «*Метрической книги части третьей "Об умерших" отделение третье "Об отпетых священниками в своё время за 1854-й год"*», включает обычные графы: «Счёт умерших», «Месяц и число» (с подразделением на «Смерть» и «Погребение»), «Звание, имя, отчество и фамилия умерших», «Лет умерших», «От чего умерли», «Кто исповедовал и причащал», «Кто совершал погребение» и «Где погребены».

¹ Из устной беседы автора с Ж. Ф. Чикиной, состоявшейся 25.10.2019.

Левая страница разворота метрической книги Петропавловского собора на 1854 год [1, л. 156, об.].

Правая страница разворота метрической книги Петропавловского собора на 1854 год [1, л. 157].

В книге содержится перечень погибших и скончавшихся от ран в течение августа – ноября 1854 года защитников Петропавловского порта, включённых в неё под номерами с 70-го по 104-й (номер 105-й почему-то отсутствует), со 106-го по 111-й и 121-й. Всего их 42 человека. Вот они:

- 70. 46 флотского экипажа матроз Даниил Белоусов. Смерть — 20 августа, погребение — 20 августа. 30 лет.
- 71. Тогож экипажа кантонист Иван Кисилев. Смерть — 20 августа, погребение — 20 августа. 15 лет.

- 72. Тогож экипажа унтер-офицер Алексей Лыткин. Смерть — 20 августа, погребение — 20 августа. 30 лет.
- 73. Тогож экипажа боцманмат Андрей Лысаков. Смерть — 20 августа, погребение — 20 августа. 34 года. Убиты на брани за веру и отечество.
- 74. 46 флотского экипажа матроз Иван Жбанов. Смерть — 20 августа, погребение — 20 августа. 32 года.
- 75. Тогож экипажа матроз Трофим Губин. Смерть — 20 августа, погребение — 20 августа. 31 год. Убиты против неприятеля.
- 76. 46 флотского экипажа мастеровый матроз Феодор Куклин. Смерть — 22 августа, погребение — 22 августа. 35 лет. От ран, полученных на брани.
- 77. 46 флотского экипажа матроз Иаков Гагарин. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. 27 лет.
- 78. Тогож экипажа матроз Михаил (?) Стуков. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. 28 лет.
- 79. Тогож экипажа матроз Иван Конев. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. 32 года.
- 80. Тогож экипажа матроз Иаков Осипцов. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. 33 года.
- 81. Тогож экипажа матроз Алексей Петунин. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. 34 года.
- 82. Тогож экипажа матроз Терентий Николаев. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. 30 лет.
- 83. Казак Камчатской команды Иоанн Силиванов. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. 31 год.
- 84. 46 флотского экипажа матроз Саввелий Гудин. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. 34 года.
- 85. Отставный матроз Роман Юшин. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. 43 года. Убиты на брани за веру и отечество противу неприятеля.
- 86. 46 флотского экипажа матроз Максим Костоусов. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. 40 лет.
- 87. Тогож экипажа матроз Василий Стефанов. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. 34 года.
- 88. 46 флотского экипажа матроз Иоанн Кокотцев (?). Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. 32 года.
- 89. 46 флотского экипажа писарь Даниил Николаев Дунаев. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. 38 лет.
- 90. Тогож экипажа матроз Капитон Прокопьев. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. 34 года.
- 91. 46 флотского экипажа матроз Прокопий Изотов. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. 32 года.
- 92. Казак Камчатской команды Александр Костоломов. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. 33 года.
- 93. 46 флотского экипажа матроз Прокопий Коновалов. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. 36 лет.
- 94. Камчадал Корятского селения Филип Дурынин. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. 47 лет.

95. Мещанин Евгений Сопожков. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. 36 лет.

Убиты на брани за веру и отечество против неприятеля.

96. 46 флотского экипажа писарь Василий Мышьянов. Смерть — 25 августа, погребение — 25 августа. 40 лет.

От раны, полученной на брани против неприятеля.

97. 46 флотского экипажа писарь Стефан Сажин. Смерть — 25 августа, погребение — 25 августа. 39 лет.

98. 46 флотского экипажа матроз Михаил Екимов. Смерть — 25 августа, погребение — 25 августа. 32 года.

99. Вольный штурман Николай Федоров Калмаков. Смерть — 25 августа, погребение — 25 августа. 27 лет.

100. Купеческий сын Феодор Михайлов Сахаров. Смерть — 25 августа, погребение — 25 августа. 23 года.

101. 46 флотского экипажа унтер-офицер Николай Данилов. Смерть — 26 августа, погребение — 26 августа. 40 лет.

102. Тогож экипажа матроз Сергей Перцов. Смерть — 27 августа, погребение — 27 августа. 32 года.

103. Тогож экипажа матроз Иоанн Савельев. Смерть — 27 августа, погребение — 27 августа. 35 лет.

104. 46 флотского экипажа мастеровый матроз Александр Петров. Смерть — 28 августа, погребение — 29 августа. 30 лет.

От раны. Получили на брани за веру и отечество против неприятеля.

106. 46 флотского экипажа матроз Иоанн Костев. Смерть — 3 сентября, погребение — 5 сентября. 30 лет.

От раны. Получил на брани.

107. 19 флотского экипажа лейтенант Александр Петров Максutow. Смерть — 10 сентября, погребение — 12 сентября. 23 года.

От раны, получил на брани.

108. 19 флотского экипажа матроз Николай Сапенков. Смерть — 11 сентября, погребение — 12 сентября. 26 лет.

109. 46 флотского экипажа матроз Стефан Шулаков. Смерть — 11 сентября, погребение — 12 сентября. 39 лет.

От раны, получили на брани за веру и отечество.

110. 46 флотского экипажа матроз 1-й статьи Иоанн Шпикин. Смерть — 11 сентября, погребение — 13 сентября. 31 год.

От раны, получил на брани.

111. 19 флотского экипажа матроз Малафий Яковлев Суруков. Смерть — 16 сентября, погребение — 19 сентября. 30 лет.

От раны, получил на брани.

121. 47 флотского экипажа матроз Георгий Васильев Опашков (?). Смерть — 22 ноября, погребение — 24 ноября. 35 лет.

От раны, получил на брани 24 августа 1854 года.

Следует отметить, что некоторые имена и фамилии написаны беглым почерком и читаются с большим трудом.

Вполне возможно, что нами при обработке исходного текста допущены отдельные неточности. «Сомнительные» места рукописи помечены нами знаком (?).

Среди перечисленных выше 42 погибших и умерших больше всего военнослужащих — моряков 46-го флотского экипажа, позже переименованного в 47-й — 32 человека, трое — из 19-го флотского экипажа, составленного из моряков фрегата «Аврора». Кроме них, два казака и по одному отставному матросу, мещанину, лицу купеческого звания, вольнонаёмному и коренному жителю Камчатки.

Из приведённого списка следует, что на местах боёв 20 и 24 августа погибли 25 человек, ещё 10 скончались от полученных ранений в ближайшие дни, с 25 по 28 августа. В первый день обороны — 20 августа — были убиты шестеро. Это соответствует численности, сообщённой руководителем обороны генерал-майором В. С. Завойко в официальном рапорте генерал-адмиралу великому князю Константину Николаевичу от 7 сентября 1854 года: «В сражении 20 августа с нашей стороны убитых нижних чинов 6, раненых обер-офицер 1, нижних чинов 12» [1, с. 20]. Из числа последних, как следует из списка, 22 августа скончался матрос Фёдор (Феодор) Куклин [2, л. 156, об., 157, об.].

В сражении 24 августа, согласно рапорту В. С. Завойко, «убито нижних чинов 31, ранено: обер-офицеров 2, нижних чинов 63» [1, с. 25]. Здесь число павших значительно превышает теперь известное нам. Но из воспоминаний его супруги, Ю. Г. Завойко, укрывавшейся с детьми и челядью далеко за пределами порта, в селении Авача, следует, что 26 августа к ней прибыл верховой посыльный с запиской от мужа и захваченным в бою вражеским знаменем. Среди прочего генерал сообщил: «Убитых у нас до 20 человек и раненых до 70...» [1, с. 114]. Воспоминания опубликованы в 1876 году. Названные в них «до 20 человек» вполне соответствуют 19 погибшим 24 августа, представленным в списке.

Такие же цифры приведены в воспоминаниях гардемарина Г. Н. Токарева, опубликованных в августе 1863 года. Он свидетельствует, что 24 августа «потеря наша во весь день 80 человек убитыми и ранеными (20 человек убитыми)» [1, с. 53].

В письме же от 31 августа 1854 года, адресованном И. Е. Вениаминову (отцу Иннокентию), Ю. Г. Завойко пишет, что 20 августа Кошечная батарея из 11 пушек, которой командовал князь Д. П. Максutow, «к концу дела... была почти цела; убитых на ней 12 человек и ранено 30, а командир остался невредимым» [1, с. 130].

Инженер-поручик К. И. Мровинский (Мравинский) в 1857 году в «Инженерном журнале» называет число убитых 20 августа на одной из батарей — три человека [1, с. 96], 24 августа на другой — только одного [1, с. 98].

Как видно, в воспоминаниях, письмах и официальных документах, составленных участниками и свидетелями со-

бытий, имеются разночтения. Так, из письма Д. П. МаксUTOва следует, что в ходе боя 24 августа был убит «купец Калмаков» [1, с. 59], но в публикуемом списке указывается, что *Николай Федоров Калмаков*, «вольный штурман», скончался 25-го числа, то есть 24-го был тяжело ранен. К купеческому же сословию принадлежал *Феодор Михайлов Сахаров*, тоже умерший от раны 25 августа. О Сахарове, смертельно раненом, «ещё дышащем», свидетельствует лично видевший его на поле боя капитан 1-го ранга А. П. Арбузов [1, с. 82].

Многие вспоминали о героизме юных защитников Петропавловска. Из письма в письмо и из воспоминания в воспоминание кочуют слова об «одном мальчике-воине», которому оторвало руку 24 августа. В ходе операции в ответ на вопрос, больно ли ему, он ответил, что нет, «это за царя» (есть несколько вариантов его ответа) [1, с. 33, 51, 125]. Судя по всему, этот юный воин (Матвей Хромовский) остался жив. Но почему-то никто, за исключением А. П. Сильницкого [3, с. 52], не вспоминает о том, что 20 августа был убит другой подросток. Теперь мы можем назвать его имя — это 15-летний кантонист 46-го флотского экипажа *Иван Кисилев* (Киселёв).

Неточности присутствуют и в воспроизводимой нами части метрической книги. Здесь сообщается, что «в течение августа месяца в приходе Камчатского Петропавловского собора умерло мужеска тридцать восемь женска одна; а всего тридцать девять» [2, л. 159, об., 160]. То есть умерло 38 мужчин и одна женщина. Но с учётом скончавшихся 5 и 20 августа И. Л. Черных и С. Гутарева перечислено только 37 мужчин. При этом на одном из разворотов (л. 159, об., 160) слева имеется восемь записей (с номерами 97–104) и ниже заверяющие подписи: «Священник *Георгий Логинов*, священник *Михаил Коллегов*, священник *Александр Логинов*, диакон *Феодосий Лавров*, дьячек *Алексей Черныш*, дьячек *Моисей Коллегов*». А справа, то есть напротив, — девять записей, причём все обозначены как скончавшиеся «от ран». Похоже, что здесь пропущено имя одного из защитников порта («потерянный» номер 105). Указан его возраст — 28 лет и названа причина смерти — «от раны. Получил на брани противу неприятеля». Следовательно, к известным нам 42 павшим нужно добавить ещё одного, а это значит, что всего их было не менее 43 человек.

В разделе метрической книги «Где погребены» содержится одно и то же указание: «На общем кладбище». Видимо, так её составители без разбора обозначали общепринятые места захоронений: вначале городское кладбище, а затем братскую могилу. Г. Н. Токарев описывает похороны павших так: «Тотчас по отступлении врага на месте был благодарственный молебен, потом немногочисленно наше войско, бывшее в деле, пропело “Боже, царя храни”, потом была панихида и погребение наших и вражеских тел...». Далее он пишет: «...неприятель посылал уже последние выстрелы, как

у порохового погреба уже рылась яма для погребения и наших, и врагов в количестве 80 чел...» [1, с. 53, 60]. Последнее предложение относится к событиям 24 августа. Настораживают слова «уже рылась яма», возникают вопросы: а где же были погребены первые шестеро убитых и один умерший? На городском кладбище или всё-таки в братской могиле, первая «яма» которой, возможно, была вырыта ещё 20 августа?

О похоронах пишет и Ю. Г. Завойко, лично на них не присутствовавшая (речь тоже идёт о 24 августа): «Физические силы, бывшие в таком страшном напряжении с раннего утра, требовали подкрепления, и тут же стали обедать. Затем приступили к погребению убитых. Наших было до 35 человек, между ними были и волонтеры, и мой старик *Дурынин* сложил свою старую голову за батюшку царя, поспав пред тем не одну меткую пулю во вражескую силу» [1, с. 124]. Отличный стрелок-медвежатник, сорокасемилетний «старик», *камчадал Корятского селения Филип Дурынин* сопровождал жену губернатора во время эвакуации в Авачу и находился там с ней и детьми генерала, а затем отпросился в порт, желая участвовать в бою. В метрической книге он значится под 94-м номером [2, л. 158, об.].

Из слов Г. Н. Токарева и Ю. Г. Завойко следует, что похороны прошли одномоментно, захоронено «до» 35 человек. Но теперь мы знаем, что эта цифра меньше, чем приводимая нами. Хоронили же убитых и умерших от ран, во-первых, массово в два приёма, то есть 20 и 24 августа, а во-вторых, последовательно, группами — 25 августа и 12 сентября; индивидуально — с 26 по 29 августа, затем 5, 13 и 19 сентября. Последним 24 ноября, то есть ровно через три месяца после решающего боя, был похоронен матрос Г. В. Опашков, скончавшийся 22 ноября [2, л. 162, об.]. Место захоронения у всех тоже обозначено как «на общем кладбище», и, скорее всего, на городском, а не в братской могиле.

Здесь достаточно вспомнить тяжело раненого (оторвало руку), но умершего, как пишут свидетели, от «горячки», то есть простудного заболевания, 10 сентября лейтенанта князя А. П. МаксUTOва [1, с. 53, 61, 126]. Хотя в метрической книге приведена другая причина его смерти — «от раны, получил на брани» [2, л. 161]. Он был, как известно, погребён в отдельной могиле на кладбище.

Теперь мы можем предположить, что в братской могиле погребены не все названные защитники порта, а только те, кто пал в бою 24 августа, то есть 19 человек. Окончательный ответ на этот вопрос может дать лишь специальное исследование. А вот нужно ли оно? Стоит ли тревожить прах давно ушедших людей? Да, стоит, хотя бы потому, что память о них намного пережила их бранные тела, а имя каждого теперь может быть навечно выбито на мраморных поминальных досках.

Уже более ста лет тому назад существовали планы обнародования и увековечения имён павших героев. 24 августа

Освящение памятника «Часовня» на братской могиле защитников Петропавловска, 24 июня 1912 года. Фотография из книги Д. Шерстенникова «Памятники и надписи как достопримечательности города Петропавловска-на-Камчатке» (1913).

Современная стилизованная надпись на кресте, венчающем братскую могилу защитников Петропавловска.

1912 года в присутствии горожан, генерал-губернатора Приамурского края Н. Л. Гондатти и губернатора Камчатской области Н. В. Мономахова был торжественно освящён памятник «Часовня». Он установлен в центре Петропавловска, выше братских могил его защитников и вражеских десантников.

Вот его описание, сделанное протоиереем Д. Шерстенниковым: «На середине площадки возвышается красивое здание часовни, увенчанной цементовым крестом. Конструкция памятника настолько проста, настолько же и изящна. Стены его

восьмигранны, по четырём сторонам с боков поставлено по небольшой колонне. Вы открываете железную дверь с восьмиконечным крестом посередине, затем — вторую стеклянную. Стенки внутри покрыты цементом, но украшений пока ещё нет. Здесь стоят жертвенник, образ Спасителя и знамёна, изнесённые из бывшей церкви. Теснота помещения (четыре аршина в диаметре) не позволяет поставить что-либо более. Есть предположение поставить сюда образ Спасителя с предстоящими Михаилом Архангелом и Святым Николаем Чудотворцем, нарочно написанным для памятника, а пред святым образом зажечь неугасимую лампаду. В нише *написаны будут* (курсив мой. — С. Г.) имена павших воинов» [4, с. 173].

Было ли это сделано на самом деле, мы не знаем. Во всяком случае, никаких опубликованных на этот счёт свидетельств найти не удалось. Похоже, что Петропавловску, теперь носящему статус города воинской славы, пришла пора исполнить ранее неосуществлённое намерение наших предшественников, исправить эту историческую ошибку.

А теперь приведём список 42 защитников города, погибших и умерших от ран, в алфавитном порядке и с современным написанием имён и должностей.

Памяти защитников Петропавловского порта от нападения англо-французской эскадры в августе 1854 года.

Белоусов Даниил, 30 лет, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 20 августа.

Гагарин Яков, 27 лет, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 24 августа.

Губин Трофим, 31 год, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 20 августа.

Гудин Савелий, 34 года, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 24 августа.

Данилов Николай, 40 лет, унтер-офицер 46-го флотского экипажа, скончался от ран 26 августа.

Дунаев Даниил Николаевич, 38 лет, писарь 46-го флотского экипажа, убит в бою 24 августа.

Дурынин Филипп, 47 лет, камчадал, житель Корякского селения, убит в бою 24 августа.

Екимов Михаил, 32 года, матрос 46-го флотского экипажа, скончался от ран 25 августа.

Жбанов Иван, 32 года, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 20 августа.

Изотов Прокопий, 32 года, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 24 августа.

Калмаков Николай Фёдорович, 27 лет, штурман, умер от ран 25 августа.

Киселёв Иван, 15 лет, кантонист 46-го флотского экипажа, убит в бою 20 августа.

Кокотцев Иоанн, 32 года, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 24 августа.

Конев Иван, 32 года, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 24 августа.

Коновалов Прокопий, 36 лет, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 24 августа.

Костев Иоанн, 30 лет, матрос 46-го флотского экипажа, скончался от ран 3 сентября.

Костоломов Александр, 33 года, казак Камчатской команды, убит в бою 24 августа.

Костоусов Максим, 40 лет, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 24 августа.

Куклин Фёдор, 35 лет, матрос 46-го флотского экипажа, скончался от ран 22 августа.

Лысаков Андрей, 34 года, боцманмат 46-го флотского экипажа, убит в бою 20 августа.

Лыткин Алексей, 30 лет, унтер-офицер 46-го флотского экипажа, убит в бою 20 августа.

Максутов Александр Петрович, 23 года, лейтенант 19-го флотского экипажа, скончался от раны 10 сентября.

Мышьянов Василий, 40 лет, писарь 46-го флотского экипажа, скончался от ран 25 августа.

Николаев Терентий, 30 лет, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 24 августа.

Опашков Георгий Васильевич, 35 лет, матрос 47-го флотского экипажа, скончался от раны 22 ноября.

Осипцов Яков, 33 года, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 24 августа.

Перцов Сергей, 32 года, матрос 46-го флотского экипажа, скончался от ран 27 августа.

Петров Александр, 30 лет, матрос 46-го флотского экипажа, скончался от ран 28 августа.

Петунин Алексей, 34 года, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 24 августа.

Прокопьев Капитон, 34 года, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 24 августа.

Савельев Иоанн, 35 лет, матрос 46-го флотского экипажа, скончался от ран 27 августа.

Сажин Стефан, 39 лет, писарь 46-го флотского экипажа, скончался от ран 25 августа.

Сапенков Николай, 26 лет, матрос 19-го флотского экипажа, скончался от раны 11 сентября.

Сахаров Фёдор Михайлович, 23 года, купеческий сын, скончался от ран 25 августа.

Селиванов Иоанн, 31 год, казак Камчатской команды, убит в бою 24 августа.

Сопожков (Сапожков) Евгений, 36 лет, мещанин, убит в бою 24 августа.

Стефанов Василий, 34 года, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 24 августа.

Стуков Михаил, 28 лет, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 24 августа.

Суруков Малафий Яковлевич, 30 лет, матрос 19-го флотского экипажа, скончался от раны 16 сентября.

Шпикин Иоанн, 31 год, матрос 1-й статьи 46-го флотского экипажа, скончался от раны 11 сентября.

Шулаков Стефан, 39 лет, матрос 46-го флотского экипажа, скончался от раны 11 сентября.

Юшин Роман, 43 года, отставной матрос, убит в бою 24 августа.

Напомним, что в этом списке отсутствует несохранившееся имя ещё одного 28-летнего воина, умершего «от раны, получил на брани противу неприятеля» [2, л. 160].

Последнее эхо отгремевших боёв прозвучало в Петропавловске 4 ноября 1854 года, когда в возрасте 24 лет был «убит нечаянно разорванною неприятельскою бомбою после бывшего сражения 24 августа 1854 года 47 флотского экипажа матроз Савастиян Макаров Сенов» (Севастьян Макарович Сенов). Его погребли 7 ноября, а в метрической книге он значится под 119-м номером [2, л. 162, об., 163].

Список использованных источников

1. *Защитники отечества. Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 году : сб. офиц. док., воспоминаний и писем / сост. Б. П. Полевой. — 2-е изд., доп. — Петропавловск-Камчатский : Дальневост-е кн. изд-во, 1989. — 272 с.*
2. *Метрическая книга, данная из Камчатского духовного правления причту Камчатского Петропавловского собора для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших на 1854 г. // Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 1011. Оп. 1. Д. 256.*
3. *Сильницкий, А. П. Архивные материалы к истории событий на Дальнем Востоке России с 1847 по 1855 год, извлечённые из дел Владивостокского портового архива / А. П. Сильницкий // Вопросы истории Камчатки. Вып. 4. — Петропавловск-Камчатский, 2009. — 496 с.*
4. *Шерстенников, Д. Памятники и надписи как достопримечательности города Петропавловска-на-Камчатке / Д. Шерстенников // Вопросы истории Камчатки. Вып. 9. — Петропавловск-Камчатский, 2015. — 672 с.*

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 23.12.2019.

Сведения об авторе: Гаврилов Сергей Витальевич, старший научный сотрудник отдела научно-фондовой работы Камчатского краевого объединённого музея, доцент Камчатского государственного технического университета, член Союза писателей России, Российского военно-исторического общества, лауреат литературных и краеведческих премий, почётный работник рыбного хозяйства России (г. Петропавловск-Камчатский).

Контактные данные: e-mail: gavrilov_sv@kamchatgtu.ru; тел.: (4152) 42-54-12, 8-909-831-93-96.

ПЛИСКИНА ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА

НЕКОТОРЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ИСТОРИИ ЛАГЕРЯ № 16 УМВД ПО ХАБАРОВСКОМУ КРАЮ ДЛЯ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

В статье рассматривается краткая история лагеря № 16 для японских военнопленных в городе Хабаровске в период с 1945 по 1950 год, с момента его формирования до массовой репатриации военнопленных. Освещается вопрос о привлечении японских военнопленных к трудовым работам, а также политическое просвещение, культурно-массовая и спортивная работа в лагере.

Ключевые слова: Хабаровск, лагерь № 16, японские военнопленные, Хабаровский бактериологический процесс.

Keywords: Khabarovsk, camp № 16, Japanese prisoners, Khabarovsk War Crime Trials.

В нашей стране многие люди старшего поколения помнят о том, что в послевоенные годы в СССР, в основном на территории Дальнего Востока, находились лагеря военнопленных, в которых содержались бывшие военнослужащие японской Квантунской армии. Японские военнопленные привлекались к работам на промышленных предприятиях, в сельском хозяйстве, принимали участие в строительстве промышленных и гражданских сооружений. Одним из таких лагерей был лагерь № 16, который располагался на территории г. Хабаровска и Хабаровского края. История лагеря охватывает период с 1945 по 1950 год.

После победы над фашистской Германией, по договоренности с союзниками по антигитлеровской коалиции, СССР вступил в войну с милитаристской Японией. В августе 1945 года была проведена Маньчжурская операция, результатом которой явился разгром Квантунской армии и пленение более полумиллиона японских военнослужащих. В это число вошли корейцы, китайцы и граждане других государств, которые на тот момент находились в составе японской Квантунской армии. В массовом порядке военнопленные стали поступать на территорию СССР.

Приказом МВД СССР № 1015 от 5 сентября 1945 года и приказом УНКВД по Хабаровскому краю № 00123 от 12 сентября 1945 года был образован лагерь № 16 НКВД СССР. Лагерь предназначался для содержания и трудового использования японских военнопленных. Начальником лагеря был назначен капитан Грицук. Заместителем начальника управления лагеря по снабжению был старший лейтенант Гитцевич, который в августе 1946 года принимал участие в группе сопровождения бывшего императора Маньчжоу-Го Айсингёро Пу И на Токийский процесс. Заместителем начальника управления лагеря № 16 по оперативной работе был капитан Петерс [7, л. 24]. Он принимал участие в допросах обвиняемых при подготовке Хабаровского бактериологического процесса: допрашивал подполковника медицинской службы Ниси Тосихидэ, майора медицинской службы Карасава Томио и других [3].

Дополнительным приказом УНКВД по Хабаровскому краю № 00147 от 13 сентября 1945 года лагерь № 16 был отнесён к штату № 6 с лимитной численностью 10–15 тысяч человек с дислокацией в г. Хабаровске. Отдельным приложением к приказу УНКВД по Хабаровскому краю № 00125 от 5 сентября 1945 года были объявлены первые дислокации лагерей для японских военнопленных края и лагерные отделения по каждому лагерю, в том числе и по лагерю № 16.

Управление лагеря в первоначальный период организации размещалось в г. Хабаровске (ул. Карла Маркса, д. 33, дом НКВД). Из-за недостаточности служебных помещений 15 октября 1945 года оно было передислоцировано

в ИЗОПРОПУНКТ ДВЖД (Воронежское шоссе, д. 3). За время существования лагеря его структура неоднократно подвергалась реформированию, его отделения меняли свою нумерацию, разделялись и объединялись.

В 1945 году лагерь имел 24 отделения, в 1946-м и 1947-м — 22, в 1948-м и 1949-м — 21 отделение [7, л. 25].

С 1948 года изменился режим содержания, лагерь стал строгорегимным. С января 1950 года, после Хабаровского судебного процесса, он стал лагерем для японских военных преступников.

Лагерь в своей структуре имел несколько лагерных отделений. Лагерное отделение № 1 с численностью 1 500 человек дислоцировалось в г. Хабаровске, в Кировском районе, на заводе имени Орджоникидзе Министерства нефтяной промышленности Восточных районов Союза ССР, и обслуживало этот завод. В состав лагерного отделения входила подкомандировка численностью 500 человек, которая обслуживала завод имени Молотова Министерства вооружения. Подкомандировка располагалась в районе завода имени Молотова. Военнопленные использовались на подсобных работах, не связанных с работой в цехах. Лагерное отделение № 1 имело и вторую подкомандировку численностью 300 человек, которая дислоцировалась в Хабаровском сельском районе, в селе Сергеевка, и обслуживала подсобное хозяйство завода имени Орджоникидзе. Приказом УМВД по Хабаровскому краю № 00255 от 5 ноября 1947 года лагерное отделение № 1 было расформировано ввиду непригодности жилого фонда и неправильного использования военнопленных. Военнопленные были распределены по другим лагерным отделениям.

Лагерное отделение № 2 численностью 1 000 человек дислоцировалось в Сталинском районе (ныне Индустриальный) г. Хабаровска, в районе Артзатона, и обслуживало предприятия Амурского управления речного пароходства (АУРП): Хабаровский судоремонтный завод, Хабаровский речной порт, Главное военное речное управление, стройотряды №№ 2, 4, 6, отдел рабочего снабжения АУРП. Военнопленные использовались на строительстве подсобных предприятий, жилых домов, бань, ремонте пассажирского и грузового флота.

Лагерное отделение № 3 численностью 600 человек располагалось в районе посёлка Красная Речка и обслуживало совхоз ХОЗО УМВД по Хабаровскому краю.

Лагерное отделение № 17 (в прошлом 24) в составе 500 человек находилось в Хабаровском сельском районе, в селе Некрасовка, и обслуживало ЛВУ № 83 завода имени Горького [7, л. 11].

С сентября 1945 по январь 1946 года в лагерь из Маньчжурии прибыло железнодорожными эшелонами №№ 2021, 43030, 42085, 42039, 42030, 42092, 423059, 42433 и 4239

11 тысяч человек. На пароходах «Куйбышев» и «Коминтерн» прибыло 6 800 человек. Кроме этого, из спецобъекта НКВД СССР № 30 Читинской области прибыло 13 человек. Из лагеря № 50, расположенного в пригороде г. Хабаровска, в районе Воронежа, прибыло 249 человек [7, л. 29].

Поступление военнопленных японцев для размещения и расквартирования в край проходило большими группами, но в короткие сроки. Вопросы создания минимальных бытовых условий, питания, медицинского обслуживания и другие проблемы, при отсутствии подобного опыта, приобретали острый характер. Особенно остро встал вопрос о привлечении переводчиков японского языка для работы администраций лагерей с военнопленными. Острота заключалась в том, что военнопленные японцы, от офицеров до рядовых, считали себя не военнопленными, проигравшими войну советским войскам, а прекратившими сопротивление, сложившими оружие якобы по указанию японского императора. А это не одно и то же. Прошло немало времени, пока военнопленные японцы поняли суть этой разницы и изменили своё поведение, отношение к требованиям администрации, в том числе в вопросах их трудоустройства. Особенности организации работы с военнопленными осложнялись ранним наступлением в крае холодов и суровой зимы 1945–1946 года [6, с. 17].

30 августа 1945 года в УМВД по Хабаровскому краю был создан отдел по делам военнопленных и интернированных, а также сформирован спецобъект № 45, который расположился в здании республиканских курсов местной противовоздушной обороны (МПВО) по улице Сапёрной, дом 42 (ныне ул. Дикопольцева) со штатом 64 человека. Спецобъект предназначался для размещения высших чинов Квантунской армии, членов правительства марионеточного государства Маньчжоу-Го, а также бывшего императора Пу И и его свиты [2, с. 32].

В зависимости от задач, которые стояли в разные периоды времени, контингент спецобъекта № 45 периодически перемещался в лагерь № 16 и обратно на спецобъект.

В период массового поступления военнопленных работники учётного отделения лагеря столкнулись с рядом трудностей. Во-первых, военнопленные поступали в лагерь без списков, которые должны были составляться командованием войск Министерство Вооружённых Сил СССР при пленении частей японской армии. Такое положение вело к тому, что поступающие в лагерь военнопленные принимались путём количественного подсчёта в строю. Во-вторых, незнание работниками учётного отделения японского языка и отсутствие переводчиков не давало возможности завести надлежащий учёт [7, л. 30]. В результате этого военнопленные за период с 10 сентября 1945 года по 1 января 1946 года учитывались в основном по строевым записям в количественном отноше-

нии, с разбивкой только по чинам. Заполнение учётных дел проводилось самотёком; кроме того, в значительной степени подобранный инспекторский состав учётного отделения был малограмотным и с работой по учёту военнопленных столкнулся впервые. При заполнении учётных карточек по форме № 2 в результате незнания инспекторами по учёту японского языка допускались искажения фамилий, имён и других установочных данных военнопленных. Все эти ошибки были вскрыты только в последний период существования лагеря, что резко отразилось в дальнейшем на практической работе с военнопленными. И особенно на завершающем этапе, в период репатриации и фильтрации подучётного контингента, в ноябре-декабре 1949 года.

В начальный период создания лагерей остро сказался недостаток переводчиков японского языка на Дальнем Востоке. На 100 отделений имелось только 38 переводчиков [1].

В 1946 году в связи с пополнением штата переводчиков положение с учётом улучшилось. Ранее допущенные ошибки в учётных делах были устранены. На весь списочный состав военнопленных лагеря № 16 в управлении лагеря была составлена центральная картотека. Также были составлены картотеки в лагерных отделениях и заведены учётные дела на каждого военнопленного. В 1947 году в лагерь стал поступать строгорегимный контингент. Приказом МВД СССР № 00681 от 19 июля 1948 года лагерь № 16 был переведён в разряд строгорегимных; с 27 января 1949 года в лагерных отделениях №№ 13, 14, 16 и 18 был сосредоточен офицерский состав бывшей японской армии [7, л. 37]. В качестве основной задачи, которую МВД СССР в 1949 году поставило перед лагерем, было обеспечение полной фильтрации режимного контингента, выявление лиц, совершивших воинские преступления, и завершение репатриации военнопленных на родину. За 1948 год было репатрировано 7 490 человек, из которых 1 876 военнопленных корейцев — подданных Кореи, и 2 человека интернированных женщин японок, ранее служивших в Квантунской армии. Этот период для учётного аппарата был самым напряжённым за всё существование лагеря, но, несмотря на все трудности, лагерь с задачей справился успешно [7, л. 41, л. 45].

Практика организации трудового воспитания военнопленных

В соответствии с приказом МВД СССР № 0675 1945 года¹ военнопленные сводились в батальоны, роты, взвода и отделения. Производственное распределение военнопленных было организовано по бригадам. Численный состав

¹ Автору не удалось обнаружить в архивных источниках точную дату подписания данного приказа.

бригад составлял 25–30 человек. Бригады закреплялись за постоянными объектами работ, в целях лучшего освоения производства и технологии. В свою очередь бригады разбивались на производственные звенья в соответствии с характером работ. Состав бригадиров и звеньевых назначался с учётом их квалификации. На объектах работ из числа военнопленных назначался кладовщик, который выдавал инструмент перед началом работ, и он же его собирал по окончании [7, л. 101]. Перед началом работ военнопленные получали наряды и ежедневные производственные задания, а по окончании — ежедневные справки на выполненные работы. В конце месяца наряды закрывались на основании ежедневных рабочих сведений. На транспортных работах наряды закрывались ежедневно. Особое место в работе лагеря на протяжении 1945–1949 годов занимал вопрос по борьбе с производственным травматизмом. В целях сведения к минимуму производственного травматизма в состав каждой бригады были включены инспектора по технике безопасности из числа военнопленных. Для тех производств, где работали военнопленные, инструкции по технике безопасности были переведены на японский язык. Проведены семинары по технике безопасности, на рабочих местах были размещены плакаты и лозунги [7, л. 103]. Однако вследствие отсутствия производственных навыков и нарушений правил производственных работ, а также недостаточной трудовой дисциплины на протяжении 1945–1949 годов имели место случаи, связанные с производственным травматизмом.

Таблица. Травматизм на производстве.

	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.
Мелкие травмы	92	78	66	43
Средние травмы	47	51	118	80
Тяжёлые травмы	31	26	10	28
Травмы со смертельным исходом	8	5	6	5

Работали военнопленные в основном на строительстве промышленных и гражданских сооружений в пределах г. Хабаровска и его районов: в пос. Красная Речка, Краснофлотском, Центральном, Кировском, Железнодорожном, Сталинском районах. Основным документом при производстве расчётов с хозорганизациями, а также при решении всех хозяйственных вопросов и вопросов, связанных с производством работ, являлся договор. Договоры с 1946 по 1949 год были заключены со всеми хозорганизациями. Взыскание сумм заработка с них производилось путём инкассации. В этот период по расчётам с хозорганизациями возник ряд исков, связанных с неправильным применением финансового законодательства, которые разрешались в местном Госарбитраже [7, л. 105].

Особое место в формировании взглядов военнопленных на СССР во время пребывания в плену занимал вопрос советской внешней политики [7, л. 127]. Вот почему на протяжении всего пребывания в СССР пристальное внимание уделялось изучению военнопленными выступлений глав советских делегаций на сессиях ООН — выступлениям Молотова и Вышинского. В мае – июле 1946 года в лагерных отделениях создавались «Томокай» — общества друзей газеты «Нихон-Симбун» из числа лояльно настроенных к СССР и демократически убеждённых военнопленных. «Томокай» вёл работу по собиранию материалов для газеты «Нихон-Симбун», поощрял написание заметок, статей. Военнопленный лагерного отделения № 5 Оомори работал кочегаром в редакции газеты «Нихон-Симбун». Выпускаемая на японском языке в Хабаровске газета «Нихон-Симбун» также помогала военнопленным ориентироваться во внутривнутриполитическом положении Японии и положении СССР. Так, японские военнопленные узнали, что в СССР нет безработицы, что советский закон гарантирует каждому трудящемуся право на труд, на отдых, на образование, что труд в условиях СССР стал делом чести, доблести и героизма [7, л. 87]. Среди военнопленных вокруг газеты «Нихон-Симбун» создавались группы чтения, организовывалось разъяснение отдельных статей. Позднее был проведён конкурс на лучшее написание стихов, рассказов, пьес.

В декабре 1949 года при всех лагерях были созданы политотделы [7, л. 129]. В результате работы политотделов в лагерях возникло Хирацуковское движение — соревнование бригад военнопленных за выполнение производственных показателей не ниже 150 процентов.

Политико-воспитательная работа

Формой политико-воспитательной работы среди широких масс военнопленных являлись вечерние кружки. На основании указания политотдела № 375300 от 5 апреля 1947 года в лагерных отделениях были организованы и литературные кружки по программе 52-х часов. Также были основаны и кружки по изучению Конституции СССР. Первые политические кружки по изучению законодательства были созданы в июле 1947 года. В связи с поступлением в лагерь в мае 1947 года первой партии «Краткого курса истории ВКП(б)» на японском языке были организованы кружки по изучению истории ВКП(б) для антифашистского актива. Всего было организовано 18 кружков с охватом 500 человек. К чтению лекций, докладов и бесед, проведению собеседований и консультаций привлекались наиболее политически грамотные коммунисты: Дружинин, Львов, Замашаев, Пурахлин и другие.

Культурно-воспитательная работа

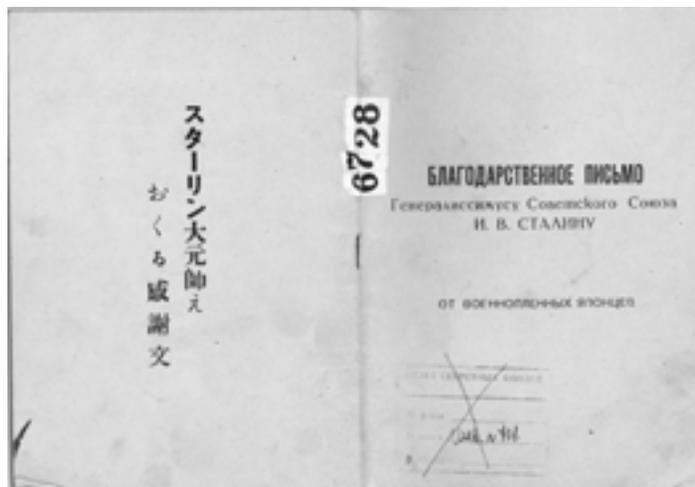
Немалую роль в воспитании военнопленных сыграли умело организованные в большинстве лагерей отделения культурно-просветительской работы, а также привлечение наиболее одарённых военнопленных в кружки живописи, спортивные кружки и организации досуга. Так, в лагерном отделении № 20 был создан кружок, объединивший пятерых замечательных художников. Руководство лагеря привлекло их к оформлению и оборудованию жилых помещений, клуба, столовой и т. д. Во всех лагерных отделениях в летнее время создавались волейбольные команды, которые выезжали в другие лагерные отделения на соревнования [7, л. 135].

В 1947 году был организован общелагерный ансамбль художественной самодеятельности. Он состоял из духового оркестра в количестве 15 человек (18 музыкальных инструментов), джазового оркестра из 24 человек (24 музыкальных инструмента) и драматического кружка из 23 человек (всего — 62 человека). Общелагерным ансамблем были даны 91 спектакль и 205 концертных выступлений. Во всех лагерных отделениях в 1949 году были поставлены пьесы «Счастье» по книге П. Павленко и «Непокорённые» по книге Б. Горбатова [7, л. 134]. Ансамбль обслуживал лагерные отделения, выступал среди военнопленных, давал концерты в хабаровском клубе УМВД имени Дзержинского, в театре музыкальной комедии и на авиаремонтном заводе (АРЗ-6); выезжал в лагерь № 19 (г. Райчихинск) на смотр художественной самодеятельности, где занял первое место по краю. За эту победу ансамбль получил благодарность и денежное вознаграждение в размере 300 рублей.

Кроме выступлений коллектива художественной самодеятельности во всех лагерных отделениях регулярно демонстрировались советские художественные кинофильмы. С 1947 года лагерные отделения обслуживала кинопередвижка. С 1947 по 1949 год было продемонстрировано 455 кинокартин, дано 1 350 киносеансов. Были показаны фильмы «Третий удар», «Великий гражданин», «Сказание о земле Сибирской», «В. И. Ленин», «Академик Павлов», «Суд народов» и другие. В лагерном отделении № 6 среди военнопленных корейцев был создан замечательный спортивный кружок в составе 10 человек, который впоследствии разъезжал по лагерным пунктам и демонстрировал своё спортивное мастерство.

В 1949 году в Советском Союзе готовились торжественно встретить 70-летие со дня рождения И. В. Сталина. Не остались в стороне и японские военнопленные. Они подготовили и направили в адрес советского вождя благодарственное письмо. Это письмо обсуждалось на массовых митингах и собраниях японских военнопленных лагерей МВД и лагерей рабочих батальонов МВС в Хабаровском и Приморском краях в период с мая по август 1949 года. Вот как докладывал

об этом событии политотдел лагеря своему руководству: «Результатом политической перековки военнопленных, небывалого роста их политической активности явилось обращение военнопленных с благодарственным письмом к Великому вождю и учителю Советского народа Иосифу Виссарионовичу Сталину. Военнопленные лагеря № 16, как и военнопленные других лагерей, горячо обсудили письмо к тов. Сталину и каждый лично под его текстом подписался. Подписи производились на отдельных листах, сброшюрованных в десять альбомов на 1 120 листах. Благодарственное письмо, написанное военнопленными в адрес тов. Сталина и подписанное 7 500 человек, — это факт, доказывающий любовь и благодарность абсолютного большинства военнопленных к Советскому Союзу, к советскому народу, большевистской партии и Советскому Правительству. Это видно не только в самом тексте, вышитом на семидесяти метрах белого шёлка, но и в каждой черточке резьбы по дереву на шкатулках, в каждом мазке кистью на полях письма, в каждом иероглифе, вышитом золотыми буквами» [7, л. 145]. Один из текстов благодарственного письма, который был отпечатан в типографии газеты «Нихон-Симбун», хранится в Государственном архиве Хабаровского края.

Благодарственное письмо И. В. Сталину. Хранится в Государственном архиве Хабаровского края (№ 6728).

История лагеря № 16 хранит в себе ещё немало белых пятен. Одним из них является работа переводчиков японского языка. Необходимо отметить, что вся внутренняя жизнь лагеря строилась и подчинялась тогдашним законам, различным приказам, наставлениям, указаниям и инструкциям. Но учитывая, что это был лагерь для японских военнопленных, всё общение администрации лагеря с военнопленными осуществлялось через переводчиков. Часто, оставаясь в тени, они выполняли львиную долю работы. Работа переводчиков начиналась с обычного доведения до военнопленных правил внутреннего распорядка, переводов распоряжений и указаний администрации лагеря и заканчивалась допросами военных преступников. На допросах военных преступников

Справка из информационного центра УВД Хабаровского края.
Из личного архива семьи Кондрашевых.

от переводчиков требовались высшая степень владения японским языком, точность и правильность перевода. Точное количество переводчиков, работавших в лагере № 16, не установлено, но известно, что в этом лагере работал в качестве переводчика Юрий Михайлович Кондрашев.

При подготовке Хабаровского бактериологического процесса Ю. М. Кондрашев принял участие в допросе бывшего санитаря японской армии Кихара Мачитаро [5], работавшего в филиале № 643 отряда 731, в допросе бывшего солдата японской армии Нисидзакэ Тодаси, служившего санитаром в филиале 673 отряда № 731 в городе Сунь-У [4].

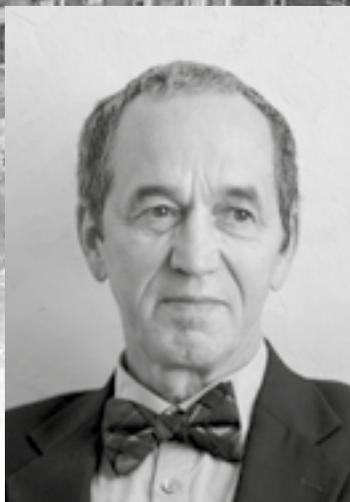
Тема переводчиков японского языка остаётся самой неисследованной в истории лагерей японских военнопленных и истории Хабаровского бактериологического процесса и требует отдельного изучения.

Список использованных источников

1. Докладные записки, справки, переписка // Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-35. Оп. 3. Д. 236. Л. 7.
2. Кузнецова, Н. Н. История конвойной службы в УИС России и на Дальнем Востоке / Н. Н. Кузнецова. — Хабаровск, 2006. — 54 с.
3. Материалы Токийского и Хабаровского судебных процессов (1946–1949) // Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 451п. Оп. 20. Д. 51. Л. 147.
4. Материалы Токийского и Хабаровского судебных процессов (1946–1949) // РГВА. Ф. 451п. Оп. 20. Д. 59. Л. 46.
5. Материалы Токийского и Хабаровского судебных процессов (1946–1949) // РГВА. Ф. 451п. Оп. 20. Д. 63. Л. 78.
6. Никитин, П. В. Этапы большого пути / П. В. Никитин. — Москва, 2002. — 96 с.
7. Учреждения по делам военнопленных и интернированных в Хабаровском крае // РГВА. Ф. 56п. Оп. 23. Д. 18.

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 05.11.2019.

Сведения об авторе: Плискина Валентина Николаевна, член клуба «Краевед» (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: valentinapliiskina@mail.ru; тел. 8-914-156-65-02.

ХИСАМУТДИНОВ АМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

НА НИВЕ СОВЕТСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ: К СТОЛЕТИЮ ОСНОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО УНИВЕРСИТЕТА

В 1920 году основан Государственный дальневосточный университет (ГДУ) и Восточный институт во Владивостоке преобразовали в восточный факультет. Статья посвящена деятельности владивостокских востоковедов после 1920 года. В первые годы советской власти продолжалась система преподавания Восточного института. В публикации анализируется деятельность его бывших профессоров: Евгения Генриховича Спальвина (1872–1933, Харбин), Григория Владимировича Подставина (1875–1924, Харбин), Петра Петровича Шмидта (1869–1938, Рига), Николая Владимировича Кюнера (1877–1955, Ленинград); обращается большое внимание на педагогическую деятельность Аполлинария Васильевича Рудакова (1871–1949, Владивосток). В статье использованы материалы из личного архива Татьяны Аполлинарьевны Каракаш (урождённая Рудакова).

Ключевые слова: Государственный дальневосточный университет, ГДУ, Восточный институт во Владивостоке, восточный факультет ГДУ, Е. Г. Спальвин, П. П. Шмидт, Н. В. Кюнер, А. В. Рудаков.

Keywords: State Far Eastern University, SFEU, Oriental Institute in Vladivostok, Oriental Studies Faculty of SFEU, E. G. Spalvin, P. P. Schmidt, N. V. Kiuner, A. V. Rudakov.

Мысль основать во Владивостоке университет впервые была высказана ещё в 1910 году, в дни празднования 50-летнего юбилея города, — «в целях государственного укрепления края и развития нарождающейся промышленности» [5, с. 349], но в Министерстве народного просвещения эта инициатива поддержки не нашла. Вопрос вновь был поднят в 1916 году в связи с вопросом о реорганизации Восточного института. В докладной записке, направленной в министерство, подчёркивалось, что «благодаря существованию в гор. Владивостоке Восточного института создаются особые благоприятные условия для открытия других факультетов: восточно-филологического, юридического и экономического, путем преобразования института с расширением или выделением юридических и экономических дисциплин, уже представленных в настоящее время в институте» [7, с. 2].

Здание Государственного дальневосточного университета (бывшее здание Коммерческого училища). Здесь находился восточный факультет.

Реальная возможность для развития высшего образования на российском Дальнем Востоке появилась лишь в период Гражданской войны, когда население региона пополнилось массой беженцев, среди которых было немало преподавателей высшей школы, исследователей, технических специалистов.

Обособленность от центральной России и отсутствие твёрдой власти создавали условия для самостоятельных действий, и интеллигенция, как прибывшая, так и местная, активизировала усилия по открытию высших учебных заведений. Уже в 1918 году во Владивостоке работали две инициативные группы: Дальневосточное общество содействия развитию высшего образования (председатель правления — профессор Восточного института В. М. Мендрин, секретарь — инженер Владивостокского торгового порта С. А. Данилов) и Комитет по учреждению историко-филологического факультета (председатель — антрополог из Петрограда С. М. Широкогоров). Результатом стало

создание во Владивостоке в 1918–1919 годах в порядке частной инициативы трёх учебных заведений: Высшего политехникума, историко-филологического и юридического факультетов, «с заранее обдуманном решением составить законные части будущего университета» [5, с. 350].

17 апреля 1920 года во Владивостоке был торжественно открыт Государственный дальневосточный университет (ГДУ). В число инициаторов его создания вошли многие востоковеды Восточного института, а также С. М. Широкогоров, А. М. Мерварт, Л. А. Мерварт и другие. Членом бюро по составлению проекта ГДУ был и профессор П. П. Шмидт, занявший затем должность декана историко-филологического факультета (1919–1920). Первым ректором ГДУ избрали профессора корейской словесности Г. В. Подставина. Восточный институт вошёл в ГДУ на правах восточного факультета.

А. В. Рудаков по этому поводу писал: «Возражения со стороны других членов Конференции не было, несмотря на то что приходилось иметь дело с крайне возмутительной научной репутацией понаехавших сюда беженцев, большей частью оставленных при российских университетах, за исключением трех-четырех доцентов и профессоров. <...> Приближение Красной армии к Владивостоку вызвало необычайное смятение среди предводителей и советников Земской рати. Началось повальное бегство всех на стоявший в порту пароход, который поспешил отплыть в корейский порт Гензен. Среди бежавших был и и. д. профессора Подставин, который исчез из Владивостока, абсолютно не сделав никаких распоряжений по ун[иверсите]ту, и не оставив никаких инструкций» [14].

Г. В. Подставин, действительно, покинул Владивосток в октябре 1922 года и поселился с семьёй в Корее — сначала в Сейсине, а затем в Сеуле. Весной 1923 года он переехал в Харбин: учебный отдел КВЖД пригласил его заведовать курсами русского языка для служащих-китайцев, а затем — курсами китайского языка для русских работников. Одновременно он преподавал в Японо-русском институте. Был он и директором Хорватской гимназии в Харбине. Ректор Дальневосточного университета профессор В. И. Огородников предпринял несколько попыток вернуть Подставина в ГДУ для руководства корейской кафедрой. Его кандидатура выдвигалась и на должность начальника учебного отдела КВЖД, но 23 марта 1924 года учёный-кореевед скоропостижно скончался в Харбине [22, с. 5–7].

Руководство университета пыталось привлечь к преподаванию и Г. Ц. Цыбикова, вернувшегося после Февральской революции на свою родину, в Агинскую степь, по приглашению сородичей — забайкальских бурят. Ему была отправлена телеграмма с приглашением занять вновь открытую кафедру со званием профессора, без унижающих самолюбие исследователя букв «и. о.», но путешественник

не вернулся во Владивосток. В 1919 году Русское географическое общество после долгих хлопот выпустило его книгу «Буддист-паломник у святынь Тибета. По дневникам, веденным в 1899–1902 гг.». Монголовед скончался 20 сентября 1930 года в Агинском.

В марте 1920 года решил всё же уехать из Владивостока и Шмидт, несколько поменяв свои планы. В последнем письме он писал: «В настоящее время я направляюсь в Ригу, где буду преподавать этнографию в новом университете. Я должен покинуть Дальний Восток и китаеведение, но я буду продолжать заниматься изучением китайского и маньчжурского языков. В Восточном институте я получал зарплату в 5–50 долларов в месяц, тогда как рабочий имел 50–100 долларов. Американское правительство тратит миллионы долларов для богатых рабочих, но ни одного цента для того, чтобы научить их. Американцы, кажется, предпочитают большевизм науке. Я возвращаюсь бедняком в мои родные места, но я рад, что покидаю “Свободную” Россию» [23, с. 76]. Приехав в Ригу, Шмидт стал профессором (1 апреля 1920 г.) и деканом (1923–1925) филолого-философского факультета Рижского университета. В основном он читал лекции по языкознанию, получив в 1927 году степень доктора философии.

Шмидт не потерял связи с российскими востоковедами, в частности он переписывался с китаеведом В. М. Алексеевым, с мнением которого не всегда соглашался. «Ошибки нужно только исправлять, но не ругать порой деятелей, которые не могли не ошибиться так, как и мы все ошибаемся. Одни синологи ищут у своих предшественников только ошибки, а другие считают каждое слово знаменитости безошибочным. Даже относительно основных принципов существуют противоположности взглядов» [21, с. 2]. Возвращаясь к материалам своих полевых исследований, проведённых по планам Общества изучения Амурского края, Шмидт опубликовал несколько статей о языках коренных народов Дальнего Востока (ульчей, негидальцев, орочей и нанайцев). В последние годы своей жизни он всё больше уходил от китаеведения к другим наукам. Востоковеды Г. В. Подставин, Е. Г. Спальвин и В. М. Алексеев не понимали работ Шмидта, который писал в ответ на это: «Я вполне оправдываю любовь синоведа к своему предмету, но не понимаю ненависти его к другим специальностям <...> Но стоит ли нам теперь поднимать научные споры, когда на науку смотрят как на бесполезную выдумку буржуев? Не теряем ли мы уважение в глазах физиологов, когда мы друга не признаем? Они скажут, что в этом отношении мы все правы. В конце концов, мы можем очутиться вне пространства и времени» [23, с. 67].

Помимо востоковедческих исследований П. П. Шмидт издал немало работ, посвящённых языку, фольклору и эт-

нографии латышей. Уже после его смерти четырёхтомным изданием были опубликованы 37 тысяч собранных им латышских поверий. Из множества работ, написанных учёным, около десяти хранятся в библиотеке Общества изучения Амурского края (ОИАК). Ещё живя во Владивостоке, Шмидт передал туда часть своего книжного собрания.

К 1 января 1921 года на восточном факультете ГДУ учился 541 студент. Поступило в том году 130 человек, а выбыло 366 [3]: одних призывали в армию, другие отправлялись на заработки, а некоторые уезжали за границу. С окончанием Гражданской войны на Дальнем Востоке навсегда уехала из России и большая часть востоковедов. Г. В. Подставин, покидая Владивосток, 20 октября 1922 года передал временно свои обязанности ректора ГДУ профессору Е. Г. Спальвину, который с 30 мая 1921 года занимал должность декана восточного факультета, а в последний год Гражданской войны был директором-распорядителем товарищества «Свободная Россия».

В ГДУ Спальвин вёл следующие дисциплины: «Введение в изучение японского языка и письменности», «Практические занятия по введению в изучение японского разговорного языка», «Современный политический строй Японии», «Введение в изучение японского книжного языка (с текстами)», «История социально-канонического строя и общественного движения в Японии», «Каллиграфия и пересказ текстов, свободный разговор» [19]. «В чем заключается наука? — любил говорить он студентам. — Направляй свои помыслы на этот путь, возьми просвещенного учителя, принимай от него учение, вращайся среди хороших друзей и пользуйся их поддержкой. Возбуждать в себе помыслы зависит от нас самих, но учиться пути — для этого нужно пользоваться силами учителя и друзей. Даже самое незначительное дело, самое пошлое занятие повседневной жизни трудно выполнить без учителя, без метода, без наставления, полагаясь только на свое собственное влечение, — трудно выполнить его, не смотря ни на какие собственные таланты и силы» [20, с. 2]. Этим заповедям, почерпнутым в конфуцианстве, Спальвин следовал и в своей жизни. В 1925 году он уехал в Японию, где стал представителем Всесоюзного общества культурных связей с заграницей, а также секретарём по культуре посольства СССР в Токио. Он был действительным членом ряда научных обществ в Токио: Народоведения, Японо-русского, Азиатского, Россия-кеню-кай и других. В Стране восходящего солнца он прожил шесть лет, переехав затем в Харбин, где его назначили советником в правлении КВЖД.

Массовый отъезд профессорско-преподавательского состава, а также студентов стал одной из причин реорганизации высшей школы во Владивостоке. Сюда был переведён Читинский университет во главе с профессором В. И. Огородниковым, который объединил все высшие учеб-

ные заведения в городе под крылом университета. Сразу же начались «чистки», в результате которых большую часть студентов отчислили, а некоторых профессоров уволили по причине их непролетарского происхождения.

На восточном факультете ГДУ было два разряда: китайский (профессора А. В. Рудаков, Т. Д. Червонецкий и др.), где изучали также монголо-бурятский и маньчжуротунгусский языки, и японский (заведующий П. С. Ануфриев), существовали кабинеты китаеведения, японоведения, английского языка и англо-американской литературы, истории культур, маньчжуроведения с монгольским подотделом и лабораторией товароведения. За неимением специалистов не велись занятия в корейском разряде, но отдельные преподаватели восточного факультета, например С. Д. Аносов, интересовались Кореей.

Об основных целях и задачах восточного факультета в советском университете говорилось: «Отмечая исключительное значение подготовки для республики практических работников-ориенталистов, главным образом в области ведения комиссариатов иностранных дел и внешней торговли, а также имея в виду, что по ряду местных и общих условий наиболее благоприятной для этого базой является именно Владивосток, правление находит безусловно необходимым иметь в составе ГДУ восточный факультет, ограничившись в настоящее время наличием в нём двух отделений — китайского с кафедрой маньчжурского языка и японского с кафедрой корейского языка. Странами-объектами изучения являются Китай и Япония, сообразно чему и усвоение основных языков на факультете, в достаточной мере их практического применения, должно быть дополнено в необходимом объеме прохождением юридических и политико-экономических дисциплин с соответствующим уклоном. Нормальным сроком прохождения курсов факультета установить четыре года, но в исключительных случаях срок этот может быть сокращен до трех лет. Ввиду обнаружившейся в настоящее время по целому ряду причин крайней малочисленности студентов на факультете третий и четвертый курсы в будущем не открывать. Настоятельная потребность в ориенталистах из состава соответствующего общим правилам классового приема в вузы вызывает необходимость учреждения при факультете ускоренных двухгодичных курсов практического и теоретического языка. Курсы эти должны быть организованы в ближайшем полугодии текущего академического года на средства из общих ассигнований университету» [4].

Учебные программы восточного факультета в 1923 году в основном повторяли программы Восточного института. Веянием же времени было то, что в них, в отличие от старых, большое внимание уделялось общественно-политическим дисциплинам. Упор делался на основательную марксистскую подготовку: востоковедение поставили на обслуживание

правящего коммунистического режима. Это пришлось не по душе некоторым профессорам, в частности Н. В. Кюнеру, который засобиравшись в Петроград. «Пробыв здесь, на Дальнем Востоке, 20 лет, — писал он известному китаеведу В. М. Алексееву 9 июня 1923 года, — собрав обширные материалы по его изучению, я ощущал потребность возвратиться в центр и тем продолжить работу по использованию всего этого материала и опубликованию моих начатых трудов. В связи с этим у меня возникло стремление к переходу в родной мне Петербургский университет, где вся научная обстановка является более благоприятной для такой работы, чем здесь, где я все же остаюсь пока одиноким» [8].

Кафедра китайского языка Государственного дальневосточного университета. В центре — заведующий Аполлинарий Васильевич Рудаков (1871–1949, Владивосток). Около 1925 года.

Были замечания по учебным планам и программам и у А. В. Рудакова, который оставался в ГДУ на должности профессора китайского языка и заведовал кабинетом китаеведения. «Что касается учебных пособий, — писал он, — то необходимо отметить, что первые курсы были обеспечены устаревшими пособиями Усова. Кроме того, нет пособия по военной терминологии. Курс проводится по уставу и газетным сводкам, что недостаточно. Констатируя вышеизложенное, необходимо сделать существенное замечание. Старый, но хорошо составленный учебник еще не беда, если он в руках опытного, высококвалифицированного преподавателя, который, в процессе преподавания пользуясь им, вносит что-нибудь новое, зная, что нужно устроить и что исправить. Поэтому не было ничего страшного, если курс скорописи читался по учебнику двадцатилетней с лишком давности. Хуже, когда начинающий преподаватель с ограниченным знанием языка, не имея возможности критически относиться к языку, принимает на веру все, что в нем есть» [14].

Профессор Рудаков читал на восточном факультете ГДУ несколько курсов: «Торгово-промышленная деятель-

ность Китая, коммерческая таможенная терминология и документы», «Коммерческая и деловая корреспонденция», «Интерпретация текстов по Вэду (курс практический)», «Разговорный, современный официальный литературный китайский язык “Гуани-хуа-чжи-нань”, мандаринское наречие, гофюй и фонетика мандаринского наречия, торговые и официальные документы», «Основные элементы китайского литературного языка, газетный стиль, чтение современных газет, пересказ на бай-хуа (практический курс)».

Используя бесценный опыт Восточного института, он разработал программу для практики студентов в китайском языке. В ней говорилось: «Производственная практика должна быть увязана с производственными возможностями того из учреждений, организаций, заводов и т. п. мест, где придется работать студенту. Практиканты должны вести дневники, в которые должны заносить все наблюдения не только по языку, но и касательно быта и жизни той китайской среды, в которой придется работать. Данные, заносимые в дневник, должны носить не только характер эскизов, но и представлять, по возможности, анализ разбираемого явления. Такие записи должны вноситься аккуратно, без небрежности, так как дневники могут часто просматриваться со стороны руководителей практики» [18].

Научно-исследовательская работа на восточном факультете велась в основном в интернациональном направлении. В то же время были начаты интересные разработки по составлению алфавитов для языков коренных народностей Приморья и Приамурья, велись антропологические исследования населения Дальнего Востока. Молодые востоковеды ГДУ открыли своими публикациями новую серию, «Востоковедение», в «Трудах ГДУ» (Б. Пашков, И. Ключин, Н. Овидиев), также были изданы лекции А. В. Рудакова, Т. Д. Червонецкого. В 1927 году состоялись научные командировки А. В. Гребенщикова в Маньчжурию и П. С. Ануфриева в Японию.

Научная деятельность востоковедов, этнографов и краеведов была сконцентрирована в Дальневосточном краеведческом (затем краевом) НИИ (ДВКНИИ) при ГДУ. Специалисты самых разных отраслей занимались изучением Дальнего Востока, как русского, так и зарубежного, по таким направлениям, как «Природа», «Человек», с секциями: этнография и физическая антропология, лингвистика, история и археология. Первое организационное собрание ДВКНИИ состоялось 9 ноября 1923 года, на котором председателем выбрали Н. В. Кюнера. На первом этапе работа заключалась в чтении докладов. 2 ноября 1924 года, в частности, состоялся доклад профессора Е. М. Чепурковского «Несколько слов о работе студентов по антропологии за истекший учебный год», в котором он подвёл итоги исследований по антропологии китайцев и корейцев. Начав публикацию научных работ в стенах ГДУ, Чепурковский продолжил её и в Китае.

16 ноября 1924 года И. А. Лопатин рассказал о своей летней экспедиции 1924 года к орочам. Результатом её стал сбор материалов по технике и экономике охотничьего и рыболовного промысла туземцев, а также по этнографии орочей, тунгусов и других аборигенов северного Приморья. Этнограф собрал произведения народной поэзии и новые слова для ороцкого словаря. Проведя антропологические измерения 180 человек, учёный сделал 400 снимков по методике профессора Чепурковского. 24 января 1925 года Е. Г. Спальвин, ещё не покинувший Владивосток, и Н. В. Кюнер рассказали о японском коллеге — профессоре Рюзо Тории (1870–1953). В том же году с докладами выступили археолог А. И. Разин, историк И. А. Ключин, И. И. Гапанович и А. В. Рудаков. В июне 1927 года Рудаков прочитал обобщающую лекцию о тибетской и китайской медицине, опубликованную позднее в «Известиях Общества врачей Южно-Уссурийского края».

Как и до революции, на российском Дальнем Востоке работали востоковедческие общества. Председателем одного из них, Дальневосточного отделения Всероссийской научной ассоциации востоковедения, был профессор А. В. Гребенщиков, продолжавший востоковедческие исследования. «Относительно ученой и общественной деятельности профессора Александра Васильевича Гребенщикова, — писали в характеристике, — должно констатировать, что в его лице Государственный Дальневосточный университет имеет выдающегося ученого по различным научным дисциплинам в области маньчжуроведения, приготавливающего теперь к опубликованию документы Цицикарского архива по истории сношений Китая с Россией в XVII столетии. С общественной стороны он принимает самое деятельное участие по всем тем вопросам, где или требуются специальные ориентальные знания, или административный опыт. Все это с несомненностью говорит за то, что профессор А. В. Гребенщиков находится ныне в полном расцвете своих духовных сил» [6]. Гребенщиков старался общаться со столичными востоковедами. Так, приехав в 1925 году в Ленинград, он встретился с академиком В. М. Алексеевым, с которым обсудил состояние дел в российском востоковедении на Дальнем Востоке.

Членом правления Владивостокского отдела Всесоюзного общества востоковедения был А. В. Рудаков, считавший, что работа секций и общества в целом должна быть рассчитана не на кабинетного, а на массового работника. Он отмечал: «Вся практическая деятельность Общества будет протекать по секциям, которых намечено шесть: политико-экономическая, историко-географическая, культурно-бытовая, литературная, филологическая и продвижения» [16]. Рудаков продолжал интересоваться экономикой Китая, участвуя в издании журнала «Новый Дальний Вос-

ток» и публикуя статьи в периодической печати. Весьма актуально и пророчески звучат слова профессора: «Ответ принадлежит будущему, будет ли Китай капиталистическим или социалистическим государством. Но если после различных политических неурядиц в Китае утвердится такое правительство, которое сумеет сделать государственной развивающуюся промышленность страны, то китайцам, при их выдающихся коммерческих качествах, при их замечательной солидарности в сфере своих интересов, сплоченности и других особенностях характеров, о чем была речь выше, представится широкая возможность к кооперации. <...> При благоприятной политической обстановке вся страна могла бы покрыться густой сетью кооперативных товариществ самых различных наименований» [17]. Сегодня мы можем сказать, что слова китаеведа сбылись.

Он продолжал работу по составлению учебников по китайскому языку и в 1931 году напечатал справочник, посвященный классическому китайскому языку. Через два года вышло новое пособие по современному китайскому языку. Эти работы в течение многих лет были основными при изучении китайского языка. Рудаков продолжил заниматься и юридической практикой. В течение многих лет он являлся экспертом и переводчиком во Владивостокском суде по китайским делам и впервые перевёл на китайский язык часть советского «Кодекса законов о труде» (ст. 69–151). У Рудакова было написано очень много, и почтенный профессор щедро делился своими знаниями с желающими.

Понимая важность научного общества в стенах восточного факультета, преподаватели ГДУ решили открыть Общество востоковедения (основано в 1929 г.). Уже в первые месяцы стала заметна большая активность его членов: было открыто бюро переводов, проведены обследования среди китайского населения Владивостока, началась работа по составлению первых изданий, упорядочилась работа секций — общественно-политической и лингвистической. Владивостокские востоковеды послали своего делегата К. А. Харнского в Харьков на Всеукраинский съезд востоковедов, начавшийся 2 июня 1929 года. Ему было поручено наладить связи с Научной ассоциацией востоковедения в Москве.

Вскоре востоковеды выпустили в свет журнал «Бюллетень Общества востоковедения». Анализируя материалы первого номера, можно сделать однозначный вывод о политическом направлении советского востоковедения тех лет. 16 ноября 1929 года состоялось очередное собрание Общества востоковедов при ДВГУ¹, на котором конкре-

тизировалась работа секций — политико-экономической, лингвистической и историко-географической. Дополнительно были утверждены ещё четыре секции: советского Дальнего Востока, тихоокеанская, китайская и японская. В основном их деятельность носила практический характер. Было провозглашено, что «академическое общество при университете с функциями учебно-вспомогательного характера должно превратиться в современную советскую научно-исследовательскую организацию, обращающую главное внимание на изучение советского Дальнего Востока в тесной увязке с экономикой и политикой сопредельных стран» [2, с. 2]. Большую роль в университете играли востоковеды А. В. Маракуев, З. Н. Матвеев, Н. П. Овидиев и А. Н. Петров.

А. В. Рудаков понимал, что не следует дважды «наступать на одни и те же грабли» и надо извлекать уроки из ошибки царского правительства, не обращавшего должного внимания на изучение дальневосточных языков. Он составил «Пятилетний план строительства в области специального ориентального образования», начал его такими словами: «В видах необходимости создания научного рассадника знаний о Дальнем Востоке и распространения правильных сведений о нем среди советской общественности, а также для образования кадра хорошо подготовленных специалистов среди уроженцев СССР и восточников-туземцев в лингвистическом и общественно-экономическом отношении, в целях установления прочной связи СССР с дальневосточными народностями возникает вопрос относительно создания особого Восточного института с двумя специальными отделениями: 1) для лиц, говорящих только по-русски; 2) для уроженцев Китая, Кореи и других стран ДВ» [12, с. 448]. На предложение профессора легла резолюция: «Организация в ближайшее пятилетие самостоятельного Восточного ин[ститу]та признается нецелесообразной» [12, с. 455].

Несмотря на сложную политическую обстановку с тотальной подозрительностью и доношением, Рудаков продолжал вести занятия со студентами, рискуя нарваться на критику с их стороны. Не имея достаточного базового образования, придя в университет через рабфак, они не всегда понимали особенностей изучения китайского языка. Вот какое свидетельство оставил один из них: «Начало урока. Профессор Рудаков дает для всех нас одну статью из китайской газеты. Кто-нибудь из студентов начинает читать текст по-китайски. Профессор Рудаков дает чтение и значение иероглифов. Студенты механически записывают. Начинается перевод, профессор переводит, читающий повторяет, остальные слово в слово переписывают. Конец занятий. За два часа обыкновенно переводится 3-4 и, самое большое, 5 строк. Студенты дома зазубривают перевод и значение иероглифов. На следующем занятии кто-нибудь

¹ Переименование вуза в Дальневосточный государственный университет (ДВГУ) ориентировочно произошло в 1930 г. Точной даты и документа, её подтверждающего, нет.

опять читает то, что читали в прошлый раз, повторяет слово в слово перевод, данный профессором Рудаковым, стараясь сохранить даже интонацию в голосе» [9].

Определённым шагом вперёд в развитии ГДУ был проект открытия лингвистического отделения. Правда, в нём не предусматривалось обучение восточным языкам — изучение стран Дальнего Востока начинало отходить в сторону. В результате уровень подготовки специалистов-востоковедов снизился. В университете постоянно устраивались социалистические соревнования в изучении востоковедения, использовались «стахановские методы» даже при изучении китайского языка, велись поиски путей упрощённого обучения студентов и выпуска специалистов в кратчайшие сроки. Молодые коллеги критиковали почтенного профессора за то, что он упорно придерживается старых методов в обучении, продолжая, в частности, учить студентов китайской скорописи. Свои мысли по поводу преподавания китайского языка в университете А. В. Рудаков высказал в записке, где отметил, что изучение китайского языка «совершенно отвечает задачам высшей школы, и усвоение дисциплины по нашим методам требует, чтобы умственное развитие учащихся было на высоте уровня высшей школы. Анализ языка китайского текста, основывающийся на таких научных дисциплинах, как фонетика, синтаксис, морфология и семасиология, представляет сложную умственную работу познавательного свойства с напряжением волевых центров, что под силу только достаточно развитым умам» [15, с. 532].

В 1930-е годы восточное образование лихорадило. Власти бросались из одной крайности в другую. Университет то закрывали, то вновь открывали. Восточный факультет то переводили в Хабаровск, включая в состав создаваемого там института народного хозяйства, то возвращали во Владивосток с предписанием готовить работников для экспортных и транспортных организаций Дальнего Востока. Уровень языковой подготовки в этот период был значительно хуже, чем даже в первые годы после открытия Восточного института. Введение лабораторно-группового метода ещё больше ухудшило качество подготовки специалистов, при этом немало студентов отчисляли из ГДУ по разным причинам — от политических до дисциплинарных. С каждым годом всё больше внимания стало уделяться подготовке военных переводчиков.

Китаисты считались в университете привилегированной специальностью, хотя среди студентов этого отделения и наблюдался наибольший отсеб. После окончания ДВГУ выпускникам присваивалось воинское звание, эквивалентное «старшему лейтенанту». Восточная школа Дальневосточного университета так и не заняла ведущего положения в российском востоковедении, а 5 июня 1939 года университет и вовсе был закрыт.

А. В. Рудакова очень беспокоило и состояние бывшей библиотеки Восточного института, которая насчитывала в то время свыше 200 тысяч книг, экземпляров периодической печати и рукописей на многих языках. Подняв вопрос о сохранности библиотеки на заседании кафедры китайского языка, он говорил: «Состояние не только [китайского] отдела, но и всей библиотеки констатировано весьма плохим. В течение нескольких лет вся восточная библиотека, вследствие отраслирования от прежнего ГДУ новых вузов и выделения последним все новых и новых мест отделов библиотеки ГДУ, последняя переносилась с места на место несколько раз и пришла в полный беспорядок. Библиотека в настоящее время почти никем не отслеживается, и книги портятся: рвутся, тлеют и покрываются пылью» [10].

Никто не подвергал сомнению научный авторитет Рудакова, но и никем не были официально отмечены его заслуги перед российским китаеведением. В 1924 году, когда в ГДУ торжественно отмечалось 25-летие деятельности профессора на поприще китаеведения, многие говорили о выдающемся вкладе учёного в изучение Китая и подготовке целой плеяды блестящих китаеведов. Коллеги отмечали: «В Вашем лице китаеведение приобрело самоотверженного ученого, который остался преданным своему делу до конца. В то время, когда другие ученые Владивостока не выдерживали тяжелых подчас материальных условий и общей культурной обстановки и уезжали отсюда, Вы спокойно оставались на своем посту, без малейшего перерыва продолжая свою работу в Восточном институте. С учреждением университета во Владивостоке Вы с той же силой продолжаете служить рассаднику нового просвещения рабоче-крестьянских масс Дальнего Востока» [1]. В связи с юбилеем Наркомпрос возбудил было ходатай-

А. В. Рудаков со своей женой Евгенией Степановной (1907–1977, Владивосток). 12 января 1938 года.

ство о присвоении Рудакову звания заслуженного деятеля науки, но оно легло под сукно, ведь профессор никак не проявил себя в общественно-политической деятельности. Забегая вперёд, отметим, что спустя годы владивостокское начальство решило отметить 70-летие востоковеда и вновь отправило бумаги на присвоение ему звания заслуженного деятеля науки, но и они остались без ответа.

В 1929 году кандидатуру учёного выдвинули на избрание в члены-корреспонденты Академии наук, отмечая, что «интерес к маньчжуроведению в то время дал также толчок к обеспечению этой отрасли русского востоковедения новой научной силой в лице профессора А. В. Гребенщикова, после смерти профессора Петербургского университета Захарова, являющегося, после долгого промежутка лет, единственным самостоятельным научно-подготовленным специалистом по маньчжуроведению. Если к этому прибавить выполненные А. В. Рудаковым по собственной инициативе труды по изучению китайского языка, а также продолжительное обслуживание монгольской кафедры (изданы были соответствующие тексты для лекций из «Алтай Тобчи»), то должно прийти к заключению, что научная деятельность профессора Аполлинария Васильевича Рудакова за минувшие 29 лет прямо и косвенно способствовала к заполнению весьма ощутимого пробела в русском востоковедении <...> В настоящее время профессор А. В. Рудаков полон энергии к научно-исследовательской работе. Выпущенные листы труда под названием «Практический словарь китайского литературного языка» как результат специальных изысканий представляют собою начало ценнейшей работы в области изучения китайской лексикологии и структуры китайского языка. Это обстоятельство указывает, что профессор

А. В. Рудаков ведёт занятия для военных переводчиков. Владивосток. 4 апреля 1945 года.

А. В. Рудаков, не прекращающий своей научной деятельности и отдающий свои знания и силы для общего культурного строительства Республики, будучи избранным в Академию по кафедре китаеведения и китайского языка, с честью будет нести высокие перед наукой и СССР обязанности» [13].

Хотя авторитет Рудакова среди российских китаеведов оставался высоким, в Академию его не избрали. Правда, тогда он стал членом Владивостокской секции Тихоокеанского комитета Академии наук. Не получило хода и ходатайство о присуждении Рудакову степени доктора филологических наук. 28 августа 1935 года на заседании кафедры китайского языка ДВГУ отмечалось: «Принимая во внимание, что профессор А. В. Рудаков состоит в должности профессора китайского языка с 1904 г., много лет заведует кафедрой этого языка в ДВГУ, в прошлом имел степень магистра китайской словесности и имеет много печатных и рукописных трудов по своей специальности, просить дирекцию университета возбудить в соответствующих инстанциях ходатайство о присвоении Рудакову А. В. ученой степени доктора восточной лингвистики по сектору китайского языка (доктора китайской словесности)» [11]. Бумаги, вторично посланные в Москву в 1937 году, вновь остались без ответа. Вероятно, причину следует искать в отдалённости ДВГУ от центра. Ведь тогда же эту степень присвоили Н. В. Кюннеру, хотя он так и не защитил магистерской диссертации.

Памятник на могиле А. В. Рудакова. Владивосток, Морское кладбище, 2019 год. Фотография А. А. Хисамутдинова.

Репрессии 1930-х годов и закрытие Дальневосточного университета свели на нет достижения дальневосточных востоковедов.

Список использованных источников

1. Адреса месткома ГДУ по случаю 25-летней деятельности, проф. А. В. Рудаков // Собрание Т. А. Каракаш. — Владивосток, [б. г.]. — Копия.
2. Вяжз-Пуккэ. От редакции // О-во востоковедения при ДВГУ : информ. бюл. — 1930. — № 1 (1 янв.). — С. 2.
3. ГДУ [Государственный Дальневосточный университет] // Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 117. Оп. 3. Д. 2. Л. 33.
4. ГДУ. Восточный факультет // ГАПК. Ф. 117. Оп. 3. Д. 13. Л. 122–122, об.
5. Георгиевский, А. П. Государственный Дальневосточный университет в прошлом и настоящем / А. П. Георгиевский // Приморье, его природа и хозяйство : сб. ст. — Владивосток, 1923. — С. 349–354.
6. Гребенщиков А. В. // Архив Петербургского отделения Института востоковедения (АПОИВ). Ф. 75. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.
7. Докладная записка о назревших нуждах Восточного института в связи с вопросом о его реорганизации. — Владивосток : Восточный ин-т, 1916. — 23 с.
8. Кюнер Н. В. // Архив Петербургского отделения Российской академии наук (АПОРАН). Ф. 820. Оп. 3. Д. 465. Л. 2 (об.), 3.
9. Потапов, И. Мы — не школьники / И. Потапов // Трибуна университета. — Владивосток, 1935. — 25 дек.
10. Протокол заседания кафедры китайского языка // Собрание Т. А. Каракаш. — Владивосток, [б. г.]. — Л. 2.
11. Протокол заседания кафедры китайского языка ДВГУ от 28 августа 1935 г. // Собрание Т. А. Каракаш. — Владивосток, 1935.
12. Пятилетний план строительства в области специального образования. 15 декабря 1932 г. // История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах. 1899–1939. — Владивосток, 1999. — С. 448–455.
13. Рудаков А. В. // АПОИВ. Ф. 75. Оп. 2. Д. 20. Л. 2, 3.
14. Рудаков А. В. // АПОИВ. Ф. 96. Оп. 1. Д. 73. Ненум. л.
15. Рудаков, В. А. Из записки проф. А. В. Рудакова «Критический обзор материалов по итогам обследования работы кафедры китайского языка». 9 февраля 1936 г. / В. А. Рудаков // История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах. 1899–1939. — Владивосток, 1999. — С. 532–535.
16. Рудаков, А. В. [Об открытии Восточного института во Владивостоке] / А. В. Рудаков // Красное знамя. — 1926. — 5 дек.
17. Рудаков, А. В. [О периодической печати Китая]. Рукопись / А. В. Рудаков // Собрание Т. А. Каракаш. — Владивосток, [б. г.]. — Л. 23.
18. Рудаков, А. В. Программа для студентов 4-го курса, остающихся для практики в пределах СССР / А. В. Рудаков // Собрание Т. А. Каракаш. — Владивосток, [б. г.].
19. Спальвин Е. Г. // ГАПК. Ф. 117. Оп. 3. Д. 13. Л. 278, об.
20. Спальвин, Е. Г. Очерк основ языка и письменности японцев : вступительная лекция, произнесенная в Восточном Институте 2 сентября 1900 г. / Е. Г. Спальвин. — Владивосток : Паровая тип. Т-ва Сушинский и Ко, 1900. — 32 с. — Извлечено из I-го выпуска II тома «Известий Восточного Института».
21. Шмидт П. П. // АПОРАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 885. Л. 2, об.
22. Энгельфельд, В. Проф. Г. В. Подставин : некролог / В. Энгельфельд // Вестник Азии. — 1924. — № 52. — С. 5–7.
23. Walravens, Hartmut. Peter Schmidt Ostasienwissenschaftler, linguist and folklorist : Eine vorlaefgige biobibliographie. — Hamburg : Verlag Ch. Bell, 1982. С. 76.

Фотографии из личного собрания дочери А. В. Рудакова Татьяны Аполлинарьевны Каракаш (г. Владивосток).
Материал поступил в редакцию 26.03.2020.

Сведения об авторе: Хисамутдинов Амир Александрович, заведующий отделом научно-исследовательской работы Центральной научной библиотеки Дальневосточного отделения Российской академии наук, доктор исторических наук (г. Владивосток).
Контактные данные: e-mail: khisamut@yahoo.com; тел. (4232) 71-01-59.

ВЛАДИМИР САНГИ: «НУЖНО ИСПОЛНЯТЬ СВОИ ЖЕЛАНИЯ»

Интервью с писателем Владимиром Михайловичем Санги (род. в 1935 г.), прежде всего, посвящено выходу в свет его лирического сборника стихотворений «Я уйду с тобою спозаранку...», изданного в 2019 году силами Ногликской районной модельной центральной библиотеки имени В. М. Санги в рамках одноимённого проекта, поддержанного компанией «Сахалин Энерджи». Классик нивхской литературы делится своими мыслями о поэзии и песне, воспоминаниями о первых стихах, а также рассказывает, кому и почему посвящены отдельные песни из нового сборника. Статья приурочена к 85-летию В. М. Санги.

Ключевые слова: В. М. Санги, нивхи, литература коренных народов Севера Сахалина, Ногликская библиотека, сборник стихов, «Я уйду с тобою спозаранку...».

Keywords: V. M. Sangi, Nivkh people, the North Sakhalin indigenous peoples literature, Nogliki Library, collection of poems, "I'll leave you early...".

Поэзия — это, наверное, состояние души, потому что она неожиданно даёт знать о себе совершенно необычным способом, часто по каким-то непредсказуемым обстоятельствам, складывается сама по себе в виде стихотворений и песен. Оформление каких-то долговременных мыслей потихонечку на протяжении жизни часто оборачивается большой поэзией.

Владимир Михайлович Санги.

Очевидно счастливые люди, которых навещает поэзия, то есть которые постоянно будоражат нас, заставляют совершенствовать человеческую мысль, работать над словом. Потому что поэзия — это, прежде всего, очень точное слово, единственно верное слово. Творчество стихотворцев — это на самом деле умение найти точное слово, полно выразить чувства, мысли. Поэтому поэзия — отображение состояния, которое посетило твою душу.

Песни рождаются ещё более невероятно, чем стихи. Чтобы стихи сложились, нужны очень большие потрясения, которые вводят тебя в состояние размышления, работают на чувства. Песни — слова с музыкой, особо значимые для человека моменты в жизни, редко навещающие этого человека, и порождают стихи сразу же вместе с мелодией. Тут должен быть какой-то лад, созвучие в душе человека слов и музыки. Если такое случилось, поэзия оформляется сразу песней, и не надо мучиться над рифмой, искать, у меня эта рифма сама по себе складывается. Тогда стихи появляются, оформленные лучшим образом, лучше, чем, если бы ты сидел и сутками корпел над строкой, мучая себя и кромсая листы дорогой бумаги. Поэтому человек очень редко входит в то состояние, когда одновременно стихи и музыка в ладу, и ты просто-напросто поёшь, исполняешь. А потом удивляешься, как это у тебя здорово получилось, и никогда сам не ответишь, почему именно так получилось, ибо невозможно ответить.

Первые стихи я написал в пятом классе. У нас была учительница Ирина Дмитриевна Терновая-Чернова. Когда я пошёл в первый класс национальной школы в культбазе, она оканчивала среднюю Ногликскую школу. Тогда были национальная четырёхлетняя школа и русская десятилетняя. Когда я поступил в пятый класс, она уже была учительницей.

Вы знаете, у меня есть такая особенность: у меня мужской взгляд на женщин проснулся очень рано, женщина для меня никогда не была «тётёй», женщина была очень сложным созданием, и в основе женщины — красота. Я очень рано, где-то в шестом классе, пришёл к мысли, что красота, которая идёт от природы, — не человеком создана, а какой-то совокупностью всех всевышних сил. Эта совокупность создаёт гармонию внешнего и внутреннего мира человека. Если женщина красивая, то внутреннее её состояние очень гармонично. Да, она может не стать музыкантом, она может не стать художником, но это совершенство, Богом созданное человеческое совершенство.

И вот Ирина Дмитриевна этим отличалась. Она что-то объясняла, я её не слушал, взял лист бумаги и начал записывать. Оказалось, стихи. Пока она говорила, я любовался ею, и это любование переросло в стихи. Не о женщине, а об осени, о начале осени. Она подошла ко мне, спрашивает:

— Володя, что ты пишешь?

— Да вот, что-то такое получилось.

— Давай посмотрю. Так это же стихи!

Долго они в голове вертелись, сейчас уже и не помню их.

Однажды Ирина Дмитриевна сказала нам: «Будем писать изложение. По Лермонтову». И прочитала поэму «Мцыри». Я был потрясён слогом Лермонтова. Мои одноклассники уже писали изложение, а я, потрясённый, смотрел неизвестно куда и не мог выйти из состояния ошеломления. И когда до конца урока оставалось минут двадцать, я как-то разом написал изложение стихами. На другой день Ирина Дмитриевна взяла в руки тетрадку, прочитала моё изложение и спросила у детей: «Скажите, что я прочитала?» Дети ответили: «Поэму Лермонтова». Ирина Дмитриевна сказала: «Это изложение Володи Санги по поэме Лермонтова “Мцыри”». Потом носила в старшие классы, читала.

Вообще Ирина Дмитриевна меня долго учила. Я семь классов в Ногликах окончил, все эти годы она меня учила. Знаете, случай был, невероятный. Наверное, единственный в мире. В шестом классе учительница алгебры мне не понравилась, непонятно почему. Не понравилась, и всё. Я покинул класс, ушёл. Хожу, гуляю по берегу Тыми. Когда на уроки вернулся, дети говорят: «Ты почему гуляешь? Оценки ставят, а ты гуляешь». Я говорю: «Не хочу». А что не хочу, не знаю. В конце августа – в сентябре все мои одноклассники перешли в следующий класс, а я остался в своём. Говорю: «Не пойду я. Останусь с Ириной Дмитриевной». Все были

шокированы... Для меня это было нормальным состоянием, это ведь моё желание. Почему я не должен свои желания исполнять? Вот так я остался на второй год.

Потом много-много лет думал об этом, логики нет здесь, совершенно нет. Иногда такие моменты в моей жизни случаются — состояние потрясения, оно потом перерождается в нечто существенное, например, в замысел чего-то важного. Это состояние я сейчас не могу определить, но мне кажется, что, когда человек из обычного состояния — ежедневного, повседневного, рабочего, как угодно можно назвать это состояние — в иную ипостась перерождается, он вроде растёт толчками. И неизвестно, куда эти толчки человека вытолкают. Так шаманы появлялись. Наверное, так.

Татьяну Евгеньевну¹ я знаю с того времени, когда она ещё была студенткой СахГУ [Сахалинский государственный университет, г. Южно-Сахалинск]. Это шестидесятые годы. Толковая девчонка. Тогда, вы знаете, мы очень серьёзно относились к литературному братству, друг к другу. Очень взыскательно. Это школа, советская школа — творческая работа с писателями. В советской школе есть свои огромнейшие достижения. Другое дело, что над нами постоянно торчал обком партии. Он меня, например, раздражал. Я обком не любил совершенно, потому что они обязательно должны были что-то сказать. Прилепили мне слово «националист». Потом оно всю жизнь меня на Сахалине преследовало, даже отказывались меня издавать. Ну ладно. Бог с ними...

*На презентации новой книги В. М. Санги «Я уйду с тобою спозаранку...» все желающие смогли не только получить её в подарок, но и взять автограф у автора.
Ноглики, 18 марта 2019 года.*

Так вот, о Татьяне Евгеньевне Шумиловой. Параллельно с творческой группой литераторов в пединституте [СахГУ]

¹ Татьяна Евгеньевна Шумилова — автор предисловия к книге лирических стихотворений В. М. Санги «Я уйду с тобою спозаранку...», изданной Ногликской районной библиотекой в рамках одноимённого проекта, поддержанного компанией «Сахалин Энерджи», в 2019 г.

формировалась литературоведческая мысль. Это был переходный момент, и с идеологии диктаторской люди медленно, неуверенно переходили в область демократического мышления. Вообще, мне кажется, я был представителем демократически настроенной творческой молодёжи.

И группа людей, воспитываемая современными, по-европейски мыслящими профессорами, доцентами, контактировала с нами. Они приходили на семинары, вместе с нами обсуждали наши рассказы, стихи. Татьяна отличалась тем, что была активной среди студенческой молодёжи. А потом потихонечку она как литературовед выросла. Осталась в аспирантуре. Много ездила с группами писателей по Сахалину, активно пропагандировала наше творчество, вела исследовательские работы, индивидуализируя творческие особенности каждого автора. Она по-настоящему крупный специалист в вопросах становления и развития сахалинской литературы.

Татьяна Евгеньевна лет 25 назад в научной библиотеке Южно-Сахалинска [Сахалинская областная универсальная научная библиотека] публично сказала: «Если бы Владимир Михайлович написал только повесть “Изгин” и больше ничего, он был бы в славе навечно. Благодаря этой повести он стал классиком советской многонациональной литературы». Самооценка обычно появляется уже после 60 лет, до этого периода мечешься, мотаешься, ищешь, самоутверждаешься. А уверенное отношение к тому или иному уже созданному произведению в это время только наклеивается. Татьяна Евгеньевна своими оценочными высказываниями вселяла в литераторов уверенность, что они действительно правильно ищут, верно находят.

Знаете, живёшь в лесу, видишь много деревьев, часто кажется — это одинаковые деревья. Ну, может быть, одно дерево выше, другое пышнее. Альбина Осипова² — дитя 70–80-х годов, когда интернатовских детей охватил зуд самовыражения. Они, созревая, где-то в пятом-шестом классах начинали понимать, что они нивхи, что они не просто люди, не просто советский народ, они — нивхи. Так стали себя чувствовать и свою идентичность стали подтверждать поисками. Кто-то нашёл орнамент в заброшенном стойбище, кто-то принёс перчатки, созданные лет 30 назад, давно-давно вышедшие из употребления. Кто-то нашёл деревянную ложку с ритуальных мест — сам удивляется и удивляет всех, кто посмотрел его находку. И так, потихонечку вокруг национального интерната (тогда это был *национальный интернат!*) какая-то аура появилась. Так интернат народов Севера нашёл своё назначение, своё неповторимое лицо.

² Альбина Осипова — автор силуэтных аппликаций книги В. М. Санги «Я уйду с тобою спозаранку...».

Кроме того, члены этнографических групп, энтузиасты стали заниматься сами, например, рисовать. А рисуют народы Севера — и нивхи, и ороки, и эвенки — здорово, это у них врождённое качество. Меткий глаз, наблюдательность. Орокского оленя уже не спутаешь с оленями какого-то там англичанина и т. д.

Тогда же в мире нивхов и эвенков появился Семён Надеин. Возрастом был старше всех. Он удивлял нас лёгкой, красивой работой при вырезании из рентгеновских снимков многочисленных оленей, женщин, тайгу. Сама форма работы — красивые, лёгкие движения. Он обычно разговаривал со мной и одновременно выполнял свою работу.

Вокруг него стали собираться дети, одарённые, как и он. Время доказало, что у народов Севера одарённых детей чрезвычайно много. И среди них, не выделяясь, развивалась Альбина Осипова. А потом уже, к окончанию учёбы, люди стали обращать на неё внимание. Это она убедила людей, что её художественное творчество — это целая профессия. Она подтвердила поиски и результативность работы Семёна Надеина. Убедила, что у тунгусских сахалинских народов самостоятельный художественный жанр сложился. Я считаю, что работами Семёна Надеина и Альбины Осиповой на Сахалине сформировалось силуэтное искусство, происхождением обязательно местных тунгусских народов. Не вообще там эскимосов или долган, нет-нет, именно тунгусских народов, которые жили в условиях сахалинской тайги. Те, чьё детство проходило в палатках вне поселений. Вот так оно и сформировалось, их искусство, как результат органичных взаимоотношений между человеком и природой. Эти люди создали пограничное искусство тунгусских народов и бога сахалинской тайги.

Мне не просто нравится, что моя книга иллюстрирована работами Альбины Осиповой! Когда вы сказали, что будете оформлять мои стихи и песни с помощью уже имеющихся иллюстраций Альбины Осиповой, я удивился, как точно вы нашли. Я говорю, что у Инги³ чувство гармонии невероятное, это плод неустанных ваших природных способностей. Если бы у вас этого чувства не было, ну что, попросили бы кого-нибудь карандашом порисовать. То есть в этой моей книге два вида искусства: одно — слово, моё слово, другое — силуэты Осиповой. Кто нашёл? Нашла Инга, которая как в кинофильме режиссёр. Там есть сценаристы, артисты, а Инга у нас стала режиссёром вот этого комплекса произведений.

³ Инга Валерьевна Красильникова, заведующий отделом информационно-краеведческой работы Ногликской районной модельной центральной библиотеки им. В. М. Санги, возглавляла работы по проекту издания лирического сборника «Я уйду с тобою спозаранку...».

Идёт работа над новой книгой. Слева направо: заведующий отделом информационно-краеведческой работы Ногликской районной модельной центральной библиотеки имени В. М. Санги И. В. Красильникова, В. М. Санги, директор Ногликской районной модельной центральной библиотеки имени В. М. Санги О. Е. Рожнова.

Библиотека, наша Ногликская библиотека, тоже находилась в долгих поисках. У вас всегда был интерес к народам Севера, вы сами искали носителей культуры. И не всегда самые лучшие представители культуры народов Севера выходили на библиотеку. Были люди, которые имели конкретный интерес, какую-то выгоду искали, а вы искали творчество, поэтому, наверное, мы друг друга нашли. Я пришёл, увидел, что вы много сил уделяете представителям нивхской духовности. Это период поиска, период вашего становления. Поэтому я предложил издавать «Библиотеку нивхского школьника»⁴. Вы сразу схватились за эту идею и самым лучшим образом реализовали её.

В общем-то, библиотечные работники, они, по моему пониманию, относятся к разряду творческих работников. Но есть библиотекари-функционеры, они больше чиновники, чем творцы. Например, в Тымовском районе. Когда мы с вами выступали в Чир-Унвде для тымовчан — это ведь был сплав поэзии, прозы и стараний организаторов в лице сотрудников Ногликской библиотеки; это было для тымовчан несколько неожиданно. Такие формы работы у них не практиковались, потому что там нет носителей идейных поисков, которые утвердились в Ногликах за последние десять лет. Я считаю, что по результативности включения в схему вашей ежедневной работы духовности нивхов, ороков, эвенков аналога нет в стране. В России нет второго духовного центра, где бы так очень

⁴ С 2008 г. в рамках совместного проекта В. Санги и Ногликской районной библиотеки, при поддержке администрации Сахалинской области издана серия книг «Библиотеки нивхского школьника» — «Я читаю с бабушкой». Вышло 8 книг этой серии: «Как родилась земля», «Девочка-лебедь», «Как чайки-крячки стали жить вместе», «Бурундук ищет друга», «Нерпа-ларга и камбала колючая», «Сын рыбы Тягмак», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Красная Шапочка» на русском и нивхском языках.

предметно, целеустремлённо, с огромной отдачей совместно творили и представители коренных народов, и библиотечные работники. Вы уникам. Вы вдохновляетесь работой, я же вижу.

Для меня женщина — явление сложное. Прежде всего, это та область огромного жизненного пространства, куда я с головой ухожу. Не так часто, но бывают моменты, когда без женщины мне просто-напросто невозможно ни дышать, ни творить, ни жить. И вовсе не конкретно. Нет. Ни там Галина или ещё кто-то, а женщина как явление природы, духовности, философии, эстетики. И мне крупно везло в жизни, что всё-таки эта редкая откровенная взаимосвязь с огромной творческой отдачей, прежде всего с моей стороны, конечно, всё-таки случалась. И пока я ожидаю, что эти случаи будут повторяться, — я жив.

Обложка новой книги В. М. Санги.

«Песня ревности к дороге, уводящей от меня женщину» [из сборника «Я уйду с тобою спозаранку...»] посвящена моей жене Галине Санги.

С супругой Галиной Санги.

Я Галину с детьми привёз в своё стойбище, чтоб они у меня лето провели на природе с моими собаками. Я был убеждён, что этот ход самый правильный. Дети будут расти при деле, не будут на улице болтаться, стёкла бить, будут учиться ловить рыбу, воспитывать нартовых собак, ремонтом юкольных сооружений заниматься, то, что по силам пацанам. Так оно и было. Галина каждый день подолгу находилась внизу, резала рыбу в больших количествах. У нас много юколы набиралось, к зиме ведь готовились. Всё ладно, всё хорошо. И вот однажды я на юкольнике чем-то занимался, на высоком месте. Вижу, она по откосу спустилась на берег залива, сперва наклонилась, пальцами по песку провела. Я-то знаю, что она танцовщица, может творческие мысли у неё возникли, состояние творческое — это тайна из тайн. Она пошла по берегу. Идёт-идёт. Идёт-идёт, 100 метров..., 200..., 300..., уже всё — приливно-отливную полосу она уже прошла и вышла там, на дальнем углу, на дорогу, по которой я её привёз. И она идёт по дороге дальше без остановки. И тут меня озарило: «Так ведь она уходит! Боже мой, уходит же она!» Я быстро-быстро пошёл за ней, местами бегом. Догнал, подошёл, говорю: «Галя, ты что, уходишь?» Она ничего не сказала, на меня не смотрела.

Я легонько обхватил её за талию, повернул в сторону стойбища, тихонечко потянул. Она пошла. И так молча мы пришли в стойбище. Ни слова она не проронила. И я вопросов не задавал. Поднял её на высокий откос, привёл в свой домик, который называл землянкой. В тот день Галя юколу не резала, собаками не занималась, мы с детьми собак покормили. Она сидела на низком стульчике, смотрела в окно и молчала.

Что я думал, что я чувствовал — это сложно объяснить, но я поймал себя на мысли: что-то необъяснимое, какой-то перелом произошёл у Гали. Или произошёл, или будет ещё. Может, всё ещё впереди. Когда в полубредовом состоянии я всё-таки уснул, глубокой ночью я слышу, что пою. Пою! И эта песня меня разбудила. «Надо записать, надо проснуться, надо записать!»

Много раз в моей жизни такие моменты случались, но если я не просыпался, то напрочь и навсегда исчезали произведения, сочинённые мною во сне. И поэтому я пытался себя заставить проснуться. Оказывается, я себе пальцы ломал, чтобы разбудить себя. Мне удалось проснуться, подошёл к столу и записал первую строфу, четыре строчки песни, и сразу свалился на кровать и уснул. Проснулся — уже светло было. Я поднялся и бегом к столу, нашёл лист бумаги, прочитал эту строфу, и вся песня, которая ночью во сне ко мне пришла, вместе с музыкой, всё восстановилось. Я её пою иногда, так, под настроение. Больше я к тому моменту никогда не возвращался. И Галя никогда не проявляла инициативу объяснить, что с ней случи-

лось. Пусть это останется тайной. А родившаяся песня — продолжение тайны.

Стихотворение «Мольба» посвящено Эвелине Антипичевой.

Сейчас я вам проведу параллель: философские чувства и мысли человека. Это мотив мыслей, даже не мелодия, и даже не слова. Как мысль складывается изначально, откуда возникает искра? Я не помню, сколько мне было лет (да, тогда моя сестра Нина Лиманзо уже пошла во второй класс, значит, мне исполнилось 8 лет), в заливе Чайво старая женщина, уже подслеповатая, вошла в тораф, где я находился с детьми родственников, и сказала своей дочери: «Иди, порежь юколу, а я с детьми посижу». И мать девчонки моего возраста, с кем мы играли, бегали, прыгали, ушла и занялась юколой — долгая работа.

Бабушка стала готовить еду для внучки и для меня тоже — ведь родственники были. И запела. Нивхам свойственно петь — и мужчинам, и женщинам. Всегда, когда они длительной ритмичной работой занимаются, обязательно эту работу сопровождают песней. Песня возникает вместе с потребностью работать, и наоборот, работа очень удачно складывается, когда сопровождается пением. И вот, она стала петь. Я был охвачен удивлением от того, что открылось мне: бабушка свой внутренний голос выражала через мелодию и одновременно продолжала руками действовать, готовила нам еду. И пела.

Я различил слова, обращение этой женщины к мужчине, который, оказывается, жил на том берегу залива. Она пела песню: «Шторм сейчас, чёрная волна. Я молю волну, чтобы она принесла на наш берег твою лодку. А сейчас белая волна. Я молю волну, чтобы эта волна, шумящая, гремящая, принесла на своём гребне тебя с твоей лодкой». Вот такую песню она пела.

Прошло много десятилетий. Не столько мелодия, сколько эти мысли: женщина возле моря умоляет стихию, чтобы эта стихия принесла, как оказалось, возлюбленного мужчину. На любой волне, то есть независимо от того, какая будет погода. Конкретизация, образность, лирика углублённая, завязанная на грани эротики и очень глубокого лирического состояния.

Там были такие слова: «Пусть через шум волн, через красные, синие, белые волны придёт лодка. Я хочу видеть тебя, я хочу осязать тебя, я хочу почувствовать твою плоть».

Настолько выразительно было всё это сказано, что я, пацан, подумал: «Это надо же такое состояние найти! Это не совсем нормальное явление — женщина в каком-то состоянии находилась, непонятном пока для меня». Первоначальный вывод, вытекающий из общения с этой женщиной и возникший при наблюдении за её действиями, удивительным состоянием, невероятным! — в обыденности такого состояния не бывает. Вот это меня потрясло и многие десятилетия сопровождало, до тех пор, пока эта песня у меня не возникла. Песня сложилась, и я обрадовался: «Наконец-то я освободился!»

Для меня эта песня — воплощение гармонии, женственности и красоты.

Стихотворение «Женщина — бог моей удачи» посвящено Инге Красильниковой.

Вы знаете, общение с женщиной — процедура чрезвычайно сложная. Одно дело, когда ты признаёшься ей, что она красивая, у тебя к ней чувства. Другое дело, когда приходишь к человеку, начинаешь говорить, а этот человек уже расшифровал тебя, твои мысли надолго вперёд, уже знает, что ты хотел сказать. Это бывает при гармонии во взаимоотношениях. Слово «гармония» очень богатое, ёмкое слово. Оно часто включает в себя объяснение явлений, совершенно не подвластных разумному объяснению, на уровне творческого озарения. Но это складывается уже во взаимных отношениях. Вот мне показалось, что с Ингой у меня такие отношения сложились. И при том, когда я с Ингой общаюсь, само общение меня вдохновляет, как-то меня мобилизует. Разговаривая с ней, я часто ловлю себя на мысли, что при общении и оформлении мыслей нахожу очень точные определения, слова нахожу точные. То есть когда я общаюсь с Ингой, то нахожусь в состоянии творчества, а не просто человеческого общения. Поэтому, когда складывалась книга, я понял, что стихотворение «Женщина — бог моей удачи» больше всего подходит к Инге. Отсюда появилась посвящение — Инге Красильниковой.

Подготовила Инга Красильникова.

Фотографии из архива Ногликской районной модельной центральной библиотеки имени В. М. Санги.

Материал поступил в редакцию 13.12.2019.

ПРИХОДЬКО ВИКТОРИЯ КОНСТАНТИНОВНА

ЛЕКСИЧЕСКИ ОБОЗНАЧЕННЫЙ ИНТЕРЕС К ПОТУСТОРОННЕМУ МИРУ В РУССКИХ ГОВОРАХ ПРИАМУРЬЯ

В статье рассматривается представленная в «Словаре русских говоров Приамурья» диалектная лексика, называющая реалии, связанные с гаданием, с интересом к потустороннему миру. Данная тематическая группа слов исследуется с точки зрения эмоционального и оценочного восприятия собирательной диалектной личности — жителя Приамурья XIX–XX веков. Материал представлен в диахронном аспекте, поскольку на современном этапе говоры нивелируются и постепенно становятся устаревшей лексикой, всё менее актуальной для дальневосточников.

Ключевые слова: эмотивная лексика, фразеологизм, диалектизм, диалектная личность, устойчивые сочетания.

Keywords: emotive vocabulary, phraseme, dialecticism, dialect personality, stable combinations.

Такие источники, как «Словарь русских говоров Приамурья» (далее — СРГП), «Фразеологический словарь русских говоров Приамурья», «Словарная картотека Г. С. Новикова-Даурского», отражают интерес дальневосточников, связанный с верой в судьбу и в существование потустороннего мира. Это пристальное внимание к собственному предназначению, осознание его через сны, всевозможные способы гаданий. Эмоции, вызванные попыткой заглянуть в будущее магическими способами, в XXI веке многим кажутся архаичными и малопонятными, однако они были актуальными ещё в прошлом столетии.

Вера в предписанную судьбу у информантов была очень сильна, ещё сильнее вера в предназначённость людей друг другу, в то, что «браки свершаются на небесах». Например, показательна частушка, записанная в 1964 году во время диалектологической практики, которая также встретилась в сборнике частушек иркутского собирателя фольклора Юрия Лыхина: *Миленький ты мой, / Ты бы умер годовой, / Я бы не родилась / В тебя бы не влюбилась* [1, с. 47].

Лирическая героиня убеждена, что если бы любимый умер в младенчестве («годовой»), то и она бы не родилась, не влюбилась бы. Ей и жить было бы незачем, поскольку всё своё предназначение девушка видит лишь в любви к милому. В лексическом значении слова «годовина» наблюдается энантиосемия (внутрисловная антонимия): 1) первый год жизни ребёнка и 2) год со дня смерти покойника — значимые для старожиллов временные отрезки. Ср.: **ГОДОВИНА**. 1. Празднование дня рождения годовалого ребёнка. Когда ребёнку год исполняется, годовину отмечаем. 2. Годовщина со дня смерти кого-л. Вот годовину будем отмечать, год прошёл, как померла бабушка. Девять дней, сорок дней, а потом годовина [3, с. 88].

Интерес к неизвестному будущему, судя по данным источников, обнаруживают жители Приамурья довольно часто, о чём свидетельствуют и слова, и фразеологические единицы, зафиксированные в словарях: **СГАДАТЬ**. Погадать. Ты лучше сгадай мне [3, с. 386]; **В РУКУ ВЛЕТЕТЬ**. Предугадать. Ну вот всё равно, говорю, за деревенского я выйду замуж. Так оно и вышло. Как вы знаете, в руку влетела я, и всё [4, с. 29].

Способов гадания на различные праздники и случаи СРГП фиксирует множество, некоторые из них на сегодня являются неизвестными образованной части населения Приамурья: 1) гадание по книге, 2) зачёркивание парных палочек, 3) астрологические прогнозы по звёздам, 4) гадание по венку на воде, 5) гадание на кальке; 6) гадание по зерну; 7) гадание по валенкам; 8) гадание на росстани. Вот примеры:

– гадание по книге: **КАРАКУЛ**. Книга для гадания; оракул. Книжки гадальные были, каракулы назывались [3, с. 174];

– зачёркивание парных палочек: **ОРАКУЛЬ**. Вид гадания, заключающийся в зачёркивании парных палочек с последующей проверкой результата по специальной тетрадке. Под Новый год и оракулем гадали [3, с. 288];

– астрологические прогнозы по звёздам: **ГАДАТЬ ПЛАНЕТУ**. Делать астрологический прогноз, составлять гороскоп, гадать. Вот так мы с тобою по судьбе вышли. А мне чё, я была маленькая, мама ходила гадать планету. Мне так гадалка сказала на мою планету: «У тебя меньшая дочка — не меньшая, а средняя, она выйдет замуж, она будет жить средне, но она свою судьбою недовольна будет» [3, с. 39];

– гадание по венку на воде: **ЗАВÉТИТЬ**. Загадать. На венок заветишь свою судьбу и кинешь его в воду. Если потонет — быть несчастливой, а нет — так счастливой [3, с. 137]. Венки пускали по реке на Троицу и на праздник Ивана Купала;

– гадание на кальке: **БОРОНИТЬ**. Гадать. Я на кальке боронила [3, с. 40];

– гадание по зерну: **САРСАЛОМ**. Вид гадания. На Рождество сарсалом гадали. Берёшь зёрнышко, закрутишь его. На бумаге нарисован круг. Кидаешь зерно. На какой номер упадёт, то и читаешь [3, с. 382]. **Зернометка** — гадательная книжка с кругом, на который кидают (мечут) хлебное зерно (на Аргуни — зернометка) [2, с. 78];

– гадание по валенкам («катанкам»): Ср.: А када гадали мы, бросали за ворота катанки. Куда он носом упадёт, там и жених [3, с. 176].

Для гаданий выбирали места, где якобы два мира: мир вещный (материальный) и тонкий (потусторонний) образуют границу — печь, порог, угол дома, забор, ворота. Так, во время святочных гаданий девушки бросали за забор или ворота валенки («катанки») с тем, чтобы узнать, в какой стороне живёт суженый. Такое гадание было не страшным (в отличие от гаданий на кладбище и перекрёстке), оно было массовым, во время гуляний, интерес сопровождался эмоциями праздничного веселья, радости;

– гадание на росстани (перекрёсток в Приамурье носил название «росстань»): **РОССТА́НЬ**. Перекрёсток двух или нескольких дорог; распутье. Когда гадали на Рождество, приходили на росстань, ложились. На росстани зачёртываться шли, крес снимали. В святки ходили девки, бегали на росстань гадать. На росстань бегали, за деревню. За деревню выйдешь — там росстань [3, с. 372]. **ВЗМЫЧАТЬ**. Замычать внезапно. Ходили на росстань, гадали: собака злает или корова змычит — там и жених, в той стороне [3, с. 62].

Гадания в «нечистых» местах, таких, например, какими считался перекрёсток, баня, овин, кладбище, смешивалось преимущественно с двумя эмоциями: интерес узнать своё будущее и страх, потому что для того, чтобы прийти ночью в места, в которых до трёх часов утра властвует нечистая сила,

требовалось большое мужество и изрядное любопытство. С перекрёстком связывались странные, необъяснимые вещи. На перекрёсток до рассвета в Чистый четверг приносили выметенный сор и тараканов. Считалось, что такое действие избавит жилище навсегда от насекомых.

В рождественскую или крещенскую полночь девушка выходила на перекрёсток улиц или дорог, очерчивала круг, который по народному поверью являлся оберегом, чертой, за которую не может проникнуть нечистая сила, круг с целью оберега часто чертили на дверях и окнах, снимала крест для того, чтобы он не препятствовал «контакту» с потусторонними силами, ложилась или вставала в центр круга, спрашивала о замужестве и прислушивалась: из того, что ей слышалось, делались выводы о судьбе. Если первыми звуками были смех и пение, то это обещало скорое, счастливое замужество, а если сердитые возгласы или плач — горе и несчастье в наступившем году, безбрачие. Гаданиями обычно занимались незамужние девицы и девочки-подростки, которых в Приамурье называли «наинтошками». Ср.: **НАИНТОШКА**. Девушка-подросток. Наинтошки [девушки] прибежали на вечерку. Прибегали на вечерки, в ограду забегали, наинтошки те бегают гадать [3, с. 256].

Женщины старшего возраста относились к гаданиям предосудительно. Ср.: **ДУРНОСТЬ**. 1. То же, что дурни́чка. Ну разве не дурность была: гадать бегали девки [3, с. 121].

Потусторонний, фантастический мир нередко вызывал суеверный страх, который в русских говорах Приамурья назывался **млемие** — у меня како-то млемие — боюсь не знаю чо [2, с. 109]. Это внутренний придуманный страх фантастических и мифических существ, страх нематериальных, необъяснимых явлений, созданных силой воображения и фантазий переселенцев. Эмоционально-ассоциативные коннотации страха связаны с названиями вымышленных фантастических существ, неизвестных современному человеку: **БАБАЙ**. 1. Фантастическое существо, которым пугают детей. Бабай — это маленьких пугают. Я урослива была, вон бабай идёт, говорят. Бабай вроде собаки — детей маленьких пугают. Не плачь, внучка, не то бабай придёт. 2. Чучело на огороде. Бабай — это пугало на огороде. Стоит чучело, бабай, дети его боятся [3, с. 18]; **ДЕД-БАБАЙ**. Фантастическое существо, которым пугают детей. Вот придёт дед-бабай, дедушка-суседушка [3, с. 109]; **ДЕДУШКА-СУСЕДУШКА**. То же, что дед-бабай. Вот придёт дед-бабай, дедушка-суседушка [3, с. 109]; **БУСÉДКО**. Буседушко, дедушка буседушка, суседко, суседушко, домовой хозяйин, домовой [3, с. 40]. **БУСÉДУШКО**. См. буседко [3, с. 40]. **ПОЛУДНИЦА**. Устар. Мифическое чудовище вроде кикиморы или бабы-яги, которым пугали детей. А детей у нас полудницей пугали. Она как кикимора, мохнатая, как кошка. Баба-яга огородная она. **ПОЛУДУШКА**. Устар. Страш-

ное мифологическое существо. Не ходи в огород — там полудушка [3, с. 332]; **ШЕЛЕСТЯТА**. Маленькие сказочные существа, вроде чертей. Это шелестята крысятя на тебя [3, с. 494].

Фантастические существа — это выходцы потустороннего мира, которыми пугали в основном непослушных детей.

Связь с потусторонним миром осуществлялась при помощи магических обрядов. Так, в Приамурье пользовались популярностью любовные привороты (привады), зелья, присушки, отсушки (остудны, рассорки) и т. д. Их делали в основном на праздник Ивана Купала, обычно в приворотные зелья входили 9, 12 и 13 («чертова дюжина») заговорных трав, «присушивающих» объект любви: Я иду. Ко мне склоняются / Одиннадцать травин, / Меня трое так не сушат, / Как ты высушил один [5, с. 50].

Присушить любимого — это обратиться к потусторонним высшим силам и вызвать в нём тоску. Заговоры-присухи использовались в основном женщинами, когда хотели, чтобы любимый мужчина по ней скучал, места себе не находил, страдал (неслучайно в русском фольклоре песни о любви называются «Страдания»); иногда присушки были нужны для вызова физического желания. Ср. в приамурских частушках: Я ходила по полю, / Искала травки тополю, / Я искала тех корней / Присушить себе парней [6, с. 5].

Интересно отметить, что встречаются частушки, в которых парень пытается присушить девицу: Не ходи, милая, к ключу, / Присушить тебя хочу, / Из-под белых камешков / Накопаю корешков [6, с. 15]; Что это за реченька, / Голуби купаются, / Что это за милочка, / Все в нее влюбляются?! / Надо речку высушить, / Чтоб в ней не купались, / Надо милку присушить, / Чтобы не влюблялися [6, с. 15].

Любовные чувства и отношения здесь связаны с метафорой **сушить плоть**. Синонимичным слову **присушка** в СРГП является лексема **ПРИВАДА**. Перен. Тяга, мания человека к чему-либо, кому-либо. Клавка-то приваду на него навела, то-то он и иссох прям весь [3, с. 345].

При этом **сухой** соотносится с огнём, жаром и противопоставляется холоду, ср. охладеть, постылый (от хлад и стылый). Диалектизмы **отстуда** и **отстудитца** происходят от **студить**, **стужа** — магия, направленная на охлаждение любовного чувства. В «Словарной картотеке Г. С. Новикова-Даурского» даны следующие значения: **отстуда** — лишение доверия, уважения; отвержение, разрыв. Первая отстуда лучше последней; заставить разлюбить кого-л. посредством наговора, колдовства [2, с. 129]; **отстудитца** — потерять доверие, уважение, дружбу или отвергнуть [2, с. 129]. Отстуда — это тёмный магический ритуал отворота влюблённых с целью их разлучить, остудить их страсть. Нередко отстуду делали на свадьбах: во время свадьбы околдовывали жениха

и невесту. Отстуда бывает нескольких видов: на соперницу (соперника), если кто-то мешает браку, на двух влюблённых (например, молодожёнов), на человека, страдающего от безответной любви. Иногда родители, если сын был влюблён, а девушка не нравилась, делали отстуду (отворот) или рассорку (пытались заклинаниями рассорить влюбленных). В деревнях отстудой занимались знахарки («алинки»). «Навести отстуду» считалось большим грехом, который слегка оправдывался, если человек сильно и безответно страдал, как бы «болел» любовью. Если его отстудили, значит — вылечили, в

этом случае отстуда считалась лекарством, поскольку приносила облегчение.

Таким образом, источники фиксируют живой интерес дальневосточников к потустороннему миру как к чему-то тайному, неизведанному, но очень любопытному. Реализовывался интерес к тонкому миру через различные гадания, например, по книге, по палочкам, по звёздам, по венку на воде, по кальке, по зерну, по валенкам, на росстани (перекрёстке) и т. д. Выявленные диалектизмы свидетельствуют о сильной вере в судьбу и магию, в силу любовных обрядов, в существование фантастических существ.

Список использованных источников

1. Ленские частушки / [сост. Лыхин Ю. П.]. — Иркутск : Макаров С. Е., 2004. — 102 с.
2. Словарная картотека Г. С. Новикова-Даурского / подгот. к печати Л. В. Кирпиковой, В. В. Пирко, И. А. Стринадко ; вступ. ст. и ред. Л. В. Кирпиковой. Благовещенск, 2003. — 1999 с.
3. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост.: О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятин, Н. П. Шенкевец. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2007. — 544 с.
4. Фразеологический словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост. Л. В. Кирпикова, Н. П. Шенкевец. — Благовещенск : Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2009. — 155 с.
5. Частушки, собранные Г. С. Новиковым-Даурским в Забайкалье и Амурской области. Ч. 1 / сост.: Б. В. Блохин. — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2008. — 136 с.
6. Частушки, собранные Г. С. Новиковым-Даурским в Забайкалье и Амурской области. Ч. 2 / сост.: Б. В. Блохин. — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2008. — 192 с.

Материал поступил в редакцию 01.11.2019.

Сведения об авторе: Приходько Виктория Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и издательского дела Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактные данные: 680000, г. Хабаровск, ул. П. Комарова, д. 2, кв. 21; e-mail: ulius-viktori@mail.ru; тел. (4212) 22-73-80.

КАЗАЧУК ГАЛИНА ИВАНОВНА

НА ЗЕМЛЕ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ТЕСНО ЯЗЫКАМ

В статье рассказывается о проведении в Дальневосточной государственной научной библиотеке краевого фестиваля, посвящённого Международному дню родного языка, целями которого являются формирование общей культуры личности, толерантного отношения к представителям разных национальностей и приобщение молодёжи к культурно-историческому наследию своего народа.

Ключевые слова: фестиваль «Родной язык — душа народа», Дальневосточная государственная научная библиотека, Ассамблея народов Хабаровского края, национальность, интерактивная площадка, выставка, мастер-класс.

Keywords: “Mother tongue is the people soul” festival, Far Eastern State Scientific Library, Assembly of the Khabarovsk Territory peoples, nationality, interactive platform, exhibition, master class.

В Дальневосточной государственной научной библиотеке (ДВГНБ) состоялся краевой фестиваль «Родной язык — душа народа», посвящённый Международному дню родного языка. 21 февраля двери библиотеки были распахнуты для многочисленных гостей и посетителей.

Мероприятие, призванное поддержать языковое и культурное многообразие народностей, проживающих на территории Хабаровского края, впечатлило многих своей масштабностью, профессионализмом и позитивным настроем. Интерактивных площадок, мастер-классов, участников и гостей, желающих поучаствовать во всех мероприятиях, было столько, что невольно на ум приходят строчки «Из зала в зал переходя, здесь движется народ...» из небезызвестного стихотворения Сергея Михалкова. По-другому не скажешь. В режиме фестиваля «работали» практически все основные залы ДВГНБ. В Выставочном вниманию школьников, студентов и взрослых посетителей были представлены две выставки: национальной книги — «Сила и красота родного языка» и работы известного израильского художника Андриана Жудро.

Выставка национальной книги «Сила и красота родного языка» — настоящий мир сказок.

Тигровый зал стал основной площадкой для приветствий и творческих выступлений. Генеральный директор Дальневосточной государственной научной библиотеки Татьяна Якуба напомнила собравшимся о том, что Международный день родного языка учреждён решением 30-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в ноябре 1999 года. Поводом к этому послужили кровавые события в Дакке, столице нынешней Бангладеш, когда 21 февраля 1952 года от пуль полицейских погибли студенты — участники демонстрации в защиту своего родного языка бенгали, который они требовали признать одним из государственных языков страны.

— Родной язык — это память и история, характер народа, его духовное могущество, — подчеркнула Татьяна Юрьевна.

По мнению заместителя председателя комитета по внутренней политике правительства Хабаровского края

Александра Ивагина, каждый человек должен помнить и знать родной язык, который он услышал из уст своей матери.

— Сотни языков, существующих на планете, находятся на грани исчезновения, — выразил беспокойство заместитель председателя Ассамблеи народов Хабаровского края Валерий Хидиров. — Наша задача — их сохранить. Как это можно сделать? Одна из форм — нынешний фестиваль, в котором участвует много детей и молодёжи. Сегодня в залах научной библиотеки слышна речь разных народов: звучат стихи, песни. Здесь и фольклор, и народные традиции...

Об этом позаботились национальные объединения при ХКОО «Ассамблея народов Хабаровского края», чьи представители (большинство в национальных костюмах) с огромной любовью к своей нации старались показать значимость и востребованность родного языка.

Члены общества «Зелёный клин» принесли с собой хорошее настроение.

Представители общества украинской культуры Хабаровского края «Зелёный клин» с гордостью заявили, что украинский язык — второй по мелодичности в мире после итальянского. Члены Хабаровского регионального отделения общероссийской организации «Союз армян России» рассказали о том, как в краевой столице работает воскресная школа армянского языка, где дети танцуют, поют и прекрасно читают стихи на армянском, что тут же было продемонстрировано. Знание родного языка подтвердили таджики (краевая организация «Таджики Дальнего Востока»): наряду со взрослыми и школьниками стихи читали 5-6-летние дети.

...В Тигровом зале жизнь была ключом: звучали рассказы, стихи собственного сочинения, студентка факультета востоковедения Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ) Снежина Ким призывала изучать корейский язык, вице-президент региональной общественной организации «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края» Ирина

Тынвина обратилась к молодым сородичам, чтобы они учили нанайский. Студентки Педагогического института ТОГУ Дарья Громова (выросла в эвенком селе Арка) и Ефросинья Уйцан (с детства слышала корякский язык — родилась в Олюторском районе Камчатского края) рассказали о своей малой родине. Своё искусство показывали детский танцевальный коллектив «Сэнкурэ», студентка Хабаровского педагогического колледжа имени Героя Советского Союза Д. Л. Калараша Марина Киле (танец «Амурские блики») и другие.

Детский танцевальный коллектив «Сэнкурэ» — под музыку бубнов...

Публика не могла усидеть на одном месте! Дождавшись окончания того или иного выступления, многие (программки фестиваля были у всех) спешили заглянуть в другие залы, где к гостям проявляли максимум внимания. В Универсальном желаящих познакомиться с нанайской культурой встречала педагог дополнительного образования центра детского творчества села Найхин, руководитель фольклорно-этнографического ансамбля «Яло» Элла Киле и сами юные артисты.

Участники фольклорно-этнографического ансамбля «Яло».

— Сегодня со мной ребята от 7 до 14 лет, но есть ещё и студенты — мои бывшие воспитанники, — говорит Элла Ивановна. — Песни, стихи, легенды, конкурсы скорогово-

рок — всё на родном языке. Наша площадка так и называется «Нанай хэсэн», что переводится как «нанайский язык». Название же ансамбля, «Яло», означает — «земной шар», что очень символично. Нашему народу всегда казалось, что мир большой, а значит, на земле не должно быть тесно языкам.

Элла Ивановна — продолжательница национальных традиций своих предков. По мнению собеседницы, будущее у нанайской культуры есть. Главное — не терять к ней интерес.

...Спускаемся двумя этажами ниже. Чтобы описать атмосферу, царящую в вестибюле библиотеки, перефразируем знаменитую пушкинскую фразу и не ошибёмся: «Здесь русский дух... здесь Русью пахнет!..» Сотрудники библиотеки в русских национальных костюмах продолжают встречать всё прибывающих посетителей, здесь же, на площадке, именуемой «Родное русское слово», можно узнать об истории русского народного костюма, посоревноваться в словесной дуэли. В ход идут скороговорки, пословицы, фразеологизмы.

Выходим на улицу, и уже через пару минут — мы в выставочном зале Мультимедийного центра ДВГНБ — на презентации творчества татарского поэта-антифашиста Мусы Джалиля. В зале, где нет свободных мест, в исполнении артистов театральных студий г. Хабаровска звучат стихи легендарного поэта, татарская национальная музыка... Мероприятие проходит по инициативе совета Хабаровской национально-культурной автономии татар «Хабар».

Зал каталогов Дальневосточной государственной научной библиотеки. Десятки хабаровских школьников освоили письмо пером и тушью.

Возвращаемся в фойе и примыкаем к группе ребят, которая торопится в зал каталогов. Сегодня он разделён на несколько секций. В одной ведёт мастер-класс библиограф Лада Тимкова. Она помогает ребятам освоить письмо пером и тушью. Главное её наставление: «Делайте так, как вам красиво. Никакой критики. Важно, чтобы нравилось вам!» Вооружившись перьевыми ручками, а у кого-то в руках даже перо куропатки (!), малыши и подростки аккуратно выводят загадки и афоризмы о русском языке. А те, кто справился с заданием, не спешит покинуть аудиторию.

— Ручка с пером круче, чем шариковая, — делится впечатлениями третьеклассник 62-й школы г. Хабаровска Дима Каратаев. — Лично я написал, что русский язык — самый лучший в мире!

Его соседи по перу поддакивают, они с азартом рисуют на листочках домашних животных — с кляксами, но получается! Мальчишки так увлечены, что им нисколько не мешает разместившаяся рядом группа молодых людей, занятая в мастер-классе по каллиграфии корейского языка, который проводит Снежина Ким.

— Сегодня я ещё раз убедилась, что интерес к корейскому языку есть, — говорит студентка. — Интересно то, что почти все участники занятий просили написать на корейском языке их имена.

Следующий мастер-класс ведёт главный разработчик настольной игры «Серебряное копье», историк Андрей Бережнов. Благодаря тому, что два года назад краевая молодёжная общественная организация коренных малочисленных народов Севера «Феникс Амура» стала обладателем Президентского гранта среди некоммерческих организаций, игра «вышла в люди».

— В основу взяты сказки нанайцев, нивхов, якутов, — рассказывает Андрей Валерьевич.

Впрочем, долго размышлять об игре ему некогда — за столом самый её разгар.

— Главное — найти два сокровища и совершить подвиги, — разъясняет один из играющих студентов ДВГУПС.

Выясняется, чтобы пройти игру до конца, необходимы час-полтора. У многих на это хватило и азарта, и терпения.

Как и у ребятишек, разместившихся на лестничных площадках. Здесь тоже работают мастер-классы. К Екатерине Ключко, мастеру арт-студии «Аквагрим для всех» (детско-юношеский центр «Сказка»), выстроилась целая очередь мальчишек и девчонок. Одни жаждут увидеть на своём лице диковинные цветочные узоры, а второклассник Андрей Василенко — персонажа из компьютерной игры.

— «Майнкрафт» исследует мир, — говорит Андрей.

И это всё объясняет.

Не менее многолюдно на площадке, где занятие по изготовлению славянской народной куклы проводит мастер кукол-оберегов Галина Петухова. Видно, что девочкам куклы нравятся — они рассажены на столе, у каждой своя история. Вот кукла Травушка, а вон День-ночь, есть даже кукла Капуста...

Галина Яковлевна в недалёком прошлом — учитель начальных классов, желание изготавливать куклы ей пере-

Мастер-класс по изготовлению славянской народной куклы ведёт Галина Яковлевна Петухова (крайняя слева).

далось от бабушки Федоры. По признанию мастерицы, сама она ничего особенного не придумывает. Идеи подсказывают народная мудрость, русская народная культура, родной язык.

— Будем шить зайцев, — рассказывает одна из девочек. — Никогда не думала, что кукла может быть человеку помощницей. Столько интересного сегодня узнала!

А в зале библиографии полным ходом идёт мастер-класс по декоративно-прикладному искусству.

— Наша героиня — Айога из одноимённой нанайской сказки, — говорит преподаватель студии ИЗО и ДПИ «Мотылёк» детско-юношеского центра «Сказка» Наталья Соломко. — Сначала дети слушают сказку, затем смотрят мультфильм и только потом берутся за работу.

Используется смешанная техника. В распоряжении юных мастеров — бумага, карандаши, краски, кисти, фломастеры, дизайнерская бумага, шерстяные нитки и т. д.

Ребята признаются, что им очень нравится рисовать на заданную тему.

— Айога сама виновата в том, что превратилась в гуся, — замечает пятиклассница Карина Чечина. — Надо было сходить за водой и не гордиться своей красотой!

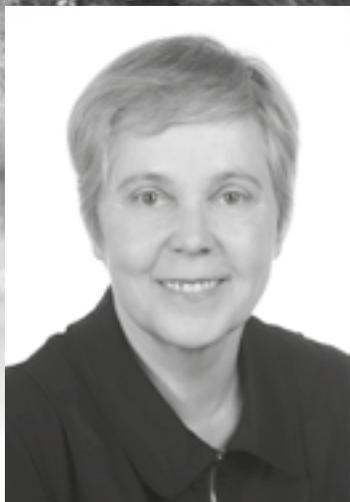
Фестиваль длился несколько часов, он был наполнен интересными и познавательными мероприятиями.

— Было очень живо и ярко, — поделился мнением Александр Ивагин, — многие площадки, которые были организованы в этом году в рамках фестиваля, и удивили, и порадовали. Надеюсь, что у нашей молодёжи интерес к родному языку будет только расти. Не только к русскому, но и тех народов, которые проживают на территории Хабаровского края.

Фотографии Марии Сапожниковой.
Материал поступил в редакцию 27.02.2020.

Сведения об авторе: Казачук Галина Ивановна, редактор первой категории Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: galina_kazachuk@mail.ru; тел. (4212) 31-23-23.

ШИШКИНА ВИКТОРИЯ АВЕНИРОВНА

ПЕРЕКРЁСТОК ТВОРЧЕСКИХ ПОИСКОВ ХУДОЖНИКА АЛЕКСАНДРА МИХАЛЕВИЧА

В статье дан обзор творческих поисков профессионального художника Александра Владимировича Михалевича (род. в 1951 г.). Автор анализирует содержание живописных композиций, написанных А. В. Михалевичем в последние годы, и некоторые художественные приёмы, найденные мастером. Основные вопросы связаны с проблемой решения композиции, передачи пространства и времени в произведениях художника.

Ключевые слова: Александр Владимирович Михалевич, Дальний Восток, Хабаровск, изобразительное искусство, живопись, композиция, мифологическая тема, пространство, время.

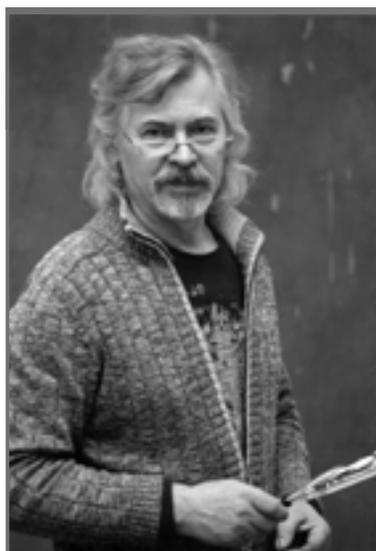
Keywords: Aleksandr Vladimirovich Mikhalevich, Far East, Khabarovsk, visual arts, painting, composition, mythological theme, Space, time.

Сложные темы не часто рождаются в юности, когда человек захлёбывается, утопая в водовороте событий жизненной стихии. Обычно это происходит тогда, когда из остроты чувств и переживаний молодости постепенно рождается глубина мысли и чёткое понимание необходимости поиска своего, особенного пути в жизни как художника. Словно бы само собой кристаллизуется то, о чём думалось сначала как-то отрывочно и напряжённо, вдруг обретает завершённую форму. Проблема, к которой обращается А. Михалевич в своём творчестве, разрабатывая её уже годы, можно назвать вечной для искусства. Её духовная наполненность связана с библейскими сюжетами и земной жизнью Иисуса Христа.

К легендарным событиям обращались и делают это иконописцы, продолжая веками вызревавшие канонические традиции, художники монументальной храмовой живописи и современные мастера изобразительного искусства. Библейские легенды и их герои, такие далёкие и в то же время волнующе близкие, — это богатейший материал, дающий возможность художнику размышлять о сиюминутном и вечном, житейском и героическом. За века развития изобразительного искусства создано несметное число произведений в различных жанрах и техниках, которые, казалось бы, могли просто «вычерпать» до дна библейскую тематику. Художники иногда словно погружают нас в пространство давно минувших дней или, наоборот, переносят сюжет библейских текстов в современное для них время, включая в сцены священной истории изображения своих современников, часто заказчиков и автопортреты. Так поступали мастера эпохи итальянского и северного Возрождения. Другие художники вкладывали своё философское прочтение в вечные сюжеты (А. Иванов, Н. Ге и многие др.) или сопрягали их с современными, реальными или трагическими историческими ситуациями. Так, например, развёртывается тема абсолютного зла фашизма в некоторых листах графической серии итальянского художника Р. Гуттузо «Gott mit uns!» («С нами Бог!», 1944 г.). Неудивительно и закономерно, что с течением времени сложилась глубокая историческая традиция в европейском искусстве, связанная с интерпретацией библейских сюжетов. Этому посвящены многочисленные исследования философов, литературоведов, теоретиков и историков искусства.

Скромная задача этой небольшой статьи состоит в анализе содержания живописных композиций и некоторых художественных приёмов, к которым прибегает Александр Михалевич в своём творчестве. Произведения, о которых пойдёт речь, были показаны на третьей персональной выставке художника «Лето Господне» (Дальневосточный художественный музей, конец 2018 г.). Обращение к библейской теме, конечно, связано и с терниями раздумий, и глубоких сомнений самого художника, поскольку избранный им материал требу-

ет от живописца максимальной открытости, исключаяющей малейшую возможность в чём-либо сфальшивить. Помыслы художника устремлены к авторскому прочтению библейских сказаний и ненавязчивому напоминанию о растерянных людьми в суете будней духовных ценностях. Такой подход, конечно, требует от художника знаний, глубокой начитанности,

А. В. Михалевич.

Краткая биографическая справка

Александр Владимирович Михалевич родился в 1951 году в г. Бикине Хабаровского края. Окончил художественно-графический факультет Хабаровского государственного педагогического института (ХГПИ, ныне Педагогический институт Тихоокеанского государственного

университета) в 1976 году, где изучал специальные дисциплины у Д. А. Романюка, Е. М. Фентисова и С. Н. Золотарёва. После окончания вуза с 1976 по 1981 год работал преподавателем на кафедре изобразительного искусства ХГПИ.

Начал участвовать в выставках с 1980-х годов. С 1997 года Александр Владимирович — постоянный участник региональных художественных выставок «Дальний Восток», а также выставок различного уровня в России и за рубежом. С 2005 года он является членом Союза художников России. Его произведения находятся в собрании Дальневосточного художественного музея (ДВХМ).

Многие годы А. В. Михалевич работает заведующим экспозиционно-оформительским отделом и является главным экспозиционером ДВХМ.

Награды и поощрения Александра Владимировича Михалевича:

2001 — нагрудный знак Министерства культуры РФ «За достижения в культуре»;

2011 — диплом Союза художников России «За успехи в творчестве и содействие развитию изобразительного искусства России» (г. Москва);

2012 — диплом «Лауреата премии Губернатора Хабаровского края в области литературы и искусства»;

2013 — диплом «Лауреата премии Губернатора Хабаровского края в области литературы и искусства»;

2019 — диплом «Лауреата премии Губернатора Хабаровского края в области литературы и искусства».

развитой художественной фантазии и в то же время деликатности, так как ему следует преобразовать и объединить порой чрезвычайно противоречивый материал и разновременные события в своих завершённых произведениях.

Авторская техника А. Михалевича, разработанная им самостоятельно в 2000-е годы, связана со специальной подготовкой холста. Художник обязательно выводит на нём подготовительный рисунок композиции в рельеф акрилом, а затем осторожно подсвечивает его масляными красками, осторожно прописывая детали. Такая трудоёмкая подготовительная работа позволяет ему за счёт рельефа достигать выразительных фактурных эффектов. Цветовые решения холстов варьируются от прозрачных прохладных сочетаний красок до глубоких, плотных и тёмных прописей.

Обращаясь к глубинным, нравственным истокам мифа и сакральным образам, А. Михалевич избегает поверхностных зрелищных или эффектных проявлений эпохи. Главный интерес сосредоточен не столько на узнаваемых приметах времени, сколько на внутреннем содержании. Как каждый художник, Александр Михалевич субъективен, но это качество его живописи создаёт у зрителя ощущение сопричастности к происходящему. Судьбы героев давно минувших времён художник приближает к острым проблемам современности, и тогда далёкое понимается и воспринимается, как близкое и современное.

«Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною», холст, акрил, масло, 150x120 см. 2016 год.

Александр Михалевич в повседневном порой находит такие линии соединения с вечным, которые порождают у зрителя осознание отчуждённости и бездуховности времени. В центре композиции «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (2016 г.) изображён Христос, безмерно измученный вечной и тяжкой дорогой голгофского пути. Повёрнутое к зрителю лицо не столько сурово, сколько вопрошающе печально. Фигура Спасителя под непомерной тяжестью креста решена в узнаваемой традиции классического искусства, но по воле художника она перенесена из прошлого в стремительный уличный поток. Смысловую и эмоциональную паузу, которую создаёт образ героя на обгащённой дороге, нарушают суетливые пешеходы. Они совершенно разные, наверное, единственное, что их отчасти объединяет — это равнодушные лица, написанных в нижней части холста, и какая-то механическая суетливость и растворённость в бытовой сутолоке, бегущих наверху композиции ног, где на мгновение остановились только детские ножки в белых гольфах. Внизу, среди лиц пешеходов, различим профиль человека с книгой — автопортрет А. Михалевича, и чуть ниже — портрет художника А. Рябчука. Некоторые из пешеходов, без сомнения, являются так называемыми фигурами ввода, то есть повёрнуты к зрителю лицом, активно взаимодействуя с ним. Композиционное решение картины необычно. Оно создаёт атмосферу волнующей странности и полной несобразности происходящего. Верх и низ, такие привычные в зонировании композиций классической живописи, по воле художника поменялись местами. Поэтому и мир уже воспринимается как перевёрнутый, и произведение заключает в себе элемент игры в абсурдный, абсолютно опрокинутый мир ценностей, в котором нет сострадания. Оно рождает в сознании не сразу очевидные и неожиданные связи. Соединение крестного пути Христа с повседневностью суматошной улицы даёт дополнительное временное измерение, которое не столько уводит в далёкое прошлое, сколько характеризует бездуховность современности. Творческая интуиция А. Михалевича, с одной стороны, ограничивает реальное пространство композиции просто фрагментом асфальта, но, с другой — философское и этическое наполнение предельно раздвигает хронологические рамки этого эпизода. В памяти человеческой обычно уживаются прошлое и настоящее, когда-то виденное или просто услышанное. Литературное начало, историческое событие и философская рефлексия не размывают авторское размышление о болезненной бездуховности мира. Картина лишена назидательности, но она побуждает зрителя задуматься. Пожалуй, самое значимое в том, что содержание картины А. Михалевича не подменяет собой изобразительное и выразительное начало живописи как вида искусства.

Картины Александра Михалевича не требуют толкователя. Пожалуй, самое интересное в творчестве художника — это возможность идти, как это следует делать паломнику, по выстроенным его творческой фантазией лабиринтам библейской истории, различать мерцание сюжетов и видеть их метаморфозы, неожиданно перетекающие в современность.

«Поцелуй Иуды», холст, акрил, масло, 150x120 см. 2014 год.

Александр Михалевич умеет развернуть перед зрителем панорамное повествование в красках, в котором сплетены мифологическая глубина и свет земной реальной жизни. Картина «Поцелуй Иуды» (2014 г.) — пространственное повествование о событии минувшем. Фактура и колорит нижней части холста, словно старинный пергамент рукописи, потемневший от времени и касания многих рук, навевают мысли о многовековой древности. Именно здесь изображены главные герои композиции, а окружающие их реалии уводят зрителя на Восток, в Иерусалим. Герои решены в традиции, сложившейся веками в классическом искусстве. Иисус светел и чист ликом своим, как чисты его помыслы, в отличие от Иуды. Пожалуй, самая замечательная авторская находка — это алчные, какие-то непомерно огромные грубые руки предателя, тянущиеся к Спасителю. Этот контраст невозможно не заметить даже не очень внимательному зрителю. Масштаб фигур Спасителя и Иуды образует такой композиционный

центр, что всё остальное воспринимается уже в качестве дополнительного обрамления этого центрального эпизода легенды. Это голосащий петух, предвещающий трагедию, и вооружённые стражники, которые должны схватить Учителя, и беспомощные ученики Христа.

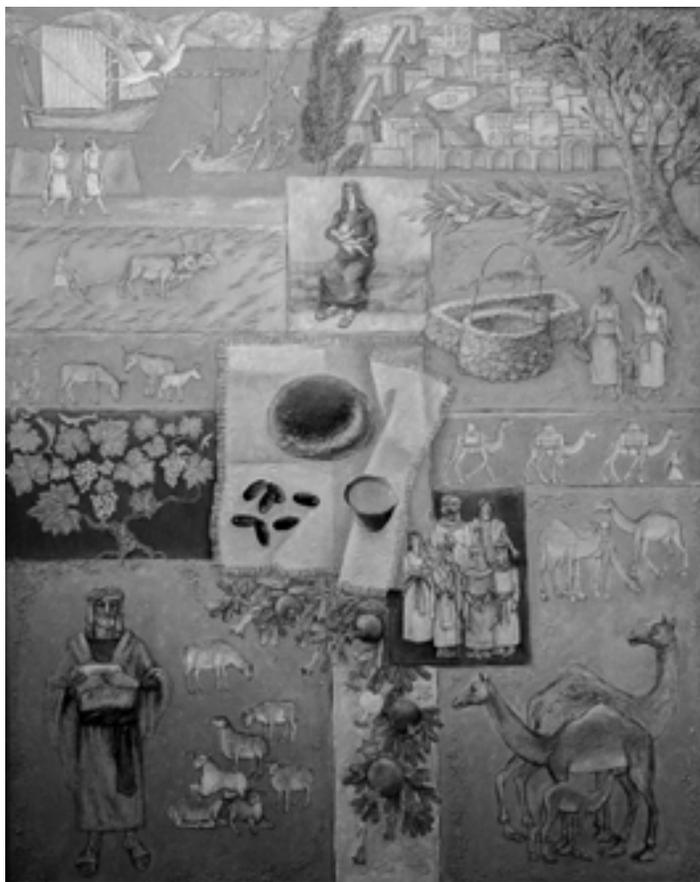
Органично и ненавязчиво объединяют различные эпизоды повествования вековые деревья с обнажёнными кронами. Правая часть картины несёт архитектурные реалии Иерусалима, а напротив можно рассмотреть городской пейзаж, близкий каждому хабаровчанину. Как это свойственно Александру Михалевичу, он соединил в одном холсте вечное и современное. Словно это мостик, помогающий зрителю преодолеть сопротивление времени и бескрайность пространства, переместившись в художественную реальность картины.

Библейская легенда, насыщенная реальной событийностью деталей и чудесной наполненностью сказки, помогает художнику избежать холодного комментаторства. Она позволяет мастеру связывать сюжетные линии и поднимать приземлённое и обыденное на эстетический уровень. В творческой деятельности Александра Михалевича вызревает анализ богатейшего материала, который необходимо не только осмыслить, но и найти для него форму художественного выражения.

Каждая историческая эпоха по-своему решала образно-композиционные аспекты пространства в изобразительном искусстве. Только с течением времени пространство, запечатлённое мастерами ИЗО в композициях, стало пониматься искусствоведами как художественное пространство самого произведения искусства. По мнению теоретиков искусства, одна из значимых проблем состоит в необходимости акцентировать или передать время события, запечатлённого в произведении изобразительного искусства. Вопрос о синтезе пространства и времени — одна из ведущих идей, разрабатываемых в теории искусства и в практической деятельности художников. Самое обобщённое представление об этом вопросе представлено в энциклопедическом словаре, и оно свидетельствует, что «восприятие объективной длительности времени сплетается с отношениями причин и следствий, прошлого, настоящего и будущего, а также с субъективным переживанием времени и его интерпретацией в различных типах сознания» [1, с. 107]. Пространство произведения искусства — совокупность тех его свойств, которые придают ему внутреннее единство и завершенность, а также наделяют его характером эстетического.

Александр Михалевич в живописных композициях старается не заслонять одни предметы или объекты другими, оставляя между ними свободное пространство, часто заполненное пейзажем или вписанными натюрмортом. Этот приём позволяет ему достичь ощущения простора, а также

создаёт эффект временной разрядки, своеобразной паузы, разделяющей отдельные эпизоды повествования. Иными словами, плоскость картины, словно разбитое на осколки зеркало, фрагменты которого обнаруживают самые неожиданные смысловые сочетания и связи между изображёнными эпизодами легенды и современностью. Благодаря этому приёму прошлое неожиданно соединяется с настоящим, а мир земной — с миром мифическим, обретая протяжённую временную перспективу. Художник постоянно «перебывает», дополняет или прерывает временную и пространственную дистанцию, с которой ведётся повествование сказания. Эта прерывистость создаёт дополнительный эстетический компонент в восприятии картины. В некоторые свои композиции художник включает автопортреты, и они создают своеобразный эффект присутствия автора и подчёркивают значимость самого избранного сюжета.

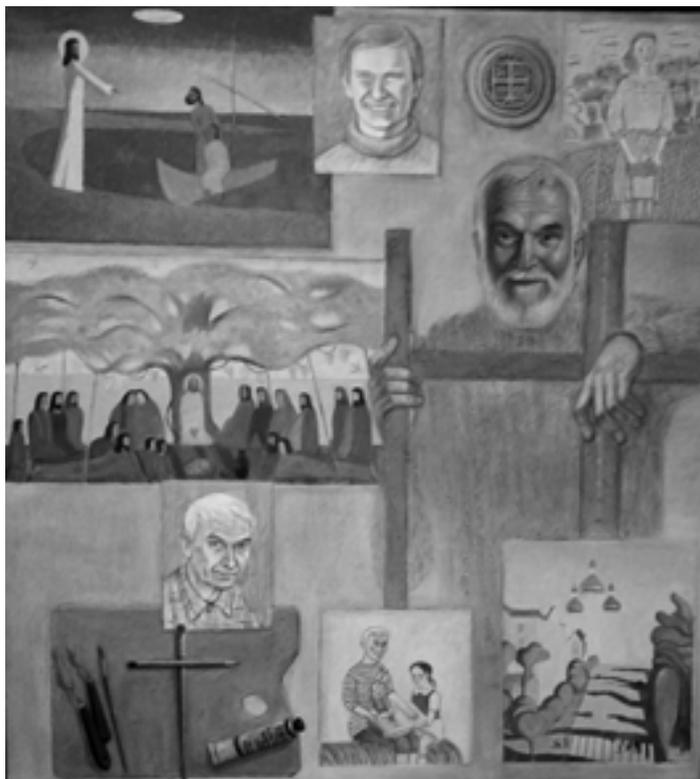
«Хлеб наш насущный даждь нам днесь», холст, акрил, масло, 150x120 см. 2018 год.

Изображение главной сакральной фигуры христианства — креста — явно или опосредованно бывает включено художником в произведения. Крест прочитывается сразу, если художник использовал его в качестве структуры, организующей композицию картины. Крест часто является лейтмотивом, смысловым звеном логической конструкции, соединяющим холсты в единое повествование. Картина А. Михалевича «Хлеб наш насущный даждь нам днесь»

(2018 г.) о вечном и простом, о жизни и трудах, о повседневных хлопотах. Она — о необходимости и радости возделывания земли, о красоте труда землепашца и вечном беспокойстве о стаде своём пастуха. В основе композиционного решения прочитывается крест. В данном случае он «ставит дополнительный акцент на том, что является высшей ценностью системы, что иерархизирует и сакрализует всё пространство, определяя в нём линии и направления связей и зависимостей» [2, с. 12]. Отмеченный на холсте плодами труда человеческих рук крест моделирует духовный аспект, выступая также «как геометризованный вариант древа мирового» [2, с. 12]. Его плоды, добытые тяжким повседневным трудом, — семена будущей жизни, плодородная сила, словно мощь женщины, вечно продолжающей род человеческий. Мир, созданный Творцом, необозрим во времени и пространстве, но прекрасен и человек, если принимает его как величайший дар. Он должен возделывать и оберегать его как вечный и неугасимый источник жизни, и в этом главное его предназначение.

Сближение и соединение изображения и слова свойственно многим периодам истории изобразительного искусства и распространено во многих его видах (иконопись, монументальная храмовая живопись, книжная графика, плакат и т. д.). Отсылки художника к слову не случайны, так как пробуждают дополнительные ассоциации и включают порой неочевидные сразу связи повествования. Текст А. Михалевича может ввести непосредственно в живописную ткань композиции или в её название, как это мы уже видели ранее. В названии произведений («Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною», «Хлеб наш насущный даждь нам днесь») — волнующие и полные сокровенного смысла слова, обращённые к каждому из нас, являются начальной точкой обращения к времени мифическому, которое зрителем будет обязательно соотносено с временем реальным и собственными мыслями. Этот приём позволяет раскрыть дополнительные смыслы, но иногда обилие текста, включённое непосредственно в композицию, может отвлекать от целостного восприятия картины.

Композиция «С вечностью — о вечном. Светлой памяти А. Лепетухина» (2018 г.) посвящена художнику и другу, близкому Александру Михалевичу по духу и мировосприятию человеку. Портреты Александра Петровича Лепетухина разных лет, написанные с чёрно-белых фотографий, создают эффект убедительности, своеобразной документальности картины. Три портрета А. Лепетухина, как три возраста его жизни, поддержаны импровизациями произведений Александра Петровича, некоторые из них — из создававшегося им многие годы цикла «Путь». Трогательный портрет А. Лепетухина со своим литературным героем, зайцем Петровичем из «Хехцирских сказок». Портреты разных

«С вечностью — о вечном. Светлой памяти А. Лепетухина», холст, акрил, масло, 120x110 см. 2018 год.

лет и импровизационное воспроизведение композиций Александра Лепетухина помогают одному воспоминанию «набегать» и наслаиваться на другое. Каждое портретное изображение художника связано с воспоминаниями разных лет, его творческими открытиями и духовными поисками. Они помогают наливаясь новыми подробностями в размышлении о непростом пути героя этой композиции. В сущности, холст — это повествование о жизненном и творческом пути незаурядного человека. Ведь действительно, А. П. Лепетухин запомнился нам просветлённым лицом умиротворённого и щедрого человека, наполненного мудростью не напрасно прожитых лет.

В композиции, посвящённой другу, А. Михалевич использует художественный приём цитирования. Этим приёмом издавна пользуются многие художники. Специалисты отмечают, что XX век просто соткан из цитат. По мнению искусствоведа В. С. Турчина, «само искусство XX века стремилось ничего не забывать» и «охотно использовало образы всего мирового искусства» [3, с. 57]. Следует акцентировать, что обращается к этому приёму автор картины неслучайно. Это не только дань глубокого уважения к творчеству друга, но и путь к пониманию наследия А. П. Лепетухина для зрителя. Крестовые мотивы есть и в этой композиции А. Михалевича, и прочитываются они сразу. Перекладина мольберта «прорастает» из сияющих куполов Спасо-Преображенского собора Хабаровска. Соединились в сакральную фигуру кисть и карандаш на чистой палитре.

Символика креста многозначна. Он является графическим символом древа мирового и «часто выступает как модель человека» [2, с. 12]. Рабочий инструментарий художника незапятнан и олицетворяет чистоту мыслей и помыслов, профессиональную честность и красоту жизненного пути и творчества Александра Петровича Лепетухина. Картина о том, как много осталось для нас на память о чутком и умеющем сострадать человеке, художнике и учителе Александре Петровиче Лепетухине.

«Осень. Перекрёсток», холст, акрил, масло, 110x110 см. 2017 год.

На персональных выставках А. Михалевича можно видеть его автопортреты. В композиции «Осень. Перекрёсток» (2017 г.) художник написал себя за работой у раскрытого этюдника на фоне узнаваемого пейзажа Хабаровска. В название картины введено слово «перекрёсток», и наивно было бы его сочетать с изображённым на холсте архитектурным фоном. В сущности, ведь сам автор, как человек творческий, всегда стоит или перед выбором дальнейшего пути, или в ожидании некоего прозрения, или рефлексирова об уже созданном им. Он — в бесконечном поиске. Новый шаг в поле поисков для творца — это всегда начало в полном сомнений и неожиданных поворотов творческом пути. Автопортрет в композиции «Осень. Перекрёсток» своеобразно аранжирует тему поисков Александра Михалевича. Конечно, художник, как человек творческого сознания, всегда стоит перед перекрёстком, который в мифопоэтических системах является сакральной фигурой, отправной точкой или «развилкой пути, где налево — смерть, направо — жизнь, но он не знает, где право и где лево в той метрике мифологического пространства, которая задаётся образом креста» [2,

с. 13]. Таким образом, акцентируется авторский замысел о важности для каждого мастера постоянного поиска. Хотя А. Михалевич открыт зрителю и своему времени, но в то же время в большинстве своих полотен художник также пристально всматривается в глубину минувшего, обращаясь к героям и сюжетам «книги книг».

Особое место в творчестве художника занимают цветы. Без натюрмортов с цветами не проходит ни одна из его персональных выставок. Натюрморты эмоционально освежают атмосферу выставок Александра Михалевича, создавая ощущение гармонии. Они стали замечательным дополнением персональной выставки А. Михалевича «Верую» (30 ноября – 20 декабря 2018 г.) в Дальневосточном художественном музее. Незамысловатые букеты скромных полевых цветов, написанных художником, создали ощущение хрупкости, незащищённости и красоты окружающего мира. Они — дар Божий и чудесное воплощение красоты земной и небесной.

Художник нашёл свою интонацию и авторские художественные приёмы, позволяющие ему передавать совершенно особое отношение к реальной действительности. Истории, описанные в древнейшей книге и пережитые библейскими героями, ни в чём не утратили для А. Михалевича своей этической и нравственной глубины. Ощущение течения времени исторического через призму своего «Я» вносит в прочтение композиций мастера ноту исповедальности и искренности. Творческий мир А. Михалевича окрылён фантазией и воображением. Художник

наделён энергией и способностью говорить о прошлом с духовных позиций, не мумифицируя его, стирая действительно условные для памяти демаркационные линии между прошлым и настоящим.

Мир многообразен, протяжён во времени и не охватывает моментально кипящую в нём жизнь. В творчестве, как и в реальном мире, сочетание рационального и метафизического, мысли и чувств не всегда гармонично. Александр Михалевич создаёт художественный мир, отмеченный субъективно-личностным прочтением вечной темы, но мир этот лишён догматизма, лобового прочтения деликатных вопросов и иллюстративной надуманности. В живописном мире Александра Михалевича разбросаны знаки и смысловые узлы, позволяющие зрителям стать соавторами художника. Нельзя сказать, что визуальный ряд его произведений просто вычерпан или перенесён из прошлого в настоящее. Будет ошибкой утверждать, что творчество художника слишком зашифровано и его знаки и аллюзии невняты и неясны зрителям. Тем не менее, конечно, возникает естественное желание обратиться к автору, так как совершенно очевидно, что в композициях А. Михалевича нет однозначного прочтения. Многослойность и глубина его «живописного текста» нуждаются в комментариях самого художника.

Дар индивидуальности, способность творить и обновляться приходят к каждому художнику через бесконечный труд, боль сомнений и самоуглублённую рефлексию. Только тогда появляется уверенность и внутренняя потребность в том, что тебе есть что сказать и показать зрителям.

Список использованных источников

1. Аполлон : Изобразительное и декоративно-прикладное искусство. Архитектура : терминологический словарь / под общ. ред. А. М. Кантора. — Москва : Эллис Лак, 1997. — 735 с.
2. Мифы народов мира : энциклопедия. Т. 2 / гл. ред С. А. Токарев. — 2-е изд. — Москва : Совет. энцикл., 1988. — 719 с.
3. Турчин, В. С. Образ двадцатого... / В. С. Турчин. — Москва : Прогресс-Традиция, 2003. — 648 с.

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 29.01.2020.

Сведения об авторе: Шишкина Виктория Авенировна, искусствовед, член Союза художников России, доктор педагогических наук, профессор кафедры изобразительного искусства Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: shish15@yandex.ru; тел. 8-909-876-59-67.

ТРИНЕЕВА ИННА МИХАЙЛОВНА

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МУЗЫКА XIX ВЕКА

В статье представлены становление и развитие русской духовной музыки XIX века. Рассмотрены биография и творческий путь великих композиторов, их вклад в мировую музыкальную культуру.

Ключевые слова: русские композиторы XIX века, церковная музыка, древний знаменный распев, духовная музыка, Д. С. Бортнянский, Н. А. Римский-Корсаков, П. И. Турчанинов, П. И. Чайковский, А. Ф. Львов, А. Д. Кастальский, А. В. Никольский.

Keywords: the 19th century Russian composers, church music, ancient znamenny chant, religious music, D. S. Bortniansky, N. A. Rimsky-Korsakov, P. I. Turchaninov, P. I. Tchaikovsky, A. F. Lvov, A. D. Kastalskii, A. V. Nikolskii.

Ничто, ничто так не возвышает и не окрыляет душу, не отрешает её от земли, не избавляет от уз тела, не располагает любомудрствовать и презирать всё житейское, как согласное пение и стройно составленная божественная песнь.

Иоанн Златоуст.

Православие на протяжении многих столетий является основой бытия русского человека, формировавшей его мировоззрение и повлиявшей на все сферы жизни. Русское православие давало мощный духовный импульс для развития культуры и музыкального искусства в России XIX века. Православная музыка — это особенная область духовной культуры общества, так как только ей под силу выразить то, что словами объяснить невозможно, она устремляется в сферу божественного, приближая человека к Богу. С ней связаны нравственные, эстетические и религиозные ценности. Особенностью древнерусской духовной музыки являются чистота и открытость, в которой совершенно отсутствуют эмоциональность и чувствительность. Такая музыка призывает человечество к душевной гармонии с миром и с самим собой.

XIX век — важнейшая веха в истории русского хорового письма и исполнительства. Это время нового расцвета русской духовной музыки. Хоровые сочинения, созданные с 1850-х по 1890-е годы, относятся к новому направлению в отечественном богослужебном музыкальном искусстве. В начале XIX века духовно-музыкальная деятельность сосредоточилась в Придворной певческой капелле в Петербурге, которая являлась центром православной музыки в России. Композиторы капеллы как единственные специалисты того времени обладали правом одобрения к печати богослужебных произведений и обихода, получив при этом подтверждение Священного Синода. Крупнейшими представителями певческой капеллы Петербурга в первой половине XIX века являлись мастера хоровой и вокальной музыки: М. В. Глинка (1804–1857), Д. С. Бортнянский (1751–1825), А. Ф. Львов (1798–1870), П. И. Турчанинов (1779–1856), Г. Я. Ломакин (1812–1885), А. А. Архангельский (1846–1924), М. А. Виноградов (1809–1888). В 80-е годы XIX века капелла переживала новый этап в русской духовной музыке. В этот период к созданию духовных сочинений обращались Н. А. Римский-Корсаков (1844–1908), С. И. Танеев (1856–1915), М. А. Балакирев (1837–1910). А в конце XIX века заявляет о себе Новая московская школа композиторов, собравшая самые знаменитые имена в области хоровой музыки: П. И. Чайковского (1840–1893), А. Т. Гречанинова (1864–1956), М. М. Ипполитова-Иванова (1859–1935),

П. Г. Чеснокова (1877–1944), В. С. Калинникова (1866–1901), А. Д. Кастальского (1856–1926), А. В. Никольского (1874–1943).

Творчество русских композиторов было тесно связано с духовной музыкой. Их хоровые партитуры отличались глубокой самобытностью, опорой на народные традиции, оригинальной хоровой оркестровкой. Например, «Литургия св. Иоанна Златоуста» — самое значимое творение из духовных произведений П. И. Чайковского. Композитор говорил, что созданное им сочинение — попытка вернуть русской церковной музыке самобытность.

Первым, обратившимся к обработке старинных церковных распевов, был композитор, директор капеллы Д. С. Бортнянский (1751–1825). Начальную музыкальную подготовку Дмитрий Степанович получил в местной певческой школе. В семилетнем возрасте юношу зачислили в штат Придворной певческой капеллы в звании камер-певчего. Обладая незаурядными способностями, в 1764 году Дмитрий уже исполнял сольную партию Адмета в опере Г. Раупаха «Альцеста». Преподаватели, обратившие внимание на блестящие способности певца, отправили его учиться в Венецию. Поэтому завершение музыкального образования и формирование эстетического мировоззрения композитора происходило в период его пребывания в Италии. Позже, в 1779 году, Бортнянский вернулся в Россию и занял должность капельмейстера капеллы. Композитор шёл по пути возрождения народных певческих традиций, которые в то время были забыты, в силу господства итальянской музыки в России. Он занимался обработкой церковных мелодий, а также способствовал росту профессионального уровня исполнения музыкантов в церковном хоре. Композитор активно противодействовал вольности в пении, царившей в православных церквях. Усилиями Д. С. Бортнянского в 1800 году в Петербурге был создан специальный оперный хор, а основная деятельность капеллы была направлена на исполнение хоровой музыки без сопровождения (преимущественно церковной). Согласно постановлению Святейшего Синода в 1816 году во время церковной службы запрещалось исполнять наизусть хоровые концерты и использовать только рукописные ноты. Поэтому все музыкальные произведения печатались и издавались по рекомендации Д. С. Бортнянского. Композитор понимал, что только печатное издание оригинальных авторских текстов может увековечить труды и в течение всей жизни старательно занимался изданием не только своих сочинений, но и произведений других русских композиторов. Таким образом, в церковном пении был наведён порядок. Духовные хоровые композиции Дмитрия Степановича Бортнянского — это значительное явление в русской музыкальной культуре XIX века. Композитор усовершенствовал жанр хоровых сочинений. Из многочисленных

произведений Д. С. Бортнянского Придворной певческой капеллой были изданы 35 концертов, восемь духовных трио с хором, трёхголосная литургия, семь херувимских, 21 духовное песнопение, собрание духовных псалмов. Большую популярность из них получили духовные концерты. Форма концерта строилась на сопоставлении нескольких самостоятельных частей, они отличались сложностью тематического развития и богатством полифонического письма. Опираясь на традиции знаменного распева и партесного пения, Д. С. Бортнянский создал свой индивидуальный хоровой стиль, отличавшийся глубокой выразительностью, многообразием содержания и блестящим вокальным мастерством. Лучшими образцами хоровых концертов музыканта являются «Гласом моим ко Господу воззвах», «Скажи ми, Господи, кончину мою», «Да воскреснет Бог», «Коль возлюблена селения Твоя, Господи», «Вскую прискорбна еси, душе моя». Произведения Д. С. Бортнянского представляют собой не только творчество одного композитора, но и являются памятниками своеобразного и богатого музыкального искусства целой исторической эпохи [5, с. 94–99].

После смерти композитора Д. С. Бортнянского директором капеллы назначили Ф. П. Львова (1766–1836), а затем это место занял его сын, известный скрипач и автор гимна «Боже, царя храни» А. Ф. Львов (1798–1870). Духовные сочинения А. Ф. Львова отличало влияние немецкой классической музыки, которые испытала на себе русская церковная музыка. Но, что примечательно, в переложении духовных напевов композитор стремился подчинить музыку слову, чтобы она не отвлекала верующих от молитвы. И это ему прекрасно удавалось.

Успешными в области гармонизации древних русских песнопений оказались и музыкальные переложения протоиерея и композитора П. И. Турчанинова (1779–1856), которые пользовались особенным уважением за свою близость к подлинным обиходным мелодиям, сделали его любимым церковным композитором. В них привлекает художественная и простая гармонизация, большое совпадение музыки и текста, благодатный характер древних напевов. В 1803 году П. И. Турчанинов стал священником и с 1804 года служил регентом разных церковных хоров, а затем большого хора в Петербурге. В 1827 году он получил приглашение преподавать в Придворной певческой капелле. Лучшие музыкальные сочинения П. И. Турчанинова исполнялись во всех русских православных храмах. Среди них следует отметить «Вечери Твоя тайныя», стихир «Тебе одеюцца-гося», тропарь «Благообразный Иосиф», ирмосы «Волною морскою», «Воскресни, Боже, суди земли» [8, с. 550–557].

Развитие духовной музыки тесно было связано с творческой музыкальной деятельностью многих композиторов. Вокруг А. Ф. Львова сплотились композиторы духовной

музыки, такие как А. Т. Гречанинов, Г. Я. Ломакин, М. А. Виноградов, Г. Ф. Львовский, А. А. Архангельский, С. В. Смоленский, А. Д. Кастальский, А. В. Никольский, В. С. Калинин и другие.

Русское церковное пение с 30-х годов XIX века переживало пору кризиса, застоя. Духовные произведения А. Н. Верстовского, А. А. Алябьева, М. И. Глинки и других русских композиторов были эпизодическими явлениями и редко звучали в церкви. Исключительное право утверждения репертуара церковных хоров принадлежало Придворной певческой капелле, что приводило к господству официального стиля, далёкого от национальных истоков. Если композиторы обращались к древним распевам, то обрабатывали их по школьным правилам строгого стиля, в результате чего получался совершенно искажённый облик духовного сочинения. Но уже в 50-х годах XIX века обозначился новый этап в истории русской духовной музыки. В этот период к созданию церковных песнопений обращались П. И. Чайковский (1840–1893), С. И. Танеев (1856–1915), М. А. Балакирев (1836–1910), Н. А. Римский-Корсаков (1844–1908). Композиторы сумели внести национальное начало в церковное пение, поднять его на более высокий художественный уровень. Придворная капелла, особенно в период службы в ней М. А. Балакирева и Н. А. Римского-Корсакова, переживала небывалый расцвет. В 1887 году музыканты гармонизовали «Всенощное бдение древних напевов».

Многое сделал для развития духовной музыки композитор Н. А. Римский-Корсаков. Он родоначальник нового типа обработки обиходных мелодий, использовал национальные фольклорные приёмы голосоведения. Композитор вырос в религиозной семье. В душе ребёнка оставили след монастырское пение, долгие службы, колокольные звоны. Он любил слушать духовные пьесы Д. С. Бортнянского. Церковное пение оставило неизгладимый след в душе юноши. Н. А. Римский-Корсаков в течение одиннадцати лет служил в капелле. Он много сделал для молодых музыкантов, учил их творчески мыслить, занимался общим воспитанием, вместе с М. А. Балакиревым готовил хоровых дирижёров по специально разработанной им программе. Капелла в то время являлась центром регентского образования. Работа над церковными песнопениями велась Николаем Андреевичем в течение 1883–1885 годов. Только 18 из 40 являются собственными сочинениями Н. А. Римского-Корсакова, а не обработками церковных песнопений. Они и составляют весь первый и второй сборники под названием «Херувимская песнь № 1, 2». В третьем сборнике также находятся авторские сочинения. Самым знаменательным в работе над церковными песнопениями был 1883 год, когда композитор увлёкся произведениями духовной музыки. В тот период Н. А. Римский-Корсаков написал большую часть

духовно-музыкальных сочинений. Работая над церковными песнопениями, он стал первым музыкантом и новатором в области многоголосных обработок древних распевок, которые отличаются от церковного искусства современных музыкантов.

Следует отметить и такие духовные сочинения автора, как «Светлый праздник», «Тебе поём», «Чертог Твой вижду», «Достойно есть» и другие. Многие исследователи проявляли интерес к изучению церковных произведений композитора. И все они единогласно считали, что деятельность Н. А. Римского-Корсакова оказала большое воздействие на творчество таких композиторов, как А. Д. Кастальский, А. Г. Гречанинов, А. К. Лядов, Н. Н. Черепнин, М. М. Ипполитов-Иванов. Песнопения великого композитора наполнены духом древнего церковного пения и народной музыки одновременно. Они представляют собой настоящий древнерусский стиль, не утративший своей необыкновенной красоты и в наше время. Н. А. Римский-Корсаков был не только великим русским композитором, но и настоящим христианином. Его вера ненадуманная, впитанная с раннего детства, очень ярко проявилась в его вокальных и инструментальных сочинениях [5, с. 114–123].

В это же время не менее известный нам композитор А. Т. Гречанинов (1864–1956) знакомится с большим знатоком церковного хорового пения, директором Московского синодального училища С. В. Смоленским. Вдохновлённый его идеей обновления церковной музыки путём обращения к древнерусским распевам А. Т. Гречанинов создал целый ряд духовных произведений. Среди них — «Первая литургия», хоры «Волною морскою» и «Воскликните Господеву». В своей церковной музыке композитор чувствовал себя настолько уверенным мастером стиля, что позволяет себе в этой области новаторские шаги. Так, например, он вводит в неё орган, симфонический стиль. И такие композиции, как «Демественная литургия» и «Экуменическая месса», служат свидетельством композиторской смелости и художественно-религиозного порыва музыкального выражения в этой области [1, с. 6–14].

В настоящее время имя А. Д. Кастальского (1856–1926) хорошо известно знатокам и ценителям православного церковного пения. Композитор являлся одним из инициаторов нового направления в русской духовной музыке, основанного на развитии древних обиходных распевок и традиций народного пения. Александр Дмитриевич был признан главой этого направления в русской музыке второй половины XIX – начала XX века. В русле нового направления писали музыку А. Т. Гречанинов, А. В. Никольский, П. Г. Чесноков, С. В. Рахманинов. Творчество композитора — самобытное и подлинно народное явление. Значительную часть его составляет духовная музыка на религиозную тематику.

Он нашёл свой путь в развитии православного церковного музыкального искусства, избежал использования светских элементов в храмовом пении. Композитор воспринял от древних распевок мелодику, тематику, творческие принципы, основанные на нерасторжимости составных элементов храмового действия и определяющиеся задачами богослужения и церковным календарём. В сочинениях А. Д. Кастальского знаменитый распев рассматривался им как музыкальная тема. И именно этот древний распев стал первоосновой музыкального языка композитора и критерием стиля. Путь А. Д. Кастальского был необычным даже для музыкантов того времени, не исключая авторов церковных песнопений. С детства впитав соки православия и музыкального искусства, композитор не сразу нашёл себя. Он проявлял интерес к актёрскому мастерству, живописи, литературе, путешествиям, но решил посвятить свою жизнь музыкальному искусству и поступил в Московскую консерваторию. Его учителями были известные миру композиторы П. И. Чайковский, С. И. Танеев, Н. А. Губерт, которые безошибочно определили в своём ученике талант духовного композитора. Новые композиции А. Д. Кастальского постоянно звучали в Успенском соборе Московского Кремля. Музыканта справедливо называли реставратором древних напевов, он отлично владел мастерством хоровой звукозаписи. Композитором, как говорил сам А. Д. Кастальский, он стал случайно. По просьбе регента Синодального хора В. С. Орлова Александр Дмитриевич сделал обработку сербского распева. Затем его привлекли обиходные напевы. Он сделал обработку для хора нескольких попевок знаменного распева, объединив их в одно целое, «Милосердия двери». Это произведение было исполнено в Петербурге Придворной певческой капеллой в присутствии протоиерея Иоанна Кронштадского. Слушая песнопение в обработке А. Д. Кастальского, он усердно молился.

Группой московских композиторов во главе с Кастальским был найден новый подход к проблеме гармонизации древнерусских распевок. Его переложения и обработки значительно обогатили церковно-музыкальную литературу. В своих духовных сочинениях музыкант доказал органичность соединения древнерусских распевок с приёмами народного многоголосия. Учитывая небольшой состав церковного хора, Кастальский создал великолепные композиции, в которых вариационное мастерство мелодических напевов достигало совершенства. Некоторые песнопения имеют несколько видов изложения. К ним следует отнести «Благослови душе моя», «Блажен муж», «Великое славословие». Стиль музыканта сформировался на основе древних отечественных напевов, русского многоголосного пения, опыта профессиональной музыкальной школы и отличается чистотой и строгостью, в его произведениях нет эмоциональных ноток, отсутствует чувствительность. Удачно гармонизированные

композитором «хвалитные» песнопения и даже скорбные звучали мощно и торжественно. Почти каждое произведение А. Д. Кастальского имеет несколько редакций, появление которых связано с исполнительской практикой. Композитор создал целую школу. Среди его учеников были хорошо известные музыканты Н. С. Голованов, А. С. Шумский, В. П. Степанов, М. Н. Жуков, К. А. Пасхин, Н. М. Данилин. Кастальский сочинял музыку и для профессиональных и любительских хоров, для смешанных и однородных составов, для концертных залов и храма. Композитор получал заказы от церкви на создание духовных произведений. Он живо откликался на всё происходящее и творчеству отдавал себя без остатка [5, с. 126–131].

Одним из деятелей в области духовной музыки XIX века являлся преподаватель и композитор А. В. Никольский (1874–1943). Александр Васильевич родился в семье священника в селе Владыкино. В композиторе удивительным образом сочетались талант музыканта и глубокое знание церковной жизни. Среди мастеров русской музыки, повлиявших на расцвет хорового исполнительства XIX века, ему принадлежит значительное место. Вся его деятельность — композиторская, исследовательская, педагогическая, публицистическая, общественная, была направлена на развитие хоровой и церковно-певческой культуры в целом. Будучи одним из последователей своего наставника С. В. Смоленского, Александр Васильевич продолжает идеи своего педагога в разных направлениях музыкальной культуры. В круг учреждений, где родилось новое направление в русской духовной музыке, выпускник Пензенской духовной семинарии Александр Никольский попал в 1894 году. После получения письма от С. В. Смоленского композитор поступил внештатным певчим в Московский Синодальный хор, а затем — на курсы при Синодальном училище для взрослых певчих хора. В этой среде и были заложены его основы композиторского мастерства. Церковное наследие А. В. Никольского, созданное в традициях нового направления, огромно. Перу композитора принадлежат «Литургия Преждеосвященных Даров», ор. 23 (1908 г.), «Всенощное бдение», ор. 26 (1909 г.), «Литургия св. Иоанна Златоуста», ор. 31 (1909 г.), «Песнопения на Святую Пасху», ор. 37 (1913 г.) и многие другие циклы песнопений и отдельные композиции. Как и многие его коллеги по Московской Синодальной школе, Александр Васильевич преуспел в области хоровой музыки. Вокальная интонация, голосоведение были ближе всего творческому дарованию композитора. Главным направлением работы над церковным репертуаром у композиторов нового направления стали обработки церковных распевов и свободное творчество «под распев». По мере развития нового направления и появления музыки, в художественном отношении, усиливались дискуссии о том, какой реперту-

ар наиболее подходит для богослужений, а какой — для концертов. В этой дискуссии выступал А. В. Никольский, который стремился осознать место и своего творчества, и творчества своих товарищей по новому направлению в концепции богослужебного искусства. Эта тема стала одной из центральных в его публицистике. Талант композитора как музыкального писателя оценил известный издатель П. П. Сувчинский, финансировавший петроградский журнал «Музыкальный современник» (1915–1917 гг.). Один из номеров журнала предполагалось полностью посвятить духовному пению, интерес к которому у читателей возрастал. Анонс этого выпуска знакомил читателей с работами А. Д. Кастальского, А. В. Преображенского и неназванного автора статьи о «Всенощной» Рахманинова. О том, что эта статья была заказана именно А. В. Никольскому, говорит тот факт, что в архиве самого композитора присутствует работа о «Всенощной». Нужно полагать, что именно эту работу П. П. Сувчинский просил Никольского передать из «Музыкального современника» в новый учреждаемый им журнал «Мелос» [8, с. 25–98].

Большие надежды композитор связывает со школьным образованием. Он был сторонником повсеместного введения пения в программы учебных заведений. Композитор полагал, что только путём всеобщего обучения пению можно добиться развития музыкальной культуры и создания среды, из которой могли бы появиться музыканты, в том числе певчие и регенты. Вместе с музыкальным критиком и педагогом Н. Д. Кашкиным (1839–1920) музыкант-исследователь разработал учебник по теории пения в школе «Начальный учебник хорового пения в связи с элементарной теорией музыки, изложенный в практических примерах»¹, а также книги «Голос и слух певца» и «План практических занятий пением в школе и хоре», которые стали незаменимым пособием для регентов-практиков в школе. Его публикации были актуальны и пользовались спросом у музыкантов и читателей.

А. В. Никольский принадлежал к поколению людей, которые пережили революционные потрясения в зрелом возрасте, и значительную часть жизни провёл при новом строе. Во время революции для композитора источником существования стало сочинение музыки на революционные и пролетарские тексты. Но нетрудно догадаться, что Никольский многократно вспоминал то время своей жизни, когда он мог свободно заниматься любимым делом, когда получил известность как духовный композитор и находился в центре хоровой общественной и педагогической жизни,

¹ Кашкин, Н. Д., Никольский, А. В. *Начальный учебник хорового пения в связи с элементарной теорией музыки, изложенный в практических примерах*. — Москва : П. Юргенсон. — Курс I. — 2-е изд., испр. — 1916. — 67 с.; Курс II. — 1909. — 121 с.

связанной с Московским синодальным училищем церковного пения и Синодальным хором. В 1925 году А. В. Никольский преподавал в консерватории теорию музыкальной этнографии. В 1935 году получил звание профессора. Этнографическая сторона творчества А. В. Никольского — важная страница в истории музыкальной культуры. Ведь народная песня заняла особое место в музыкальной деятельности Александра Васильевича. Внимание регента и духовного композитора к народно-песенной культуре выразилось в высокохудожественных обработках народных песен для хора, в исполнительской деятельности, в педагогической и просветительской работе, в публицистике и в научно-теоретических трудах. А. В. Никольский справился с задачей музыканта-этнографа. Творчество композитора показывает, насколько сильной была предреволюционная хоровая школа, которая позволяла музыканту в тех условиях, когда любимая им церковная тема оказалась под запретом, проявить себя блестящим образом в самых разных областях [6, с. 209–234].

Свою лепту в создание хоровых духовных сочинений внёс композитор Пётр Ильич Чайковский (1840–1893). Его циклические произведения «Литургия святого Иоанна Златоуста» и «Всенощное бдение» обладают высокой художественной ценностью. Пётр Ильич был композитором, способным создавать произведения в самых различных стилях, будь то опера, песни, симфонии, духовная музыка. Но вместе с тем его, как религиозного человека, интересовали вопросы на тему жизни и смерти, смысла жизни. Композитор считал, что музыка — искусство Божественное. Силу воздействия музыки маэстро переносил в сферу высшую: музыка не обман, не наваждение — она откровение. И результатом религиозных устремлений великого композитора явились его работы в области духовной музыки. Важно отметить, что «Всенощное бдение» — богослужение православной церкви, совершаемое накануне воскресений и отдельных праздников. Со второй половины XIX века «Всенощное бдение» стало циклическим музыкальным произведением, оригинальным и основанным на обработке древних распевов. Мысли о создании «Всенощной» всецело поглотили композитора. В письме брату он писал: «Я хочу не столько теоретически, сколько чутьем артиста до некоторой степени отрезвить церковную музыку от чрезмерного европеизма...» [9]. Очень серьёзно композитор отнёсся и к издательству «Всенощной». Он обратился с просьбой к издателю П. И. Юргенсону прислать книги Д. В. Разумовского «История церковной музыки» и И. С. Белюстина «Письмо о богослужении», а также сборники знаменного распева и существующие по этой теме нотные пособия. Издатель выполнил просьбу музыканта и, более того, предложил отредактировать полное собрание сочинений духовной музыки Д. С. Бортнянского. Продолжая работать над произведением, П. И. Чайковский понимал всю

сложность поставленной задачи. О полном погружении в её создание композитор писал своему брату: «В этом океане ирмосов, стихир, седальнов, катавасий, подобнов, степенных — я совсем потерялся и просто до сумасшествия иногда дохожу» [9]. И Пётр Ильич черпал вдохновение, слушая монашеское пение в Киево-Печерской лавре, восхищаясь самобытностью и великолепием богослужебного пения. «Всенощное бдение» предназначено для смешанного хора и а capella. В основу произведения композитором были положены одноголосные мелодии распевов греческого («Предначинательный псалом»), киевского («Господи, помилуй») и иные типы обиходных тем. Завершил работу над «Всенощной» композитор только в марте 1882 года, находясь в Италии. Первое исполнение состоялось не в церкви, а в зале Промышленной выставки в Москве, под управлением П. И. Сахарова. Обработка средствами гармонизации XIX века выдвигала перед П. И. Чайковским довольно сложную проблему, что особо отчётливо понимал композитор. Пётр Ильич говорил, что ему хочется сохранить древние напевы во всей неприкосновенности. Во «Всенощной» он использовал оригинальные мелодии, но отступал от подлинника. При всей противоречивости суждений о «Всенощной» работа П. И. Чайковского в этом направлении была весьма важна и послужила стимулом для дальнейших исканий композитора в области развития русской духовной музыки. В 1885 году было издано ещё девять духовно-музыкальных сочинений Чайковского. А в 1886 году на церковно-музыкальном вечере в Московской консерватории было исполнено ещё несколько его духовных песнопений. В письме меценатке госпоже Н. Ф. фон Мекк автор писал: «...Один из лучших московских церковных хоров исполнил по программе, мной составленной, различные новейшие сочинения из области церковной музыки. В том числе и несколько моих новых вещей было спето очень хорошо. Вообще в последнее время наша духовная музыка начинает идти по хорошей дороге вперед» [10, с. 1771]. Но несмотря на намерение композитора заняться основательно этим жанром, за исключением хора «Ангел вопияше», сочинённого 18 февраля 1887 года, он уже не обращался к нему.

Огромный интерес русских композиторов XIX века к жанрам духовной музыки привело к её расцвету в XX веке. Церковные произведения А. Д. Кастальского были для многих музыкантов эталоном. Духовные сочинения композитора стали примером для многих музыкантов.

Русское музыкальное искусство XIX века прошло огромный исторический путь. Конец XIX — начало XX века стало для России временем испытаний, потрясений: с одной стороны, предчувствие приближающегося конца, с другой — поиски русской идеи. И в связи с этим усилился интерес к духовным истокам, берущим своё начало в древнерусском искусстве,

неразрывно связанном с православной верой. Сегодня невозможно представить становление и развитие духовной музыки этого периода без имён таких композиторов, как Д. С. Бортнянский, А. Д. Кастальский, Н. А. Римский-Корсаков, А. Т. Гречанинов, А. В. Никольский, М. М. Ипполитов-Иванов, П. И. Чайковский и другие.

Если вплоть до 1880 года сильное влияние на музыкальную жизнь России оказывала Придворная певческая капелла (Санкт-Петербург), то в конце XIX века наступила пора ценностей, символом которых стала древняя столица — возросло значение Московского синодального училища церковного пения и Синодального хора. Новый подход к изучению стиля русской церковной музыки был найден группой московских композиторов, возглавляемых А. Д. Кастальским. Музыканты стремились возродить национальные основы в русском церковном пении. Научные труды

С. В. Смоленского, А. В. Преображенского, а также связь А. Д. Кастальского с Синодальным хором и его талантливым регентом В. С. Орловым, способствовали развитию нового направления в церковной музыке. Многие композиторы старались поднять художественный уровень церковной музыки путём сочинения песнопений к целым службам — Литургии, Всенощному бдению. Авторы такой музыки — П. Г. Чесноков, А. В. Никольский, А. Т. Гречанинов, Н. И. Черепнин, М. М. Ипполитов-Иванов. В печати появилось большое количество хоровой литературы. Последние два десятилетия XIX века А. А. Блок назвал «русским возрождением». Рубеж двух веков — весьма значительный период для русского искусства, и в большей части для музыкального, это период расцвета искусства церковного, связанного с православием и историей России. Этот период современники называли подлинным «духовным ренессансом».

Список использованных источников

1. А. Т. Гречанинов: Воспоминания. Публикация. Переписка : в 2-х т. Т. 1 / сост., вступ. ст. и коммент. Е. Б. Сигейкиной. — Москва : Музыка, 2017. — 718 с.
2. Задерацкий, В. В. Век XX. Звуковые контуры времени. Музыкальные идеи и образы минувшего века [Текст] / В. В. Задерацкий. — Москва : Композитор, 2014. — 574 с. : ил., ноты, портр.
3. История русской музыки : в 10 т. Т. 9 : Конец XIX — начало XX века. — Москва : Музыка, 1994. — 452 с.
4. История русской музыки : в 10 т. Т. 10 А : 1890–1917 годы. — Москва : Музыка, 1997. — 541 с.
5. Лозинская, В. П. Русская духовная классическая музыка: монография / В. П. Лозинская. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2015. — 236 с.
6. Малацай, Л. В. Александр Никольский : творческая биография / Л. В. Малацай. — Москва : Дека-ВС, 2010. — 545 с.
7. Медушевский, В. В. Духовный анализ музыки : в двух частях / В. В. Медушевский. — 2-е изд. — Москва : Композитор, 2016. — 630 с.
8. Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. VIII, кн. 1 : А. В. Никольский и хоровое движение в России в начале XX века. Кн. 1 : Литературно-музыкальное наследие А. В. Никольского / Гос. ин-т искусствознания ; науч. ред. С. Г. Зверева ; подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. С. Г. Зверевой, А. В. Лебедевой-Емилиной, Н. А. Потемкиной ; науч. консультант А. А. Наумов ; лит. ред. М. П. Рахманова. — Москва : Изд. дом ЯСК, 2017. — 960 с., ил.
9. Чайковский, П. Письмо к М. И. Чайковскому от 24 мая 1881 г. // Чайковский П. И. Полное собрание сочинений : литературные произведения и переписка : в 16-ти т. Т. 10 : Письма 1881 год. — Москва, 1966. — С. 119–120.
10. Чайковский, П. Письмо Чайковского П. И. к Н. Ф. фон Мекк от 21 февраля 1886 г., с. Майданово / П. И. Чайковский // Переписка П. И. Чайковского с Н. Ф. фон Мекк : в 3 кн. Кн. 3 : 1882–1890 годы. — Москва : Захаров, 2004. — С. 1771.

Материал поступил в редакцию 12.08.2019.

Сведения об авторе: *Тринеева Инна Михайловна*, главный библиотекарь группы нотных изданий и музыкальных звукозаписей Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: *innatrineeva@bk.ru*.

ГАСЫМОВ ЭЛЬДАР ШАФИАДДИНОВИЧ

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО «КЛИПОВОГО МЫШЛЕНИЯ»

(на материале стихотворения Ф. Сваровского «Бедная Дженни»)

В статье рассматриваются языковые особенности современного «клипового мышления» на материале стихотворения Фёдора Сваровского «Бедная Дженни», а также сущность и причины возникновения «клиповости» в литературе и в повседневной жизни. Описывается отражение тенденций к фрагментации, или «мозаичности» семантики, синтаксических структур в разговорной речи и в художественном стиле. Раскрывается амбивалентность «клипового мышления», его объективное влияние на все уровни языка.

Ключевые слова: клиповое мышление, семантика, разговорная речь, художественный стиль, языковая норма, коммуникация.

Keywords: clip culture, semantics, colloquial language, writing style, linguistic norm, communication.

Клипное мышление — это процесс отражения множества разнообразных свойств объектов без учёта связей между ними. «Клиповость» характеризуется фрагментарностью информационного потока, алогичностью, полной разнородностью поступающей информации, высокой скоростью переключения между фрагментами информации, отсутствием целостной картины восприятия окружающего мира [5]. «Клипное мышление» приходит на смену традиционному линейному, знаменуя новый период в интеллектуальной жизни человека.

Целью статьи является изучение причин фрагментации сознания, исследование проявления «клиповости» в языке на материале стихотворения Фёдора Сваровского «Бедная Дженни» [3].

Проблема «клипового мышления» стоит сейчас довольно остро и с трудом поддаётся изучению, потому что затрагивает многочисленные процессы жизни людей [4]. Много сказано об изменении классического линейно-понятийного мышления и о превращении его в «клиповое», или — альтернативное, фрагментарное. Часть в данном случае не обладает целостностью, лишена логической взаимосвязи с другими фрагментами. Однако она заключает в себе главную информацию о том или ином предмете в сжатом виде, в чём, безусловно, кроется её достоинство.

В. Г. Белинский когда-то писал о целом и фрагментарном в художественном произведении: «Всё частное, всё случайное, всё неразумное есть *призрачность*, как противоположность действительности, как её отрицание, кажущееся, но не сущее. Человек пьёт, ест, одевается — это мир *призраков*» (курсив В. Г. Белинского. — Э. Г.) [1, с. 299]. Следуя этому принципу, берущему начало в философии Гегеля, критик осуждает комедию за неправдоподобность, несоответствие в изображении действительности. В. Г. Белинский превозносит «Ревизора» за «типизм» и соответствие действительности: «Поэт берёт самые резкие, самые характеристические черты живописуемых им лиц, выпуская все случайные, которые не способствуют к оттенению их индивидуальности» [1, с. 333]. В положениях, выдвинутых В. Г. Белинским, наблюдается желание избавиться от лишнего, ненужного, стремление к ограничению и выделению главного. Тогда как второстепенное, по его мнению, заведомо лишено художественности. Следовательно, ещё в XIX веке, до становления глобализации и информатизации, заметно стремление к более внимательному формированию фрагмента. Данный постулат позволяет предположить, что современная проблема «клипового мышления» основывается не на фрагментации как таковой, а лишь на чрезмерном сокращении части целого с утратой необходимой информации.

Искусство является действительностью в субъективном преломлении. Однако и в обычной жизни человеческое

мышление не способно охватить все объекты реальности, что может быть доказано ограниченными возможностями нашей памяти. Воспоминания — это осколки, в которых информация строится по иерархическому принципу. Человек без труда может вспомнить первый поцелуй, однако вспомнить время и место события не всегда представляется возможным, а свой внешний вид в тот момент восстановить в памяти почти нереально. В данном обстоятельстве проявляется фрагментация нашего сознания, заложенная в него самой природой. Мозг сохраняет приоритетную информацию и спешит избавиться от второстепенной, ненужной. И если ранее, до прихода индустриальной эпохи, информационный поток был ограничен, что позволяло делить его на мелкие части, связанные между собой, иными словами — воспринимать линейно, то с приходом индустриализации информационный поток возрастает, и ограниченные возможности человеческого сознания вынуждены воспринимать больше информации, деля её на мельчайшие фрагменты. Подобное явление было отмечено автором книг и статей философской и культурологической тематики, журналистом К. Г. Фрумкиным: «Умение переключаться растёт за счёт умения концентрироваться» [6]. Информация максимально сжимается, становится закрытым «блоком», не расположенным к обновлению, изменению, не воспринимается как знакомая, как составная часть известного, а является новым блоком, также впоследствии не связанным с другими. Так человеческое сознание стремится к «выживанию» в информационную эпоху.

Аналогичные процессы происходят и в языке. Экономия речевого пространства превращает слово в многофункциональную часть синтаксической мозаики. В первую очередь это отражается в бытовом общении, а также в интернет-речи, структурно напоминающей разговорную речь [2]. Устная коммуникация сухостью и краткостью изложения начинает лексически походить на вольный официально-деловой тон.

Лучше всего рассмотреть современные изменения языка на материале художественной речи, поскольку художественный стиль наиболее проницаемый для других стилей. Для анализа «клипового мышления» в поэзии представлено стихотворение Фёдора Сваровского «Бедная Дженни»:

*Корищенко первый раз поехал на отдых
один
на жену денег не хватило
растрата обусловлена
воспалением лёгких
врач сказал нужно где-то
прогреться
необходим тёплый,
насыщенный йодом воздух*

но в ближних странах всё
дорого теперь
пришлось выбирать из далёких

на пляже смотрит:
толстая шестнадцатилетняя
Дженни
купается с папой и мамой на
надувном матрасе
над рыхлой попою у неё
временная кельтская
татуировка
плывёт поперёк матраса
неловко
передвигая белыми
большими ногами

Корищенко думает:
спаси
Господь
всех неуклюжих
сделай из них людей
великодушных
сделай их такими
чтобы лучше этих всех
загорелых
стройных

думает:
если так уж
всё это необходимо
чтобы она такая

пусть эта Дженни
выйдет замуж
за хорошего какого-нибудь
умного мужа
хоть за моего младшего брата
Диму

он кандидат наук и доцент,
биолог
или за двоюродного Женю
он вообще пишет книги и уважаемый в
научном сообществе археолог

муж будет ценить вот эти
толстые её движения
ведь она же
не виновата

пусть у них родятся красивые дети
женского пола
и позже ещё ребята

даже позвонил жене
рассказал про всё это
она заплакала
говорит: Серёжа, у тебя нету
брата
Димы
нету никакого Жени
у тебя вообще родственников
нету
10 лет как никого не осталось

я же говорила
вот этого я и боялась
это опять обострение
у всех обычно весной
а у тебя
почему-то летом
сейчас же начинай пить
лекарство
и в середине дня вообще не
выходи из тени

Корищенко отвечает:
конечно
не беспокойся

и думает:

ни Мити тебе, ни Жени

бедная Дженни

бедная
наша
Дженни

В первую очередь следует обратить внимание на полное отсутствие пунктуационных знаков, за исключением шести знаков двоеточия и трёх запятых. Двоеточие удерживает на себе существование текста, без которого он превратится в хаотичный набор слов. Можно предположить, что пренебрежение правилами пунктуации является своеобразным «бунтом», дерзким выходом за рамки нормативного употребления. Ведь отсутствие авторской пунктуации — свобода читательской. Возможно, отступая от пунктуационных норм, автор хотел убедить читателя, что «мелкие» значения не влияют на основной смысл, способный существовать без знаков препинания.

Помимо отсутствия запятых, в тексте нет точек, следовательно, и заглавных букв, в связи с чем повествование заключено в одно предложение, что нарушает также и синтаксические нормы. Во второй строке первой строфы отсутствует подчинительный союз «потому что», а также и двоеточие, которое способно выполнять его функцию. Примечательно, что в тексте всего два причастных и один деепричастный обороты. Отсутствие причастных и деепричастных оборотов, любых обособлений в целом — главный признак разговорной речи, в которой обособления обычно не встречаются. Также данное положение может указывать на бедность речи, на блёклые, серые характеристики, которые плохо отражаются на общей выразительности языка, приводят к утрате признаков авторского стиля. Подобное обстоятельство является следствием клипизации сознания: автора не интересует, как он изъясняется, потому что главная задача — передача информации.

Лексический состав авторского языка, в котором встречаются слова «толстая», «попа», принадлежащие разговорному стилю, также свидетельствует о клиповой мозаичности. Особенно примечательно словосочетание «толстые движения», можно предположить, что автором намеренно была использована эналлага — смещение значения слова с одного определяемого на другое. Ср.: *толстые ноги* и *неуклюжие движения*. Однако художественных мотивов, доказывающих это предположение, найдено не было. Следствием активного употребления слов сниженной лексики является возрастание их многозначности и свободная транспозиция. Многофункциональность слов сниженной лексики представляет им «монополию» в словоупотреблении, помещая многие слова в пассивный запас. Данная тенденция приводит к языковой недостаточности, отсутствию языкового чутья, чрезмерному искажению в процессе интерпретации, что негативно сказывается на состоянии языка. Также языковая «мозаичность» и «хаотичность» «клипового мышления» проявляются в тексте в не соответствующих художественному стилю конструкциях: «растрата обусловлена воспалением лёгких», «дети женского пола». Важно отметить, что данные стилиевые нарушения, на наш взгляд, не оправданы и не несут эстетической функции. Кажется, что автор ограничен в словоупотреблении и использует определённое количество слов или конструкций для выражения мысли. Такое явление также обусловлено «клиповостью» сознания. Всё произведение представляется мозаикой, части которой взяты из разных композиций, но автор усиленно складывает фрагменты в желании воссоздать цельное произведение. Не менее любопытной оказывается флексия в слове «попою», вызывающая аналогию с высоким стилем и «золотым веком» русской поэзии. Ср.: *Татьяна русская душою*. Вероятно, подобное окончание в слове, принадлежащем сниженной

разговорной лексике, также является оскорблением привычных устоев поэзии, дерзким нарушением сложившихся представлений о поэзии. Слово «такая» в четвёртой строке пятой строфы примечательно с позиции семантики:

*если так уж
всё это необходимо
чтобы она такая*

Нормированное употребление указательного местоимения «такая» нуждается в последующем прилагательном, которое в данном случае отсутствует. В силу чего указательное местоимение выполняет функцию прилагательного. Возможно, в данном случае «такая» произносится с особой интонацией, благодаря которой передаётся степень оценки предмета, которую должен понять собеседник, как, например, в конструкции «Этот магазин такой!». Следствием подобного принципа является то, что указательное местоимение «такой» может выполнять разные функции, становясь многозначным прилагательным, стилистическая окраска которого воспринимается невербальным путём, что знаменует изменения не только на лексическом, но и на морфологическом уровне.

Ещё одной интересной особенностью текста является то, что на фоне отсутствия каких-либо средств выразительности и эстетически значимых тропов в тексте довольно активно используется инверсия, хорошо заметная в первой строке второй строфы:

но в ближних странах дорого теперь (верно: в ближних странах теперь дорого), и в третьей строке шестой строфы: *за хорошего какого-нибудь умного мужа* (верно: за какого-нибудь хорошего, умного мужа).

Инверсия может служить стилизацией под интернет-язык, распространённый в социальных сетях. Вероятно, этим и оправдано расположение строк, подобно поэтической строфе Маяковского. Обычно интернет-общение способствует раскрепощению личности, ликвидации психологических барьеров, смещению акцента с результата, то есть с потребления текстов, на сотворческий процесс их созидания, что, несомненно, вызывает волну языкового творчества, нового отношения к русскому языку, не только как к средству, но и как к форме выражения собственных творческих способностей [2]. Общаясь в Сети, человек всё чаще прибегает к ненужной инверсии, пытаясь как можно скорее выразить мысль; он всё чаще создаёт неполные предложения. Причиной в данном случае является фрагментарность сознания: попытки удовлетворить потребность в упорядочивании информации, но при этом справиться с мощным потоком всё увеличивающихся новостей становится сложнее. Следствием является слабая языковая обработка коммуникативного посыла, что приводит к неправильным конструкциям — к нарушению нормативного порядка слов.

Известно, что слово включает в себе целый ряд образных ассоциаций, что делает словесное искусство доступным бесконечному количеству интерпретаций. Несмотря на негативные последствия, отразившиеся в языке, их влияние на образный строй текста оказывается не так ощутимо. Условно в стихотворении можно проследить повествовательную композицию, а значит, правомерно говорить о сюжете. Завязка начинается преддверием поездки, после чего герой (Корищенко) оказывается на пляже, затем он начинает мечтать о будущем Дженни, где присутствуют даже оттенки лиризма, далее следует разговор с женой и, как единственное, но отнюдь не однозначное достоинство, — комический финал. Комизм в данном случае неоднозначен — резкое несоответствие положений. Языковой беспорядок не раскрывает главного героя в должной мере, в силу чего комический эффект не всегда может оказаться реализован. Также финал даёт право предположить, что вся история — бредовые мысли душевнобольного Корищенко, у которого с опозданием наступило весеннее психическое обострение, — это фрагментарность и мозаичность больного сознания, которое пытается увещевать жена просторечным словом «нету», будто всё рассказанное — это «клиповость» мышления Корищенко, а не самого автора.

Любопытно несоответствие имён: Корищенко и Дженни. Вероятно, сюжет связан с устоявшимися стереотипами о «русском человеке за границей». Причём имя Дженни в силу своей прецедентности вызывает у читателя ряд литературных ассоциаций. Стойкая натура Джейн Эйр, верная своим словам и чувствам Евгения (Ежени) Гранде, прекрасная и любимая Дженни, ставшая жертвой эпидемии, пушкинского «Пира во время чумы», романтическая Джинни Роберта Бёрнса, Прекрасная Дама куртуазной культуры Гинерва, «белая душа, нежное сердце» Дженни, о которой пела Елена Фролова. И далее список можно продолжить. Подобные ассоциации позволяют предположить, что в женском имени наличествует определённый смысл. Скрываются ли в образе намёки на сильный характер Дженни — героини Фёдора Сваровского, или же задача состоит в привнесении романтического оттенка, утверждать наверное довольно проблематично. Татуировка на теле Дженни характеризуется как кельтская. Такая необычная подробность при чтении вызывает недоумение и порождает различные трактовки. Возможно, описательно сниженный образ Дженни в связи

с данной деталью способен произвести комический эффект. Как современный представитель кельтского племени Дженни может напомнить о своём происхождении лишь татуировкой-символом.

Помимо общей прецедентности имени в тексте наблюдается трансформированное выражение «Бедная Дженни», которое ассоциируется с «Бедной Лизой» Н. М. Карамзина. В данном случае правомерно говорить о замене компонента в устойчивом сочетании. Мотивирована ли такая замена определённой художественной задачей, является ли намеренной языковой игрой, или же смысл снова заключается в пренебрежительном отношении к историко-культурному наследию наверное утверждать проблематично.

Единый сюжет располагает к сохранению и взаимодействию композиционных элементов, так что говорить о совокупной «клиповости» образного строя «произведения» не приходится. Структурно произведение логически связано, а потому создаёт определённую целостность. Данное положение доказывает возможность осуществления анализа данного текста.

Целью настоящей статьи являлось описание сущности клипового мышления на материале стихотворения Фёдора Сваровского «Бедная Дженни» и установление причин возникновения данного типа мышления.

В произведении были отмечены множественные нарушения грамматических норм и общая языковая недостаточность как отражение современной «клиповости» мышления. Лексические несоответствия заключались в игнорировании стиливых границ и использовании сниженной лексики. Выявлены причины подобных нарушений, а также возможные последствия. Примечательна морфологическая роль прилагательного «такая», предоставляющая возможность транспозиции лексической единицы. Обозначено немотивированное использование инверсии, затрудняющей процесс коммуникации. На образном строе произведения заметно снижение влияния фрагментарности сознания. Интерпретация текста позволила отметить прецедентное имя Дженни, рассмотреть общий композиционный рисунок, выделить коллизию.

Следует особо отметить амбивалентность «клипового мышления». Негативное влияние на язык не способствует снижению образного строя произведения. Перспективы, привнесённые новой системой мышления, вероятно, знаменуют собой качественные обновления в культуре.

Список использованных источников

1. Белинский, В. Г. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1 : Статьи и рецензии 1834–1841 / В. Г. Белинский. — Москва : Кн. Клуб Книговек, 2011. — 653 с.
2. Виноградова, Т. Ю. Специфика общения в Интернете / Т. Ю. Виноградова // Русская и сопоставительная филология : лингвокультурологический аспект / Казан. гос. ун-т. Филол. фак-т. — Казань, 2004. — С. 63–67.
3. Сваровский, Ф. Н. Все сразу / А. В. Ровинский, Л. Г. Шваб, Ф. Н. Сваровский. — Москва : Новое изд-во, 2008. — 168 с.
4. Семёнов, А. Н. Конфликт клипового мышления и традиционных методов обучения в высшей школе / А. Н. Семёнов // Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании : материалы 24-й Междунар. науч.-практ. конф., 23–24 апр. 2019 г., Екатеринбург / редкол.: Е. М. Дорожкина, В. А. Федорова. — Екатеринбург : РГППУ, 2019. — 589 с.
5. Семеновских, Т. В. Феномен «Клипового мышления» в образовательной вузовской среде / Т. В. Семеновских. — Текст : электронный // Наукоедение : Интернет-журн. — 2014. — № 5. — URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/105PVN514.pdf>.
6. Фрумкин, К. Г. Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры / К. Г. Фрумкин // Ineternum. — 2010. — Т. 1. — С. 26–36.

Материал поступил в редакцию 28.03.2020.

Сведения об авторе: Гасымов Эльдар Шафиаддинович, студент второго курса факультета филологии, переводоведения и межкультурной коммуникации Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Научный руководитель: Приходько Виктория Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и издательского дела Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактные данные: г. Хабаровск, пер. Облачный, д. 64, кв. 61; e-mail: Aldar283760@mail.ru; тел. 8-909-857-69-79.

ВАН ШИФА (王世发)

РАЗВИТИЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ КНР С КОНЦА 1970-Х ДО КОНЦА 1990-Х ГОДОВ

В статье рассматривается процесс трансформации международной торговли Китая в период 1970–1990-е годы в рамках реализации политики реформ и открытости.

Ключевые слова: Китай, международная торговля, политика реформ и открытости.

Keywords: China, international trade, Chinese economic reform and opening-up.

В конце 1970-х годов руководство Китая пришло к заключению, что для КНР как развивающейся страны необходимо максимально полное использование внешнего фактора в интересах экономического роста, активное подключение национальной экономики к мировым хозяйственным связям, извлечение максимальной пользы из международного разделения труда. На XI съезде КПК (проходил с 18 декабря по 22 декабря 1978 г.) была провозглашена открытая внешнеэкономическая политика, ставшая условием успешного функционирования народного хозяйства на новых принципах. В 1982 году она была законодательно закреплена в Конституции КНР. Китайские руководители неоднократно подчёркивали, что «реформы и открытость» — это генеральный курс, генеральная политика Китая.

Открытость внешнему миру — это самое важное преобразование сегодняшнего Китая, это движущая сила перехода КНР к рыночной экономике. К настоящему времени в КНР сложилась система многоступенчатой, многоканальной и всесторонней открытости внешнему миру через российское Приморье, бассейн Янцзы и внутриконтинентальные районы страны.

Наиболее радикальные принципы реформы системы внешнеэкономических связей предусматривают перестройку механизма управления, расширение экспортной базы внешних рынков, широкое привлечение иностранного капитала в кредитной и инвестиционной формах, различные формы производственной кооперации, научно-технического сотрудничества. Перестройка внешнеэкономической системы, придание ей открытого характера являлись важным стимулом быстрого расширения внешней торговли КНР.

Главные направления перестройки механизма управления внешней торговлей — последовательная децентрализация и децентрализация внешнеторговой сферы, постепенный переход государства от прямого административно-директивного управления к преимущественно экономическому контролю над внешними хозяйственными связями. В 1991–1996 годах Китай предпринял ряд новых мер по либерализации внешней торговли, например, полный отказ от государственного субсидирования экспорта, отмена регулирующего налога на импорт и снижение импортных таможенных тарифов (до апреля 1996 г. — 35,9%, в период с мая 1996 г. до сентября 1997 г. — 23%, с октября 1997 г. до настоящего времени — 17% [1, с. 93, 107]), отмена импортных квот, сокращение экспортного лицензионного списка (на 16 пунктов из 22). Важным мероприятием по реформированию механизма внешней торговли стало решение о санкционировании создания специализированных внешнеторговых предприятий (СП) с иностранными инвестициями (Временные правила приняты Госсоветом

в сентябре 1996 г.). Создание таких СП разрешено только в двух местах — Пудуне (район Шанхая) и специальной экономической зоне Шэньчжэнь.

Меры по максимальному расширению географии внешней торговли КНР сочетались с преимущественной ориентацией внешнеэкономических связей на страны с развитой рыночной экономикой — государства Запада, Японию и новые индустриальные страны (НИС) Азии: Сингапур, Южную Корею, Малайзию. К 1999 году торговые представительства Китая были учреждены более чем в двухстах странах. Ведущими торговыми партнёрами КНР являются Япония и США.

За годы реформы в ходе реализации экономической стратегии КНР внешняя торговля превратилась в один из наиболее динамично развивающихся путей подъёма народного хозяйства, интеграции Китая в мировое экономическое сообщество, в способ обеспечения экономической безопасности. За 1978–1999 годы внешнеторговый оборот вырос в 14,1 раза (с 20,6 до 323,3 млрд долл.), в том числе экспорт — в 19 раз (с 9,8 до 184 млрд долл.), импорт — в 12,8 раза (с 10,9 до 140 млрд долл.). По этому показателю Китай передвинулся с 32-го места (1978 г.) на 11-е место в мире [1, с. 56, 63].

Доля экспорта КНР в мировой торговле выросла с 0,75% в 1978 году до около 3% в 1999-м [2, с. 2]. Внешнеторговая зависимость экономики КНР (процентное соотношение объёмов внешней торговли и ВВП или ВНП) увеличилась с 9,8% в 1978 году до 40,26% в 1999 году; в 1950-е – 1970-е годы данная зависимость была несравнимо меньше, составляя в среднем 4,2%. К концу 1990-х годов товарный экспорт КНР давал 80% всех валютных поступлений.

В экспортной политике КНР главные усилия были сосредоточены на обеспечении опережающего роста вывоза готовых промышленных изделий (в 1980–1999 гг. доля их в экспорте возросла с 46,6% до 85,6% [3, с. 7]) и на постепенном совершенствовании внутренней структуры этой группы изделий в направлении снижения в ней удельного веса трудоёмких и соответствующего повышения доли фондо- и наукоёмких товаров.

В импортной политике упор был сделан на преимущественный ввоз в страну высокотехнологичного оборудования, машин, ноу-хау, комплектующих изделий для экспортных производств. Закупкой этих товаров в годы реформ было обеспечено около 2/3 прироста промышленного производства в таких приоритетных отраслях, как радиоэлектроника, энергетика, металлургия, химия, транспорт.

XV съезд КПК, который проходил с 12 по 18 сентября 1997 года в Пекине, указал на то, что основными направлениями расширения открытости КНР внешнему миру являются развитие внешней торговли, дальнейшее снижение общего

уровня таможенных тарифов, приобретение передовой технологии и современного оборудования, углубление реформы системы внешнеэкономических связей и создание климата равноправной конкуренции.

Список использованных источников

1. Буглай, В. Б. *Международные экономические отношения / В. Б. Буглай, Н. Н. Ливенцев. — 2-е изд. — Москва : Финансы и статистика, 1997. — 158 с.*
2. *Оценка индийскими экономистами опыта КНР по созданию СЭЗ // БИКИ. — 2005. — № 21 (22 февр.).*
3. 宋涛《中国对外经济关系的理论与实践》。1989 年出版于中国北京。出版社：高等教育出版社。247 页。

Материал поступил в редакцию 20.04.2020.

Сведения об авторе: Ван Шифа (王世发), студент-магистрант Института экономики и управления Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: 2014103236@pnu.edu.ru; тел. 8-924-203-09-88.

КОНЫШЕВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА

ОТ СЕЛЬСКОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ ДО КАНДИДАТА НАУК

Статья знакомит с хранящейся в Камчатском краевом объединённом музее (г. Петропавловск-Камчатский) уникальной коллекцией документов и фотографий из личного архива учёного-этнографа, исследователя культуры народов Сибири и Дальнего Востока Елизаветы Порфирьевны Орловой (1899–1976). Необычная судьба архива, состоящего более чем из тысячи единиц хранения, его ценность и значимость для истории Камчатки подвигли автора к написанию данной статьи.

Ключевые слова: Камчатка, культура, этнография, учёный, архив, историк, народы Севера, Сибирь и Дальний Восток, букварь народов Севера, ительмены, алеуты, эвены, коряки, народы Камчатки, перепись, фотография, экспедиция, монография.

Keywords: Kamchatka, culture, ethnography, scientist, archive, historian, indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East, the North peoples alphabet book, Itelmens, Aleuts, Evens, Koryaks, peoples of Kamchatka, census, photo, expedition, monograph.

В 2011 году Камчатский краевой объединённый музей (г. Петропавловск-Камчатский) отметил столетний юбилей. Одним из самых дорогих подарков стал уникальный архив учёного этнографа, исследователя культуры народов Сибири и Дальнего Востока Елизаветы Порфирьевны Орловой (1899–1976). Фонды музея пополнились более чем на тысячу единиц хранения. Кто-то спросит: откуда берутся дарители и как в музей попадают предметы? Часто дарители приходят сами, приносят вещи, которые хотели бы сохранить для истории. Некоторые из дарителей принимают решение передать в дар музею ту или иную реликвию после общения с сотрудниками музея. Архив Е. П. Орловой музею передал в дар Юрий Анатольевич Цвиркунов.

В 1966–1971 годах Юрий Анатольевич работал геологом в Корякском автономном округе в Пенжинской экспедиции на Камчатке. Из письма Ю. А. Цвиркунова: «Пересылаю Вам найденные материалы из архива этнографа Е. П. Орловой, работавшей на Камчатке, Дальнем Востоке и Сахалине в 30-х гг. XX столетия... Я сам в 1966–1971 гг. работал геологом в Пенжинской экспедиции, и поэтому мне не безразлично культурное наследие, оставленное при изучении этого края».

Елизавета Порфирьевна Орлова, 1964 год.

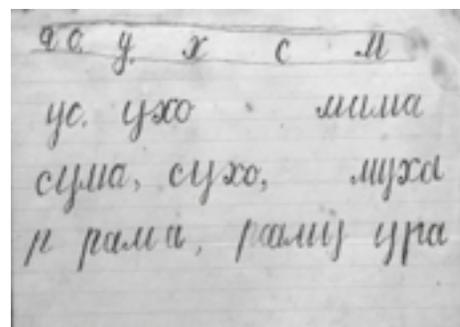
Юрий Анатольевич проживает в Санкт-Петербурге на улице Димитрова; однажды он пошёл выносить мусор и около мусорных контейнеров обнаружил пакеты и коробки с документами и фотографиями... Это был архив Е. П. Орловой. Большое количество аннотированных самой Елизаветой Порфирьевной снимков, документы, многочисленные заметки, рисунки, дневники, рукописи — ценнейший архив этнографа. Трудно понять, каким образом архив оказался выброшенным и почему. Можно лишь только догадываться. Но то, что архив был выброшен в нужном месте и был обнаружен человеком, связанным с Камчаткой и понимавшим ценность своей находки, это неоспоримый факт. Архив в музей, по просьбе Ю. А. Цвиркунова, привезла его родственница Ирина Александровна Троскина, которая живёт и работает на Камчатке ведущим бухгалтером Института космофизических исследований и распространения ДВО РАН.

Среди документов и фотографий, найденных Ю. А. Цвиркуновым, была часть документов, которые относились к исследованиям Е. П. Орловой и в других регионах Севера и Дальнего Востока. Их Юрий Анатольевич также передал по назначению — в Томский, Якутский и Санкт-Петербургский музеи. В январе 2012 года сын Ирины Александровны Троскиной — Дмитрий, приезжал на каникулы домой и привёз вторую часть архива, переданную Ю. А. Цвиркуновым. Вторая часть содержит записи, дневники, рукописи, планы экспедиций, отчёты и статьи докладов Е. П. Орловой, которые пополнили коллекцию музея.

Ламуты Коерковы и Солодиковы с верховьев реки Ичи. Камчатка. 15 января 1927 года. Фотография Е. Орловой.

Изучая архивные материалы Орловой, можно проследить практически все её экспедиции на Камчатку. Вот, например, фотографии из первой экспедиции — поселения коряков и ламутов, женщины и мужчины, дети. Ламуты танцуют танец «Норгали», а на обороте пофамильно записаны участники танца. Фотографии студентов Дальневосточного

Рисунки ламутов и коряков Тигильского, Усть-Камчатского и Большерецкого районов Камчатки, собранные в 1926–1927 годах Е. П. Орловой.

техникума народов Севера, которые помогли составить учебники на своём родном языке. Большое количество рисунков ламутов и коряков Тигильского, Усть-Камчатского и Боль-

Рисунки ламутов и коряков Тигильского, Усть-Камчатского и Большерецкого районов Камчатки, собранные в 1926–1927 годах Е. П. Орловой.

шерецкого районов, собранные в 1926–1927 годах Е. П. Орловой. На них мы видим бытовые сцены из жизни коряков и ительменов, предметы быта и проч. Многие рисунки подписаны самими авторами: Витя Соловьёв, ученик 4-й группы, Николай Пешков, ученик 3-й группы, Григорий Коерков и другие. Среди этих рисунков оказались и акварельные работы самой Елизаветы Орловой: окрестности села Тигиль, речка Коханка близ села Хайрюзово, речка Напана. В архиве оказалось большое количество записей этнографа о количестве посещаемых селений, о верованиях и обычаях — все эти записи использовались для написания научных работ Е. П. Орловой.

Е. П. Орлова принадлежит к старшему поколению этнографов школы Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза. Всю свою жизнь она отдала науке, более пятидесяти лет занималась этнографией народов Сибири и Дальнего Востока.

Семейство Косыгиных. Камчатка. Селение Хайрюзово. 16 октября 1926 года. Фотография Е. Орловой.

Е. П. Орлова — учёный, этнограф, который не только изучал и исследовал культуру и быт малых народов Севера, но и сам активно участвовал в переустройстве их жизни.

Елизавета Порфирьевна Орлова родилась 22 октября 1899 года в г. Бежецке Тверской губернии (ныне Тверская область). В 1909 году поступила и в 1918 году окончила Бежецкую женскую гимназию с золотой медалью и до 1921 года работала учительницей и заведующим начальной Хутор-Приютской школы Поречской волости Бежецкого уезда. В 1921 году она уезжает в Петроград, где поступает в Географический институт, на только что открывшийся этнографический факультет, деканом которого стал профессор Л. Я. Штернберг.

Географический институт размещался в бывшем особняке одного из великих князей на набережной реки Мойки. Роскошные залы особняка были холодными. Студенты ходили в валенках, сапогах и чунях, а на лекциях сидели в шубах и пальто. Лекции по этнографии проходили в актовом зале, который был облицован дубом, с тяжёлыми дверями и массивными медными ручками. «Эти двери скрипели, впуская опоздавших, и студенты сочинили “поэму”, в которой были слова: “...о двери дубовые, двери старинные, зачем вы терзаете души невинные”» [1].

Первое общественное поручение Е. П. Орловой — назначение заведующим одним из студенческих общежитий. Хлопот было много: составить график дежурств, назначить на заготовку дров, принять и устроить вновь прибывших. Студенческая жизнь была нелёгкой. Питались очень скудно: 400 грамм хлеба в день, а на месяц выдавалось 200 грамм сахара, два килограмма круп и немного подсолнечного масла. Поэтому студенты частенько разгружали вагоны, работали везде, где можно подзаработать и продержаться. Жили трудно, но интересно, учились вдохновенно и увлечённо.

Во время учёбы в институте, с третьего курса, началась этнографическая деятельность Е. П. Орловой. Летом 1923 года она уезжает изучать лопарей (саами), самоедов (ненцев) и зырян на Кольский полуостров. О распределении студентов на практику в своей книге («Лев Яковлевич Штернберг». М., 1975) интересно рассказывает Нина Ивановна Гаген-Торн — этнограф, историк, поэтесса и писатель-мемуарист: «Вы кидаете их на практику, как в воду щенят», — покачивая головой, тихо сказал Л. Я. Штернберг. «Сильных так и отбирают, — усмехнулся Богораз, — поплывут! В крайнем случае, телеграфируют с места о помощи. Те, кому быть этнографами, научатся ориентироваться в любой обстановке, а остальные отсеются»».

Елизавета Орлова ехала на Кольский полуостров по Мурманской железной дороге четверо суток, потом ещё несколько дней по воде и болотам. В этой экспедиции она сильно простудилась, начался туберкулёз лёгких. Тем не менее была привезена её первая научная статья. С возвращением из экспедиции Е. Орлова переехала жить к подруге Соне Могиланской на Васильевский остров. Дружба с Могиланской, родившаяся в студенческие годы, была пронесена через всю жизнь.

По окончании института Е. П. Орлова уезжает на производственную работу на Камчатку для изучения быта, культуры и языка камчадалов. Е. Орлова поехала безо всяких средств и определённого места работы. Для того чтобы добиться своей цели, то есть заняться этнографией камчадалов-ительменов, она примкнула к Всесоюзной переписи населения северных окраин 1926–1927 годов. С переписи

началась её научная деятельность.

Сначала Е. П. Орлова работала секретарём Туземного подотдела Камчатского Губревкома в г. Петропавловске, а с июня 1926 года — сотрудницей Всесоюзной переписи населения и хозяйства северных окраин. Для статистической работы она получила участок на западном побережье Камчатки

Семейство ламутов Солодиковых (Федот) с реки Ичи. Камчатка. 15 января 1927 года. Фотография Е. Орловой.

от Большерецка до Тигиля, включая всё кочевое население — коряков, ламутов, и до долины реки Камчатки на востоке, а также листок переписи, который содержал 964 вопроса. Выехала из села Тигиль верхом на лошади. Когда установился санный путь, продвигалась на собаках. И лишь в апреле 1927 года, проехав 2 800 километров, Е. Орлова закончила обследование и перепись вверенного ей района. Таковы цифры! А за ними — месяцы тяжёлого пути: пурга, морозы, бездорожье. Этнография — наука путешественников.

Перепись 1926 года проводилась по инициативе Комитета Севера, который изучал, исследовал, выяснял вопросы хозяйственные и культурные вопросы устройства народов Севера. Перепись впервые в истории России и всего мира дала ясную картину состояния экономики, хозяйства, быта и культуры народов Севера, его численности с разбивкой по национальностям. Её материалы легли в основу всей дальнейшей хозяйственной, административной и научно-исследовательской работы на Севере. «В переписи приняли участие многие студенты этнографического факультета Ленинградского географического института, поэтому перепись была проведена на высоком уровне, со знанием дела» [1].

Перед Е. П. Орловой открывалась своеобразная, удивительная и неповторимая жизнь народов Севера. Участие в переписи дало возможность практически изучить язык, экономику, культуру и быт народов северной Камчатки: камчадалов, коряков, ламутов, и получить исчерпывающий статистический материал, который был положен в основу её научных трудов.

По возвращении из командировки с Камчатки Е. П. Орлова поступила в Ленинградскую школу иностранных языков, на отделение иностранных языков (изучала английский язык), где обучалась с декабря 1927-го по лето 1930 года. В 1928 году Е. П. Орлова работала научным сотрудником Русского музея и преподавателем ительменского языка в Институте народов Севера. Летом 1930 года её пригласили на работу в Дальневосточный комитет Севера в г. Хабаровск. Она приезжает в институт и возглавляет социально-культурный раздел работы комитета. Работает сразу на трёх должностях: научным сотрудником, заведующим культурно-социальным сектором и начальником нового отдела алфавита. Последняя должность была самой трудной — ведь никакого алфавита ещё не было. Е. П. Орлова одновременно преподавала в Дальневосточном техникуме народов Севера, который был открыт в 1926 году. Первый набор техникума выпустил 40 учащихся из народов Севера, из них 7 ительменов. В 1929–1930 годах северное отделение стало Техникумом народов Севера, в нём обучалось около 400 человек, зырян — детей 19 национальностей по трём основным на-

правлениям: педагогическое, административно-советское и колхозно-кооперативное. Техникум в основном готовил национальные кадры для работы в сельских советах, колхозах и школах.

Бригада нанай (гольдов и ульчей) Дальневосточного техникума народов Севера над составлением нанайского букваря и словаря под руководством Н. М. Косякова. Хабаровск. 1931 год. Фотография Е. Орловой.

Совершенно очевидной стала необходимость создания письменности на языках народов Севера и ликвидации почти стопроцентной неграмотности. С 1930 года Орлова назначается руководителем отдела социалистической культуры и возглавляет лингвистическую работу в техникуме. К марту 1932 года было создано 8 лингвистических групп: тунгусская, гольдско-ульчская, корякская, ламутская, гилякская, алеутская, эскимосская и ительменская, последними четырьмя руководила Е. П. Орлова. В её группе работали эскимосы — Бычков и Лейта; алеуты — А. Ножиков, П. Волокитин, А. Паньков, Сушков; ительмены — Ф. Слободчиков, Г. Садовников; гиляки — Пендик, Клынген, Мак. Так претворялось в жизнь решение Первой Всероссийской конференции по созданию письменности и букварей на 16 языках народов Севера. Первый букварь «Будем учиться» был написан Е. П. Орловой при участии учеников Дальневосточного техникума народов Севера ительменов Ф. Слободчикова, Г. Садовникова и отчасти У. Ласточкиной и М. Павлуцкой. Орловой приятно было видеть, как постепенно, по мере продвижения работы над первой книгой на родном ительменском языке разбивалось убеждение учеников-подростков в невозможности написать букварь, и «дело было доведено до победного конца, несмотря на слёзы учащихся-ительменов» [1].

Развитие культуры требовало ускорения темпов развёртывания всеобщего начального обучения, ликвидации неграмотности среди взрослого населения, развития прессы на родном языке. Исходя из этого, Корякский окружной комитет нового латинизированного алфавита поставил свои практические задачи на 1932–1933 годы: было намечено охватить работой по ликвидации неграмотности на родном

языке в Тигильском районе 350 человек, в Карагинском — 160 человек, в Олюторском — 400 человек, в Пенжинском — 500 человек. Предполагалось провести ликвидацию азбучной неграмотности на корякском языке среди партийных, комсомольских и административно-советских работников округа и районов.

В 1932 году вышли из печати первые в истории малых народов буквари: «Наша жизнь» на эскимосском языке, в нём было 116 рисунков, тираж — 1 000 экземпляров; «Будем учиться» на ительменском языке. Букварь-рукопись «Восход солнца» на алеутском языке был взят в комитет национальностей. 1932 год стал годом письменности народов Севера. В 1933 году выходит учебник «Арифметика» — задачник, первый год обучения на ительменском языке; «Первая книга для чтения на эскимосском языке».

Работая в комитете Севера, Е. П. Орлова в 1932 году совершила экспедицию в низовье Амура с целью изучения гольдов, ульчей и гиляков, живущих в бассейне реки от Хабаровска до Николаевска. В 1934 году совершает экспедицию на Чукотку, в Чукотский район, для работы по эскимосскому языку. Там ею проверялся первый эскимосский букварь. Она посещает Уэлен, Наукан, бухту Лаврентия, бухту Провидения, Анадырь, Усть-Камчатск и Петропавловск.

С различного рода проблемами встречались работники Комитета Севера, педагоги, медицинские работники. Приходилось проводить большую работу по привитию элементарных гигиенических норм жизни, учить умываться, стирать, мыть посуду и проч. Велась большая просветительная работа среди родителей, которые боялись и не хотели отдавать детей в школы.

Преодолевая огромные трудности, жестокий климат и тяжелейшие бытовые условия, этнографы, педагоги, врачи старались побороть многовековую отсталость малых народов Севера и победили. В этой победе весомый вклад этнографа Е. П. Орловой.

Результатом работы в Комитете Севера явились научные работы Елизаветы Порфирьевны. С возвращением в 1936 году в Ленинград она работает в музее Арктики по подготовке и организации отдела гидрологии и гидрографии. Одновременно по поручению Института народов Севера работает над статьёй об азиатских эскимосах, у которых она побывала в 1934 году. С осени 1937-го по осень 1941 года преподавала географию, геологию и астрономию в средних школах Ленинграда.

С сентября 1941-го по октябрь 1943 года была счетоводом колхоза «Московский безбожник» и в то же время заведовала Хутор-Приютской начальной школой Калининской области (по сентябрь 1945 г.). С декабря 1945 года работала в Географо-экономическом научно-исследовательском институте ЛГУ, занимала вакантную должность чертёжницы.

23 января 1947 года Е. П. Орлова успешно защищает кандидатскую диссертацию «Камчадалы-ительмены», и 31 марта учёный совет ЛГУ утверждает её в учёном звании кандидата географических наук. В 1949 году Елизавету Порфирьевну приглашают заведовать отделом Сибири и Дальнего Востока в Государственном музее этнографии народов СССР. Помимо текущей работы и создания экспозиций, она определяет много коллекций, не описанных с 1904 по 1910 год и, конечно, вновь отправляется в экспедиции на Дальний Восток. Изучен современный быт, собраны коллекции у следующих народов Севера: ульчей, негидальцев, гиляков-нивхов, тунгусов-эвенков, ороков-ульчей. Экспедиция летом 1957 года в низовья Амура и южную часть острова Сахалина: изучены дополнительно гиляки-нивхи, ороки-ульчи и нанай-гольды. Собраны этнографические коллекции и разобраны этнографические коллекции в Хабаровском музее в связи с подготовкой к празднованию 100-летнего юбилея г. Хабаровска и отсутствием в музее этнографа. Экспедиция 1958 года на Камчатку для изучения современного положения ительменов, коряков и эвенков. Изучением охвачен район от Тигиля до Ичи, бассейн реки Камчатки. Очень экзотичен был переезд зимой на морском катере от Ичи до Крутогорова. Ехали в валенках, в которых пришлось прыгать в воду с катера на песчаный берег, выждав, когда откатится волна. От Крутогорова до Петропавловска добирались самолётом Ан-2. Также в изучение входили следующие районы: Эссо, Анавгай, Тваян, Лаучан, Петропавловск-Камчатский. Собраны уникальные этнографические коллекции. Более 1 000 километров на Камчатке объезжено Орловой верхом на лошадях, и это в канун своего 60-летия! «Лошадь местной породы низкорослая, с длинной пушистой шерстью, чаще белой или светло-серой масти — служила главным транспортным животным в летний и осенний периоды, но шла только под вьюк и использовалась для верховой езды, для охоты на соболя и медведя — осенью. Колёсных дорог и телег в 1926–1927 гг. на западном берегу Камчатки не было. Единственная колёсная дорога связывала Петропавловск и Елизово» [1]. После этой поездки Е. П. Орлова разобрала во Владивостоке все этнографические коллекции, которые были привезены Литке, Лисянским и Арсеньевым. В результате этих экспедиций собраны, зарегистрированы и описаны тысячи этнографических предметов, которые сейчас составляют гордость Российского этнографического музея. За время работы в музее во Владивостоке Е. П. Орловой написаны научные статьи для Большой Советской энциклопедии (БСЭ), для серии «Народы мира»: «Современное население Гренландии», «Эскимосская проблема», «Гренландские эскимосы», которые были опубликованы в 1959 году.

В 1960 году Е. П. Орлову приглашают в Академгородок, что в 30 километрах от Новосибирска, где родился новый, сибирский центр науки, в том числе и исторической. Она без колебаний приняла приглашение и решила ехать, чтобы растить свои, сибирские, кадры этнографов. Елизавета Порфирьевна была глубоко убеждена, что этнография — важнейшая гуманитарная наука, это наука о человеке. Она мечтала о создании в Сибири Дома Севера — института или музея-центра, где сосредоточится всё изучение северной цивилизации. Этнографический музей народов Севера необходим историкам, археологам, вообще каждому культурному человеку.

За четыре года работы в Сибирском отделении АН СССР Е. П. Орлова три раза побывала в этнографических экспедициях. Первая из них состоялась в 1961 году на Камчатку и Командорские острова. Изучала изменения быта и культуры народов Севера: ительменов, эвенков, коряков и алеутов. Она посетила Петропавловск-Камчатский, Усть-Камчатск, Оссору, Карагу, Корф, Пахачу, долину реки Камчатки, Никольское (на острове Беринга), Преображенское (на острове Медном). «Для ознакомления с современным бытом и культурой коряков Камчатки я посетила в 1961 году селение Карагу и селения Седанка и Белоголовое, кроме того собрала цифровой материал по корякским селениям Лесной и Воямполке. В Караге были сосредоточены представители 8 национальностей, но подавляющее большинство составляли всё же коряки — 316 человек из общего числа 371, русских 11 человек, метисов (коряко-русских) 39 человек. Свой язык коряки сохранили очень хорошо, хотя молодёжь уже хорошо владеет и русским языком» [1]. За полгода посетила 26 населённых пунктов, в районных и сельских советах делала выборки материалов для характеристики состояния экономики и культуры народов Севера, чтобы при написании разделов, касающихся народов Севера в много-томнике «История Сибири», был достаточно чётко показан тот исторический скачок, который народы Севера сделали из разных ступеней первобытнообщинного строя. Тем не менее Е. П. Орлова считала, что наряду с колоссальными достижениями имеются и недостатки, которые требуется исправить. Вот, например, некоторые из них:

1) в Тигильском районе был допущен шаблонный подход при проведении укрупнения колхозов, без учёта географических условий Камчатки и национальных особенностей ительменов, в силу чего оказались брошенными хорошие в физико-географическом отношении места, на берегах крупных рек в зоне леса, обжитые в течение столетий;

2) имеют место хронические опоздания с доставкой грузов пароходами в Тигильский район;

3) в 1961 году в Быстринском районе кроме районного центра селения Эссо осталось только два селения — Анавгай и Тваян;

4) учитывая сильное распространение заболевания туберкулёза лёгких среди коряков Караги, целесообразно построить туберкулёзный санаторий, пионерский лагерь и оздоровительную площадку на старом месте Караги в зоне леса;

5) планы заготовки строевого леса в Усть-Камчатском районе находятся в полном несоответствии с возможностью вывоза древесины;

6) расплата за шкуры котика, добытых алеутами Командорских островов, производится не на месте добычи зверя, а по состоянию шкуры при приёмке в Ленинграде, шкуры теряют своё качество при транспортировке, тем самым алеуты теряют свой доход;

7) требуется принять радикальные меры, чтобы ликвидировать пьянство населения всех слоёв и национальностей, оно губит людей, лишает их воли и сводит на нет многие добрые начинания, которые направлены на улучшение быта и культуры народов Севера.

В 1962 году любимая Камчатка вновь открылась перед Е. П. Орловой. Изучением охвачены селения окрестностей Петропавловска-Камчатского, Авача, Елизово, учёный работала в камчатском музее и архиве. За два с лишним месяца работы среди всех групп ительменов Е. П. Орловой был собран достаточный цифровой материал для характеристики экономического быта ительменов по состоянию на 1 января 1962 года. В Тигиле, в районном статистическом управлении, она получила официальные сведения о населении Тигильского района на 1 января 1961 года, но там были учтены только коряки и ительмены, не было отдельного учёта русских и метисов. Поэтому Орлова учла всё население района расселения ительменов — от Тигиля до Сопочного включительно, с детальной разбивкой по народностям, учитывала степень метисации ительменов и ассимиляции их другими народностями. Самым разнообразным по национальному составу к 1962 году было молодое, быстро растущее селение Усть-Хайрюзово: там жили представители 21 народности. На втором месте по разнообразию населения стояло Хайрюзово, объединяющее представителей 14 различных народностей; на третьем — Тигиль (13 народностей); в Ковране сосредоточились представители 9 национальностей, в Седанке-Кочевой — 8; в Напане и Белоголовом — по 7, в Моршечном — 2.

Таким образом, монолитная в 1926–1927 годах малая народность Севера ительмены-камчадалы перестала быть изолированной. К 1962 году она вступила в тесный контакт с другими народами Советского Союза. В подавляющем большинстве случаев ительмены вступали в брак с русскими и коряками, перенимали от русских более высокую культуру и язык. Так постепенно, начиная с детских яслей-садилов и школ-интернатов, ительменские, корякские, эвенские и

алеутские дети отвыкали от своего родного языка, заменяя его русским.

В плане своей экспедиционной работы на 1962 год Е. П. Орлова особо отметила пункт — посетить ительменов западного побережья Камчатки для углублённого изучения этнографии, фольклора и языка, для окончательного завершения и подготовки к печати своей монографии об ительменах. И вот, в 1964 году учёным подготовлена монография «Камчадалы-ительмены в прошлом и настоящем», в которой использовано 116 источников и личные наблюдения с 1926 года. В монографии на примере одной из малых народностей — ительменах — рассказана история социалистических преобразований. Как считала Е. П. Орлова, монография об ительменах — главный труд её жизни.

Большое место в жизни Елизаветы Порфирьевны занимала педагогическая деятельность, которой она отдала более 15 лет. Это работа в школе, Институте народов Севера в Ленинграде, Дальневосточном техникуме народов Севера, Новосибирском государственном университете. Педагогическую деятельность она считала неотъемлемой частью научной работы. В 1962 году в Новосибирском университете был открыт гуманитарный факультет, который начал подготовку этнографов для работы в Сибири и на Дальнем Востоке. Первым преподавателем этнографии была Елизавета Порфирьевна Орлова. Она читала два курса лекций: «Основы этнографии» и «Этнография Сибири». Её лекции отличались большим объёмом фактического материала и научной глубиной, читались легко, просто. Слушать их приходили студенты других факультетов, например, математики и биологии. Свою любовь, увлечённость этнографией Е. П. Орлова передавала студентам, сама она была примером, каким должен быть этнограф.

В 1964 году Е. П. Орлова возглавила этнографическую экспедицию студентов в Горную Шорию, где изучался быт и культура северных алтайцев. Вместе со студентами она ехала на попутных машинах, на лодках по быстрым горным рекам, делила все тяжести и трудности поездки (в 65 лет!). Елизавета Порфирьевна стремилась передать молодому поколению все свои знания, весь свой богатейший опыт полевых работ. Студенты любили и уважали её за принципиальность, справедливость, доброту и внимание, интерес к студентам и их жизни, за помощь, которую она постоянно оказывала.

С уходом на пенсию Е. П. Орлова по-прежнему занимается любимым делом — этнографией. В Москве в 1964 году состоялся Международный конгресс археологов, антропологов и этнографов, на котором она выступила с докладом «Алеуты Командорских островов». В 1964 году из печати вышла монография Е. П. Орловой «Чукотская, корякская, эскимосская и алеутская резная кость».

ГОДИНА ТАМАРА СЕРГЕЕВНА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Статья посвящена нескольким этапам археологических исследований на Дальнем Востоке — начиная с середины XIX века и заканчивая современным периодом (начало XXI века). Особый акцент сделан на учёных-археологов, которые привнесли наиболее значимый вклад в изучение древнейшего прошлого Дальневосточного региона: В. К. Арсеньева, А. П. Окладникова, И. Я. Шевкомуда, а также организации, занимающиеся изучением и распространением археологических знаний на территории нашего края: ИИАЭ ДВО РАН (г. Владивосток), Музей археологии (г. Хабаровск), Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Хабаровского края (г. Хабаровск).

Ключевые слова: археология, археологические исследования на Дальнем Востоке, Арсеньев, Окладников, Шевкомуд, Музей археологии, древность, осиповская культура, Дальневосточная археологическая экспедиция, Нижний Амур, археологические раскопки, петроглифы, методы датирования.

Keywords: archeology, archaeological research in the Far East, Arsenyev, Okladnikov, Shevkomud, Museum of Archeology, antiquity, Osipov culture, Far Eastern Archaeological Expedition, Lower Amur, archaeological excavations, petroglyphs, dating methods.

Российский Дальний Восток — это обширный регион, протянувшийся от Северного Ледовитого океана и Аляски до Китая. Большая часть его территории — это суровые горы, болота, тайга и тундра. Но вот уже тысячи лет здесь живут люди, осваивая природные богатства, обживая и обустроивая его.

Далёкое прошлое всегда притягивало внимание людей. Уже первые русские землепроходцы — казаки, пришедшие на Амур в середине XVII века, обратили внимание на следы древних культур, положили начало собиранию сведений о древней истории Дальнего Востока.

Археологическое изучение Дальневосточного региона началось в середине XIX века. В этот период происходило становление здесь археологических исследований. Первые раскопки в Приамурье проводились во время экспедиции флотилии Н. Н. Муравьёва-Амурского. При посещении Албазино в мае 1854 года по приказанию Муравьёва было сделано описание вала и крепости, проведены раскопки, в ходе которых были обнаружены железные наконечники стрел, ядра, керамика.

В этот период научной деятельностью в основном занимались энтузиасты-краеведы, путешественники, для которых археология и древняя история являлись во многом увлечением в свободное от работы время. Среди них были такие выдающиеся исследователи, как:

- П. И. Кафаров (отец Палладий, востоковед, участник археолого-этнографической экспедиции в Уссурийский край (1870 г.), автор исследований ряда древних объектов в Приморье и Приамурье);

- Ф. Ф. Буссе (географ-экономист, археолог, этнограф, библиограф, действительный статский советник, заведующий переселенческим управлением, основатель Общества изучения Амурского края);

- Р. К. Маак (русский натуралист, исследователь Сибири и Дальнего Востока, педагог);

- И. А. Лопатин (горный инженер, изучал памятники археологии Приамурья, Приморья, Сахалина; впервые составил сводный список памятников археологии — «Сведения о 49 древних урочищах в Амурской стране», в котором упоминалось об известном городище Шапка, стоянках у г. Хабаровска и др.);

- М. И. Венюков (русский генерал, учёный, географ, путешественник, общественно-политический деятель; действительный член Русского географического общества, член географических обществ в Париже, Женеве и Лондоне, член Парижского Топографического общества, Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, общества исследователей Амура в Хабаровске);

- С. П. Крашенинников (учёный и путешественник, исследователь Сибири и Камчатки, основоположник отечественной этнографии и спелеологии, первый российский академик-географ);

- В. П. Васильев (китаевед, историк, востоковед, буддолог, маньчжуровед, санскритолог, филолог, член-корреспондент АН, академик);

- Н. Я. Бичурин (востоковед и путешественник, знаток китайского языка, один из основоположников русской синологии, член-корреспондент Петербургской АН, первый русский китаевед, получивший общеевропейскую известность).

Их усилиями был заложен фундамент для последующего изучения древностей Дальневосточного региона.

С начала XX века интерес к дальневосточной истории заметно возрос. В 1902 году исследователями А. Я. Гуровым и Г. Ф. Белоусовым были произведены раскопки на горе Шапка в Приамурье. Работы энтузиастов, влюблённых в свой край, открыли новые страницы незнакомой доселе истории Дальнего Востока. Среди них были:

- М. И. Янковский (предприниматель, натуралист, энтомолог и селекционер Южно-Уссурийского края, один из пионеров освоения Дальнего Востока; производил раскопки раковинных куч на полуострове Славянском);

- В. П. Маргаритов (краевед, этнограф и археолог, внёсший вклад в изучение коренного населения Камчатки, член Русского географического общества, второй директор Хабаровского музея; вместе с М. И. Янковским продолжил раскопки раковинных куч, доказал их древность);

- Г. С. Новиков-Даурский (краевед, археолог, журналист; внёс значительный вклад в археологию Приамурья, обследовав и составив описание более 200 памятников различных эпох; в 1931–1941 годах участвовал в раскопках на Среднем Амуре).

Большую роль в археологических исследованиях Приамурья и Приморья сыграл известный путешественник, писатель, географ и этнограф Владимир Клавдиевич Арсеньев.

Владимир Клавдиевич Арсеньев.

В своих изысканиях учёный не мог обойти вниманием вопросы древней истории [7]. Не являясь в строгом понимании археологом, Арсеньев во время экспедиций по Приморью и Приамурью выявил, сфотографировал и описал 228 археологических памятников, собрал большую коллекцию древних артефактов. Уникальные находки он передал в центральные музеи России, в том числе в Эрмитаж поступила собранная

в 1906 году в низовьях Амура, на острове Сучу, коллекция керамики, а также в музее Хабаровска (1 033 предмета) и Владивостока (965 предметов).

В общей сложности одиннадцать лет с небольшим перерывом В. К. Арсеньев работал в Хабаровском краеведческом музее (1910–1919, 1924–1925), и за это время ему удалось проделать серьёзную работу по изучению археологических памятников на Амуре и положить начало собранию археологических коллекций музея, который сегодня носит имя Н. И. Гродекова.

Итогом археологических исследований В. К. Арсеньева стали статьи, опубликованные в разные годы в Хабаровске, Никольске-Уссурийском, Владивостоке, Харбине, которые и сегодня не утратили значимости и относятся к ценным историческим источникам.

В советское время наибольший вклад в изучение древней и средневековой истории региона внесли А. П. Окладников, Э. В. Шавкунов, А. П. Деревянко. Особенно интенсивно исследования стали проводиться после создания Института истории, филологии и философии СО АН СССР в Новосибирске (1966 г.) и Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР во Владивостоке (1971 г.). Постепенно сформировались научные школы, занимающиеся изучением региона: сначала в Новосибирске (А. П. Окладников и А. П. Деревянко), затем во Владивостоке (Ж. В. Андреева и Э. В. Шавкунов) и Магадане (Н. Н. Диков).

В 1953 году приступила к крупномасштабным исследованиям древних и средневековых дальневосточных культур Дальневосточная археологическая экспедиция под руководством академика Алексея Павловича Окладникова. Необходимо отметить, что маршруты его многочисленных экспедиций проходили по Средней Азии, Алтаю, Сибири, Монголии, но древние памятники Дальнего Востока занимали особое место в его исследованиях.

Алексей Павлович Окладников.

Одним из важнейших регионов в научном поиске А. П. Окладникова с приходом его в Сибирское отделение являлся юг русского Дальнего Востока, где главные районы исследований были связаны с Приморьем и Приамурьем [1]. В начале работ на территории Приморья (1953 г.) Академией наук СССР была создана Дальневосточная археологическая экспедиция (ДВАЭ), переименованная позже в Северо-Азиатскую комплексную. Наиболее интенсивные исследования в Приморье экспедиция вела в 1950-е, а также в 1960-е годы. В этом регионе Окладников со своей экспедицией раскопал и в большинстве своём опубликовал многочисленные памятники от палеолита до средневековья; многие из них он открыл в ходе регулярных разведок. Такие археологические объекты, как поселение Осиновка, пещера Географического общества, Устиновка, Раздольное, Тетюхе (Рудная), Перевал, Падь Харинская, Песчаный, Кроуновка, Сенькина Шапка, Красноярское городище и многие другие, стали основой для разработанной Алексеем Павловичем и его единомышленниками культурно-хронологической шкалы археологии Приморья, в значительной степени сохранившей своё значение до настоящего времени.

Нижний Амур занимал в исследованиях Окладникова особое место. Во время своей последней поездки в 1980 году в Приамурье в интервью газете «Тихоокеанская звезда» он сказал: «Амур в моей жизни — это начало творческого пути» [Цит. по: 2, с. 7]. Это было действительно так. Великая река, особенно её долина, вошла в судьбу исследователя в 1935 году, когда он, будучи ещё аспирантом, открыл и изучил большое количество разновременных памятников, и прежде всего неолитических, поскольку именно они, как наиболее ранние для Амурского региона, находились в центре внимания археологов.

Продолжать свои исследования древностей в данном регионе Окладников вернулся в конце 1950-х годов. С этого времени Алексей Павлович на протяжении более 20 лет, с некоторыми перерывами, приезжал на Нижний Амур и занимался со своими сотрудниками и учениками раскопками уже известных памятников и поиском новых.

В 1960-е годы им была разработана схема хронологической классификации неолитических объектов этого ареала. Он выделил три хронологических этапа: малышевский (ранний), кондонский (средний) и вознесенский (поздний), которые позже были названы соответственно тремя культурами. Этому определению культурно-хронологической шкалы предшествовали довольно широкие раскопки поселенческих памятников, прежде всего таких эпонимных, как Малышево, Кондон-Почта, Вознесенское. Эта шкала, как и любая другая иного географического региона, дорабатывалась и проверялась им на материалах новых раскопок

на острове Сучу в первой половине 1970-х годов, а также на поселениях Сикачи-Алян, Гася и Госян.

Большая роль принадлежит Окладникову и его экспедиции в открытии и изучении на Амуре памятников тунгусо-язычных чжурчжэней, основавших в начале XII века Золотую империю (Цзинь). Заметное место в своих исследованиях он уделял также истории освоения русскими людьми в XVI–XVII веках не только Сибири, но и Дальнего Востока, поиску и изучению материальных следов их деятельности.

А. П. Окладников во время разведки по Забайкалью. Санний Мыс, 1950-е годы.

Окладников принадлежал к числу крупнейших специалистов по первобытному искусству. Им открыт, изучен и опубликован огромный массив творений, раскрывающих духовный мир древнего человека. Нельзя не отметить, что венцом исследований его на Дальнем Востоке стала последняя, изданная при жизни автора монография-альбом по первобытному искусству Приамурья.

Крупные раскопки Окладников проводил в бассейне Среднего Амура, охватывая пространства от впадения в Амур реки Зеи до г. Хабаровска. До возглавляемых им экспедиций эта территория была, в сущности, белым пятном на археологической карте России. С 1962 года Окладников в течение ряда лет руководил археологическими исследованиями на территории Еврейской автономной области.

Алексей Павлович и его ученики — академик А. П. Деревянко, доктора исторических наук Е. И. Деревянко, А. И. Мазин, В. Е. Медведев и другие — в течение четверти века вели обширные полевые исследования в бассейне Среднего Амура. По степени изученности эту территорию в настоящее время можно отнести к одной из наиболее исследованных на Дальнем Востоке.

Важной заслугой Окладникова и его учеников в Приамурье является выделение и исследование самых ранних, начальных, неолитических культур с керамикой: осиповской,

Осиповская керамика.

громатухинской, новопетровской. Возраст осиповской керамической посуды — 13–15 тысяч лет, и она является одной из древнейших в мире.

Широкая источниковая база, полученная в ходе многолетних археологических исследований, позволила приступить к созданию фундаментальных монографических работ, в которых были показаны основные этапы истории дальневосточных культур региона и раскрыты отдельные важные аспекты данной проблематики. Основные достижения этого периода нашли отражение в первых фундаментальных коллективных трудах «История Сибири» (1968 г.) и «История Дальнего Востока» (1989 г.).

Современный этап исследований начался с 1990-х годов, когда устанавливается активное сотрудничество с зарубежными учёными [4]. С этим периодом связано несколько важных изменений. Исследования стали вестись более тщательно, но по объективным причинам сократились объёмы вскрываемых площадей и изменилась география исследований. Тесные контакты с зарубежными коллегами стимулировали взаимное обогащение новыми методиками и идеями, что в конечном счёте привело к появлению публи-

каций, в которых частично пересматриваются полученные ранее выводы и ставятся совершенно новые проблемы. Это совпало с важными изменениями в мировой археологии: если раньше археологию рассматривали как часть истории или антропологии, то в последние десятилетия в результате широкомасштабного применения естественнонаучных методов она стала стремительно сближаться с естественными науками.

За последние 20–30 лет появились новые методы датирования. Различные химические и физические методы анализа артефактов, костей животных и древних людей, методы палеопатологии болезней, генетики, геоинформационные технологии — всё это позволило археологам получить совершенно новые результаты, которые невозможны были при использовании классических методов работы. Ведь в середине XX века археологам был доступен ограниченный перечень естественнонаучных методов изучения археологических объектов и материалов: радиоуглеродное датирование, ряд химических анализов, трасологическое изучение артефактов и некоторые статистические методы обработки массового материала.

Дальневосточные археологи также активно сотрудничают с представителями естественных наук. В 1970-е годы в ИИАЭ ДВО РАН (г. Владивосток) было создано структурное подразделение, которое занималось внедрением естественнонаучных методов в археологию. Совместно с представителями естественных наук археологи изучали чёрную и цветную металлургию средневековых поселений, петрографию древней керамики, проводили трасологические исследования каменных орудий. Большое внимание уделялось реконструкции древнейшего климата и природной среды, осуществлялось моделирование систем хозяйства и адаптации прибрежного и континентального населения в эпоху первобытности.

Разного рода контакты народов Дальнего Востока со своими соседями можно проследить с глубокой древности. Биологические антропологи отмечают сходство физического облика населения Сибири и Дальнего Востока ещё в эпоху камня. Помимо этого, взаимодействие народов проявляется в диффузии технологий производства каменных орудий, возникновении и распространении гончарства, культивируемых растений, одомашнивания животных, бронзолитейного производства, чёрной металлургии и т. д.

По сути, миграции сопутствовали человеку всегда. Применительно к Дальневосточному региону речь идёт об освоении огромных пространств Северо-Восточной Азии и заселении Америки. Процесс исхода в Новый Свет начался примерно 15–13 тысяч лет назад. Его начальные этапы изучались выдающимся дальневосточным археологом Н. Н. Диковым [3]. В последние десятилетия исследова-

ние данной проблемы получило новый импульс в трудах Ю. Е. Берёзкина.

Не менее важной задачей для археологов представляется изучение массовых переселений народов в эпоху средневековья и их последствий. Вообще, дальневосточная средневековая археология достаточно интересна и насыщена событиями, которые активно изучают археологи из Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН во Владивостоке.

В Хабаровске около 30 лет успешно работает Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Хабаровского края. Проводятся охранные и аварийно-спасательные раскопки, археологические разведки практически во всех уголках нашего края. Сектор археологии осуществляет охранные работы на памятниках древнего наскального искусства [6]. Перемещены на безопасное расстояние от реки несколько камней с петроглифами в селе Сикачи-Алян. Проведены защитные мероприятия на петроглифах Шереметьево, Кии и Суклая. Почти на всех этих памятниках установлены информационно-охранные знаки, а в результате научных исследований открыты новые наскальные рисунки у сёл Сикачи-Алян и Шереметьево.

Большой этап в деятельности сектора принадлежит совместным исследованиям и охранным работам с научными институтами и организациями России и стран АТР: Институтом археологии РАН (г. Москва), Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (г. Москва), Институтом археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск), Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток), Сахалинским государственным университетом (г. Южно-Сахалинск), Фондом «Историческое наследие Амурского региона», Институтом археологии провинции Цзилинь (КНР), Университетом г. Саппоро (Япония), Государственным исследовательским институтом культурного наследия Республики Корея.

Более 30 объектов археологического наследия на территории края было спасено от разрушения в результате археологических научно-исследовательских, охранных и аварийно-спасательных работ. Раскопками вскрыты площади более чем на 5 000 квадратных метрах, пройдены многие сотни километров строящихся магистралей и трасс. Сотрудники сектора постоянно повышают свой профессиональный уровень и научный потенциал, участвуют в научных конференциях и симпозиумах; ими подготовлено и опубликовано более 60 научных трудов и статей, в том числе и в зарубежных изданиях. Археологи НПЦ неоднократно награждались почётными грамотами и дипломами правительства Хабаровского края и Правительства Российской Федерации.

Музей археологии, открытый 3 ноября 1998 года, является единственным дальневосточным музеем, целиком посвящённым далёкому прошлому Приамурья. В его фондах хранится свыше 150 тысяч древних предметов-артефактов, собранных в экспедициях хабаровских, новосибирских и владивостокских учёных. Жемчужиной музея являются коллекции, собранные В. К. Арсеньевым и А. П. Окладниковым.

Берега Амура были густо заселены различными племенами на протяжении долгих тысячелетий, и чтобы найти и изучить остатки древних обиталищ, археологи ежегодно отправляются в экспедиции, пополняя фонды музея новыми и новыми коллекциями.

В настоящее время Музей археологии — это и научно-исследовательский центр, ведущий изучение по различным научным направлениям, это и развёрнутый экспозиционный комплекс, отражающий современные представления о далёком прошлом Приамурья; кроме того, это культурно-образовательная и творческая студия, переплавляющая строгую научную информацию в общедоступную и легко воспринимаемую форму.

Одним из самых важных исследовательских направлений является изучение древнейшей керамики, возраст которой превышает 12 тысяч лет, — стоянки, содержащие эту самую раннюю на Земле керамическую посуду, открыты и изучены в районе г. Хабаровска.

Живой интерес к приамурским древностям проявили и зарубежные коллеги — вот уже много лет хабаровчане сотрудничают с археологами Токийского университета, университетов Мэйдзи, Цукуба, Токие-метрополитен и другими. Проводятся совместные экспедиции, издаются соавторские статьи, на базе японских лабораторий осуществляются необходимые точные анализы.

С 2000 года в Музее археологии начинает развиваться экспериментальное направление, в то время ставшее своеобразной визитной карточкой музея. Экспериментальные исследования позволяют изучать особенности приёмов работы древними инструментами, «расшифровывать» неясные данные раскопок, они и по сей день раскрывают для учёных новые, ранее неизвестные картины бытования древних культур. Экспериментальные исследования могут проводиться в рамках лаборатории либо на специальном полевом полигоне, условия которого позволяют изучать целые совокупности явлений, объединённых в сложные системы. Так, например, в полевых условиях изучаются процессы древнего строительства, промысла, процессы разрушения остатков жизнедеятельности и другое.

В 2000–2006 годы Музеем археологии было проведено несколько крупных экспериментальных экспедиций. О том, как проходят экспериментальные экспедиции, можно судить по эмоциональному высказыванию одного из сотрудников

краевой прессы, профессионального фотографа, которому довелось побывать на месте проводимых работ: «Никогда даже не мечтал, что смогу отснять каменный век воочию. Зачем изобретать машину времени?» [Цит. по: 5, с. 54]. И действительно, экспериментальные полигоны археологов, как правило, располагаются в

Игорь Яковлевич Шевкомуд.

труднодоступных, мало посещаемых людьми местах, где сама атмосфера как бы стирает грани времени.

Более четверти века посвятил изучению археологии Приамурья Игорь Яковлевич Шевкомуд, который до своей кончины в 2015 году работал в Музее археологии. За это время им было организовано около 70 экспедиций, многие из которых носили комплексный характер [8]. Результаты его экспедиционной деятельности впечатляют. Проведены раскопки на трёх десятках памятниках археологии, как правило, многослойных. Исследованы тысячи квадратных метров культуросодержащих и культурных отложений, включающих разнообразные комплексы (жилищные, погребальные, производственные, хозяйственные) древних культур эпох камня и палеометалла. Все материалы, привезённые из «поля», не забывались на полках музейного хранилища, а оперативно вводились в научный оборот в многочисленных статьях, докладах на конференциях и монографиях.

Первые исследования Игоря Яковлевича были направлены на выявление поздненеолитических комплексов в ранее необследованных районах приустьевой части реки Амур. Отдельные экспедиции организовывались им для обследования реки Амгуни и нижнеамурских озёр. В результате обнаружены уникальные поселения и стоянки, на которых впоследствии шли многолетние раскопочные исследования.

Работы на памятниках озера Удыль и на ряде других объектов позволили Игорю Яковлевичу более полно изучить поздний неолит Приамурья, выделить хронологические этапы и географические варианты вознесеновской археологической культуры. Полученные результаты легли в основу успешно защищённой кандидатской диссертации, а позднее и авторской монографии «Поздний неолит Нижнего Амура». Кроме того, итогом данных трудов стало обоснование и выделение больше-

бухтинской и коппинской археологических культур. Были выявлены различные керамические комплексы и типы, не имеющие аналогов в известных ранее культурах Нижнего Амура.

С середины 1990-х годов отдельной темой исследований становится изучение осиповской культуры. За короткий период под руководством Игоря Яковлевича в окрестностях г. Хабаровска выявлено более 30 осиповских памятников. Полученные результаты опубликованы в серии статей, а в обобщённом виде представлены в совместной с археологом О. В. Яншиной монографии «Начало неолита в Приамурье: поселение Гончарка-1», в которой впервые в дальневосточной археологии комплексно исследован феномен осиповской археологической культуры, известной находками самой ранней в мире керамической посуды.

На протяжении многих лет И. Я. Шевкомуд развивал международное сотрудничество. В 1992 году им была организована первая совместная экспедиция с японскими исследователями на озеро Удыль, с тех пор такие контакты поддерживались постоянно.

Наряду с научными исследованиями особое внимание И. Я. Шевкомуд уделял сохранению археологического наследия Приамурья. Большая часть выявленных в результате разведок памятников была паспортизирована, практически все их Законодательная Дума Хабаровского края включила в список объектов археологии краевого значения. На сегодняшний день эти объекты приобрели статус федерального значения.

В настоящей статье приведены в качестве примера имена далеко не всех учёных и организации, внёсшие зна-

чительный вклад в изучение далёкого прошлого Дальнего Востока, но радует то, что интерес исследователей не ослабевает и каждый год совершаются новые открытия.

Таким образом, кропотливым трудом учёных многих поколений были собраны ценнейшие материалы по истории Дальнего Востока. Благодаря им сегодня мы можем восстановить события тысячелетней давности, узнать, как жили наши предки, чем занимались, что их радовало и огорчало. Свидетельства очевидцев, восстановленные трудами археологов, позволили раскрасить и оживить застывшие картины далёкого прошлого.

Дальневосточная археология вошла в новое тысячелетие с неплохими результатами и перспективами на будущее. Её современное состояние характеризуется тесной интеграцией с естественными науками, развитием международного сотрудничества и выполнением интернациональных научных проектов, созданием более гибких интерпретаций прошлого. Поскольку территория Дальнего Востока огромна, а его изученность относительно невелика, по-прежнему важными задачами остаются поиск новых археологических памятников различных исторических периодов, проведение стационарных раскопок, систематизация собранного материала, уточнение хронологии, охрана археологического наследия. Дальнейшее развитие междисциплинарных связей и интеграция в мировое археологическое пространство дадут новые импульсы региональной археологической науке и будут способствовать получению новых знаний о древнейших этапах прошлого Дальнего Востока.

Список использованных источников

1. Деревянко, А. П. Академик А. П. Окладников — основатель сибирской археологической школы / А. П. Деревянко, В. Е. Медведев // Гуманитар. науки в Сибири. — 2007. — № 2. — С. 22–25.
2. Деревянко, А. П. Великан в науке : к 100-летию со дня рождения академика А. П. Окладникова (03.10.1908–18.11.1981) / А. П. Деревянко, В. Е. Медведев, В. И. Молодин // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. — 2008. — Т. 7, Вып. 3 : «Археология и этнография». — С. 3–11.
3. Диков, Н. Н. Азия на стыке с Америкой в древности / Н. Н. Диков. — Санкт-Петербург : Наука, 1993. — 304 с.
4. Крадин, Н. Н. Итоги и перспективы развития археологии Дальнего Востока России / Н. Н. Крадин // Вестн. Дальневост. отд-ния Рос. акад. наук. — 2013. — № 1. — С. 10–20.
5. Малявин, А. Магия первобытного очага, или Археология без витрин / А. Малявин // Словесница Искусств. — 2010. — № 2 (26). — С. 54–59.
6. Сектор Археологии : [задачи и функции сектора]. — Текст : электронный // Краевое государственное бюджетное учреждение «Хабаровский краевой центр охраны памятников истории и культуры» : офиц. сайт. — URL : <http://nasledie27.ru/npc-arheologic.html>.
7. Солнцева, Е. Арсеньев и археология / Е. Солнцева // Словесница Искусств. — 2016. — № 2 (38). — С. 8–9.
8. Шиповалов, А. М. Археологические исследования И. Я. Шевкомуда в Приамурье : материалы к науч. биограф. / А. М. Шиповалов // Археология CIRCUM-PACIFIC : памяти Игоря Яковлевича Шевкомуда : сб. ст. / отв. ред. С. В. Батаршев, А. М. Шиповалов. — Владивосток, 2017. — С. 121–130.

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 05.01.2020.

Сведения об авторе: Година Тамара Сергеевна, старший научный сотрудник отдела экспериментальной археологии Музея археологии (КГБНУК «ХКМ им. Н. И. Гродекова»). Участник 13 археологических экспедиций. Разработчик методических программ по археологии для детей (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: godini-007@mail.ru; тел.: (4212) 32-41-77, 8-924-227-77-31.

ПОСТНИКОВ ВАЛЕРИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЯ ПРОВИНЦИИ ЦЗИЛИНЬ

В статье приводится краткий обзор исторической экспозиции Музея провинции Цзилинь (КНР). Показывается, что его материалы выходят за рамки истории отдельного региона Китая и представляют интерес для исследователей разных регионов и государств Северо-Восточной Азии. К примеру, транслируются сведения о находках древнейших в регионе человеческих останков возрастом 26–30 тысяч лет, о развитии культур эпохи освоения металлов, об археологическом наследии империй Ляо и Цзинь в Цзилинь, об освоении региона в эпохи Мин и Цин, о формировании современной Цзилинь в XIX – первой половине XX века под влиянием политики центрального правительства и иностранных держав. Особое внимание уделено материалам, имеющим отношение к истории Дальнего Востока России.

Ключевые слова: история Китая, Цзилинь, Северо-Восточная Азия, музееведение, археология, империя Цин.

Keywords: Chinese history, Jilin, North-East Asia, museology, archaeology, Qing dynasty.

Историческая экспозиция Музея провинции Цзилинь (г. Чанчунь, КНР) может представлять интерес для многих исследователей Северо-Восточной Азии. Особое положение Цзилинь на стыке культур и цивилизаций Восточной, Северной и Центральной Азии, а также разнообразие её географических условий стали причиной того, что провинция сформировалась как контактная зона, своеобразный перекрёсток народов. Об этом красноречиво говорят аннотации к экспозициям в музее: «Множество ярких и героических историй произошло здесь, на широких полях, и вдоль извилистой реки Сунгари»; «Историческая память Цзилинь написана различными народами, которые вместе создавали цивилизацию Китая».

В настоящее время Музей провинции Цзилинь является сосредоточением богатого исторического наследия, ценность которого выходит за рамки собственно Цзилинь и Китая. Здесь хранятся артефакты и раритеты, которые делают музей уникальным на международном уровне и являются ценными материалами для исследователей восточных регионов России, КНДР и Республики Корея, Монголии, Японии и регионов КНР. Экспозиции Музея Цзилинь тем более интересны, что они являются результатом современного осмысления развития региона. Музей был основан в 1951 году, но его действующая экспозиция была открыта в 2007 году в специально построенном новом здании [7]. Поэтому его материалы могут быть полезны для знакомства с текущими тенденциями исторической работы в Китае.

Цель статьи — сделать обзор материалов Музея провинции Цзилинь, которые показывают современные представления об истории этого региона, привести наиболее характерные факты и оценки. Особое внимание уделяется материалам, имеющим межрегиональное значение в масштабе Северо-Восточной Азии. Уточним, что под определением «Северо-Восточная Азия» мы понимаем распространённое в современной научной среде обобщение, включающее КНР, обе Кореи, Японию, Дальний Восток России, Монголию. Основным материалом для написания статьи послужили экспозиции данного музея и аннотации к ним по состоянию на октябрь 2018 года¹.

В ходе знакомства с музеем обращает внимание организация материалов, которая выражает официальную периодизацию китайской истории и её идеологические основы. Экспозиция «Предыстория цивилизации» включает разделы «Жизнь древнейших людей», «Родовое общество», «Цивилизация эпохи бронзы». Далее идут экспозиции «Древности от эпохи Хань до Тан», «Цветущие цивилизации эпохи Сун» (династии Ляо и Цзинь, X–XIII вв.), «Наивысшие

достижения эпох Мин и Цин», «Современная провинция Цзилинь» (XIX–XX вв.). Их дополняют отдельные выставки, посвящённые археологическим открытиям последних десятилетий (1997–2016 гг.) и поисково-мемориальной работе о героях и событиях 1930-х – 1940-х годов.

Раздел, посвящённый эпохе палеолита в Цзилинь, интересен тем, что в нём представлены одни из древнейших в регионе останки ископаемых людей. Человек Юйшу (Yushu man) получил своё название по местности на севере провинции, где в 1951 году были найдены фрагменты черепа и голени, а последующие раскопки обнаружили большое количество каменных изделий и костей животных. Радиоуглеродный анализ показал возраст человеческих костей $29\,800 \pm 1\,200$ лет назад. Рядом представлена информация о человеке Аньту (Antu man). Его останки были найдены в 1964 году в пещере под Аньту (на востоке провинции) вместе с каменными и костяными орудиями. Кости человека датируются $26\,600 \pm 550$ лет и относятся к позднему типу *homo sapiens*. Но эти древние даты — не предел исторической глубины этого региона. В сопроводительной информации в музее сообщается, что на местонахождении Ванфутун (Wangfutun) обнаружены следы деятельности древнего человека, относящиеся к раннему палеолиту, а в пещере Сяньжэнь (Xianren), у г. Хуадянь (Huadian), обнаружены находки «среднего периода».

Эпоха неолита представлена разделом «Родовое общество». Сопроводительная информация отмечает, что в регионе существовало несколько неолитических культур в долинах рек Нуньцзян, Сунгари, Ялу, Тумен и Дунляохэ, а к важнейшим археологическим памятникам относятся Яоцзинцзы (Yaojingzi), гора Башань (Bashan), гора Цзоцзя (Zuojia), гора Сидуаньян (Xiduanliang). Среди различных каменных, костяных и керамических артефактов на витринах обращают внимание превосходно выделанные нефритовые топоры, кольца, шары со сквозными отверстиями. Представлены и древние произведения искусства: ювелирно сделанная фигурка рыбки из полированного светлого камня и небольшая фигурка «дракона», которая стала символом этой эпохи в экспозиции. Экспонаты эпохи неолита датируются от 7 000 лет назад. Но на отдельной выставке новейших находок представлены керамические обломки возрастом 12 900–11 100 лет, что говорит о том, что Цзилинь входила в ареал развития древнейших керамических культур мира.

Как сообщает официальная информация в музее, Цзилинь вступила в бронзовый век во времена династии Ся на Центральной равнине, а со времён династий Шан и Чжоу до начала династии Хань Цзилинь была важным регионом на северо-востоке, который интегрировал культуры Центральной равнины и соседних племён. Культуры Ситуаньшань (Xituan mountain), Синчен (Xingcheng) и Ханьшу

¹ Автор выражает признательность китаеведу Галине Викторовне Кондратенко за помощь в подготовке статьи.

(Hanshu) демонстрируют яркие культурные особенности бронзового века Цзилинь. Он отличается одновременным использованием шлифованных и ретушированных каменных орудий, бронзовых изделий: кинжалов, наконечников копий и стрел, ножей, украшений, и керамики без декора. В Цзилинь открыты около тысячи археологических памятников эпохи бронзы, а наиболее богаты ими долина Дунляохэ и Сунгари. «Бронзовые» культуры на равнинах в центре, в степях на западе и в горах на востоке имеют сильные локальные культурные отличия. При этом находки каменных форм для отливки и самих отливок из бронзы в районе Тунхуа (Tonghua) показывают, что восточные регионы Цзилинь также были важными местами бронзолитейного производства.

Стенд с бронзовыми кинжалами «дунбэйского» типа.

На отдельном стенде в этом разделе представлена коллекция бронзовых кинжалов специфического «дунбэйского» типа, который встречается только в маньчжуро-корейском регионе в I тыс. до н. э. Цзилинь входила в ареал распространения этого оружия, и один из таких кинжалов, найденный в уезде Шуанляо, стал не только самым эффектным предметом в этой экспозиции, но и одним из символов музея. Среди экспонатов также обращают внимание сосуды на трёх ножках — триподы, керамические сосуды с геометрическим орнаментом, небольшие бронзовые кельты со своеобразными выпуклыми лезвиями, каменные «полулунные» ножи — всё то, что позволяет увидеть общее и особенное в бронзовом веке прилегающих регионов Северо-Восточной Азии.

Новый этап, связанный с возникновением государственности, отражает экспозиция, представляющая развитие Цзилинь от эпохи Хань до Тан (II в. до н. э. — начало X в. н. э.). Центральной темой этого периода стала история государства Фууй (II в. до н. э. — 494 г. н. э.). Оно считается самым ранним королевством северо-востока, а его главным создателем — народ Фууй, один из древних народов Северо-Восточного Китая. У Фууй были тесные связи с правителями Центрального Китая, и, как свидетельствуют источники,

они часто награждали правителей Фууй официальными печатями и нефритовыми изделиями. Традиции захоронения в деревянных саркофагах и использование штукатурки для оформления могил также свидетельствуют о глубоком влиянии культуры Центральной равнины. Примером служит могила № 18 на горе Маоэр в г. Цзилинь, реконструкция которой представлена в музее. Там в глубокой яме с деревянным саркофагом был найден богатый погребальный набор: шёлковые ткани с живописью, деревянные сёдла, лаковые, берестяные и кожаные изделия. Памятниками культуры Фууй также являются Сичагоу в Фэнси (Xichagou, Fengxi, провинция Ляонин), Лаохэшэнь в Юйшу (Laoheshen, Yushu), Дунтуань (Dongtuan Mountain) и другие.

Экспозиция показывает, что эпоха Фууй стала временем широкого распространения металла в регионе. Об уровне развития этого общества говорят такие экспонаты, как чугунные лемехи для пахоты земли, тонкие железные мечи и наконечники копий, реконструкция воинского пластинчатого доспеха, бронзовые зеркала, дорогие аксессуары и украшения. Среди артефактов также обращают внимание чугунные кельты, похожие на те, которые находят на памятниках раннего железного века в Приморье. К этому же отделу в музее относят древности государств Когурё (37 до н. э. — 668 н. э.) и Бохай (698–926 гг.), история которых тесно связана с территориями провинции Цзилинь.

Одна из особенностей, которая делает Музей провинции Цзилинь значимым в мировых масштабах, — это залы, посвящённые археологии империи Ляо (907–1125 гг.). Государство киданей сыграло большую роль в истории Азии, оказало влияние на общеазиатские процессы и поэтому представляет особый интерес для историков [6]. «Кидани — это одна из самых важных народностей в китайской истории», — утверждает аннотация в музее. Столицей империи Ляо был город Шанцзинь (Shangjing, в настоящее время — Балиньцзо (Balinzuo) во Внутренней Монголии), а Цзилинь входила в состав губерний Шанцзиндао (Shangjingdao) и Дунцзиндао (Dongjingdao).

Среди археологических памятников Цзилинь особенную известность получило место, где император Ляо жил весной. На территории современного города Нунань (к северу от Чанчуня) в эпоху Ляо находился военный городок Хуанлунфу (Huanglongfu), основанный, чтобы контролировать чжурчжэней и кланы «пяти стран». С тех времён там сохранилась древняя пагода — уникальный в масштабах Северо-Восточной Азии памятник буддийской культуры. Она была возведена в третьем году правления императора Шенцзуна (982–1031 гг.) и в настоящее время находится у западных ворот старого города в Нунане. Пагода построена из кирпича и включает три конструктивных части: восьмиугольную базу, основной объём и шпиль. На каждой стороне

находится дверь. Общая высота постройки — 44 метра, с 13 ярусами карнизов, повторяющих форму восьмиугольной базы. На конце каждого карниза расположены фигуры драконов, лошадей, львов и квадратные в профиле колокольчики. Наверху пагоды устроена камера, где были обнаружены несколько реликвий, в том числе бронзовая статуя Шарипутры (ученика Будды). Макет и описание этой пагоды представлены в одном из залов музея.

В числе других экспонатов, которые обращают внимание, — серебряная пайцза с киданьской надписью «Чи И Су» (Chi Yi Su), фрагмент фрески с изображением слуги, серебряная пластина с изображением буддийских персонажей, глазурованная керамика, зеркала и предметы художественной бронзы. Собрание таких экспонатов делает Музей Цзилинь уникальным местом, где в пространстве нескольких залов можно погрузиться в атмосферу эпохи Ляо.

Сцена, изображающая восстание Агуды Ваньянь.

Ещё одна мощная цивилизация эпохи Сун на северо-востоке — это империя чжурчжэней Цзинь (1115–1234 гг.). В музее отмечается, что земли Цзилинь имели особое значение в истории этого государства: династия Цзинь была основана чжурчжэнями, жившими на этой территории, и Цзилинь стала местом, где чжурчжэни объявили борьбу за независимость. В 1113 году Агуда Ваньянь стал вождём чжурчжэньского клана Ваньянь, в 1114 году он собрал своих соплеменников, около 2 500 воинов в Лайлюшуй (Lailiushui), недалеко от современной реки Лалин, и начал открытое восстание против Ляо. Его кавалерия захватила Нинцзянчжоу (Ningjiangzhou, современный Фууй). С того времени чжурчжэньская армия стала побеждать войска Ляо, и вскоре была основана династия Цзинь. Об этих событиях напоминает один из самых важных памятников эпохи Цзинь в Цзилине — стела в честь победы чжурчжэней, установленная на реке Лалин, к северо-востоку от г. Фууй.

Во время династии Цзинь Цзилинь входила в состав губерний Шанцзинлу (Shangjinglu), Сяньпинлу (Xianpinglu) и Дунцзинлу (Dongjinglu), от той эпохи осталось множество

городов, могильников, каменных надписей и кладов. Одним из важных памятников является фамильное кладбище Ваньяньсиинь, расположенное недалеко от города Шулань (Shulan). С тех пор как оно было найдено во времена императора Гуанси (1875–1908 гг.), кладбище и памятники были разграблены и разрушены. В 1980-х годах археологи провели спасательные раскопки и разделили кладбище на пять секций. Исследователи выделили семь групп каменных фигур, которые представляют собой парные изображения тигров, баранов, человека, а также столбы. Каждый камень находился напротив могилы. Внутренние конструкции могил разделяются на несколько типов, включая каменные саркофаги, ящики, камеры, кирпичные камеры и деревянные саркофаги. К важным памятникам такого рода в Цзилинь также относится гробница Ваньянь Лоши (Wanyan Loushi).

В этом разделе музея представлены коллекции печатей эпохи Цзинь, бронзовые зеркала, глазурованная и фарфоровая посуда, оружие, буддийские изображения, могильные камни с надписями, в частности, могильный камень генерал-губернатора провинции Чжисюн (Zhixiong). Один из лучших экспонатов — полностью сохранившийся драгоценный поясной набор из накладок из белого нефрита с золотыми деталями гарнитуры.

Далее залы музея рассказывают об истории Цзилинь в эпоху Мин (1368–1644 гг.) и Цин (1644–1912 гг.). Раздел эпохи Мин становится заметно скромнее по сравнению с предыдущими, что отражает известный исторический кризис, который переживал регион после XIII века. Среди экспонатов — бронзовые печати, холодное и огнестрельное оружие, фарфор и репродукции. Сопроводительная информация сообщает, что для укрепления власти династии Мин на северо-востоке использовались военные учреждения вэй (weisuo) и генерал-губернаторства дусы (dusi). Региональные административные формирования Ляодун дусы, Данин дусы, Нургань дусы и другие играли большую роль в объединении ханьцев, монголов и чжурчжэней. Эти структуры поддерживала политика учреждения взев, с помощью которых обеспечивался военный контроль над северо-восточными землями [подробнее: 1, с. 84–86], в них селили офицеров, а вожди местных кланов назначались служащими взев. В целом на северо-востоке в эпоху Мин было основано 384 взев, в том числе 70 в провинции Цзилинь.

Одним из важных памятников того времени являются надписи на скале Ашихада (Ashihada, расположена к югу от г. Цзилинь). От имени главнокомандующего Лю Цина, генерала кавалерии Ляодун дусы они сообщают, что в эти места приходили вооружённые отряды минов в 1420, 1424–1425 и 1432 годах, например: «Войска были приведены сюда в восемнадцатом году императора Юнлэ»; «Храм Лунван был построен в восемнадцатом году Юнлэ. Перестроен в седьмом году Сюаньдэ».

Реконструкция императорского посёлка Дашенула.

Эпоха Цин представлена оружием и обмундированием восьмизнаменного войска маньчжуров, коллекциями традиционной одежды и предметов быта этого народа, эпиграфическими предметами. Экспонатом, который ярко показывает роль региона в империи, является реконструкция императорского посёлка Дашенула (Dasheng Wula), где представлено, как его жители отправляют повозки с данью. На маньчжурском языке название этого посёлка произносится как Vutehawula и переводится как место для охоты и рыбалки. Аннотация сообщает, что Дашенула был основан в 14-м году правления императора Шуньчжи (1643–1661 гг.). Он имел статус главной административной структуры, был под прямым управлением двора императора Цин и контролировал территорию около 560 ли. Главной задачей этого имения было собирать особые местные продукты северо-востока для императорских обедов и жертвоприношений, такие как мёд, кедровые орехи, осетры, жемчуг и другое.

Особенно ответственной задачей этого поселения считалось разведение и доставка осетров, которых использовали при дворе для принесения жертв и в традиционной медицине. Осетров разводили в отдельных прудах до зимы и затем замораживали. Когда приходило время дани, их отправляли на телегах из красного дерева в столицу с конвоем. Каждая партия осетров состояла из 20–30 повозок, и они были изумительно большими. В те времена Дашенула была процветающим поселением с множеством государственных учреждений, усадеб губернаторов, храмов и домов в национальном стиле, построенных вдоль дороги. Со времени Шуньчжи 500 ли вокруг этого места уважительно назывались «родина, колыбель династии Цин». В настоящее время это место называется посёлок Ула и находится в административном районе Лунтань (Longtan) к северу от г. Цзилинь.

В музее отражена такая важная страница истории Северо-Восточного Китая, как императорские визиты в регион. Как сообщает справочная информация, чтобы возродить северо-восток и защитить национальную территорию, консолидировать силы региона и выразить обожание предкам, императоры Канси (1661–1722 гг.) и Цяньлун (1736–1795 гг.) делали контрольные поездки на северо-восток. На местах они уделяли внимание военным тренировкам, местному управлению, сельскому хозяйству и вопросам культуры. Канси совершал поездки на восток три раза (1671, 1682, 1698), два из которых он был в Цзилине, чтобы познакомиться с местностью, проверить обороноспособность и осмотреть базу флота. Одна из реконструкций в музее показывает, как во время визита 1682 года Канси проверяет военные суда во

Карта с изображением маршрута императорских визитов на северо-восток.

время дождя и вдохновляет войска. Отмечается, что в ходе этой поездки он написал восторженную оду судоходству на реке Сунгари. «Все эти действия показывают усилия правительства по обеспечению национального единства», — резюмирует аннотация в экспозиции.

Особый интерес представляет экспозиция «Современный Цзилинь», которая рассказывает о развитии региона в XIX–XX веках, главным образом в первой половине XX века. В это время произошло значительное количество ключевых событий истории региона. Коренные изменения связываются с вторжением иностранцев. Но если для всего Китая эта эпоха начинается с Опиумных войн, то в Цзилинь она отсчитывается со времени российско-японского колониального соперничества на рубеже XIX–XX веков. В разделе «Политика открытия и конкуренция между Россией и Японией за влияние Цзилинь» представлены российско-цинский пограничный знак 1886 года, стенды, рассказывающие о железнодорожном строительстве в 1898–1904 годах и политической борьбе держав в Маньчжурии, выставлены русское оружие, использовавшееся в событиях 1900 года, российские, японские и местные денежные знаки, ходившие в первые десятилетия XX века.

Фрагмент экспозиции, рассказывающий о колонизации Цзилинь в XIX веке.

Одним из первых и самых красноречивых экспонатов в этом разделе является современная живописная картина, изображающая массовую колонизацию Маньчжурии китайскими переселенцами: тысячи мужчин и женщин с детьми и стариками несут свой скарб, делая остановки, чтобы поддержать слабых попутчиков и восстановить силы для продолжения пути. Значение этого движения для развития Цзилинь объясняет стенд в начале раздела, демонстрирующий карту «Ивового палисада» — заградительной системы, которая сдерживала заселение Маньчжурии в XVIII и большей части XIX века. Рядом на витринах мы можем видеть инструменты для возделывания земли и сбора женьшеня,

относящиеся к концу династии Цин, предметы корейских поселенцев и первые официальные периодические издания в регионе. Сопроводительная информация сообщает, что эпоха поздней Цин стала временем широкого развития провинции и трансформации экономики из «самодостаточной» в промышленную. В это время происходят процессы урбанизации, налаживается экспортное производство зерновых и бобовых, развивается лесная и добывающая промышленность, отмечается рост культуры и образования.

Интересным объектом в экспозиции является реконструкция, представляющая деятельность первой в Северо-Восточном Китае аптеки Шиитан (Shiyitang), основанной в 1827 году в г. Цзилинь. Аптека торговала женьшенем и пантами оленей, делала диагнозы, составляла рецепты, успешно работала и в начале XX века приобрела международную известность. Её создание, по нашему мнению, показывает время, когда началось организованное коммерческое освоение ресурсов северо-востока подданными империи Цин. В целом все вышеупомянутые материалы говорят о том, что важными процессами в истории Цзилинь XIX – начала XX века были заселение, хозяйственное освоение и территориально-административное оформление региона.

Обращает внимание, что такие формально значимые события, как образование провинции Цзилинь в 1907 году, свержение династии Цин и создание Китайской Республики в 1912 году, упоминаются, но не представлены как важные исторические рубежи. Вероятно, это объясняется тем, что в перипетиях региональной истории они оказались промежуточными. Главное внимание в экспозиции отводится решающим событиям борьбы за национальную независимость и государственность в 1930-х – 1940-х годах, которые привели к созданию КНР. Акцент делается на событиях 1931 года, когда Цзилинь была оккупирована Японией и стала колонией, на начале антияпонской войны в 1937 году, создании Северо-Восточной антияпонской объединённой армии и успехах Северо-Восточной народно-освободительной армии в 1945–1949 годах.

В разделах, рассказывающих о японской оккупации, антияпонском движении и о периоде освободительной войны 1945–1949 годов в Цзилинь мы можем видеть раритеты, представляющие историю марионеточного государства Маньчжоу-Го, печать Народного правительства провинции Цзилинь, оружие партизан и Северо-Восточной народной освободительной армии, фоторепродукции, скульптуры и реконструкции исторических сцен. Общее содержание последних разделов, как и всей истории современной Цзилинь, выражает музейная аннотация: «Экспозиция представляет исторический прогресс, который народ Цзилинь пережил, чтобы победить господство феодализма, чтобы развить и перестроить свою родину, создать региональную экономику

и культуру. Она также показывает усилия, которые сделали люди Цзилинь под руководством Коммунистической партии Китая для борьбы с японским завоеванием за национальную независимость, против феодальной автократии и диктатуры Чан Кайши. Она демонстрирует вклад народа Цзилинь в создание Китайской Народной Республики».

В целом экспозиции Музея провинции Цзилинь выражают идею единства исторического развития Китая, его центра и регионов. При этом материалы музея показывают историческое своеобразие Цзилинь. Отмечается, что с историей региона связана деятельность многих народов, таких как ханьцы, сушени, фуюй, сяньби, когурё, мохэ, бохай, кидани, чжурчжэни, монголы, маньчжуры. В прежние эпохи они оказали заметное влияние на развитие различных областей Северо-Восточной Азии. Материалы музея показывают, что центральные территории провинции Цзилинь (между городами Цзилинь и Фуюй, а также бассейн среднего течения реки Сунгари) имели особое историческое значение как центр зарождения династий чжурчжэней и маньчжуров. Это был одновременно и источник исторических влияний,

и территория кросс-культурного взаимодействия. Отметим, что и в настоящее время Цзилинь, как и весь Северо-Восточный Китай, вполне убедительно стремится представить себя как «перекрёсток народов», центр международного сотрудничества в масштабах Северо-Восточной Азии.

Приведённый обзор не может быть полным и подробным, но автор надеется, что он окажется полезен для читателей. Изучение материалов по истории Северо-Восточного Китая является одним из традиционных направлений работы российских историков, которое успешно поддерживается до настоящего времени [5; 6]. Кроме этого, прошлое Цзилинь содержит немало сведений, ценных для понимания истории Дальнего Востока России. Археологические свидетельства развития древних культур, история эпохи палеометалла в регионе, формирование государственных образований и связи с цивилизациями Восточной Азии, политика династий Мин и Цин в отношении северо-востока, хозяйственное освоение и развитие Цзилинь в XIX–XX веках и многое другое — это предметы, которые представляют несомненный интерес для исследователей регионов Северо-Восточной Азии.

Список использованных источников

1. История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. : в 5-ти кн. Кн. 1 : Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII – начало XX в.) / АН СССР, Дальневост. науч. центр, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока. — Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1987. — 422 с.
2. История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. : в 5-ти кн. Кн. 2 : Северо-Восточный Китай, 1917–1949 гг. / АН СССР, Дальневост. науч. центр, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. — Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1989. — 349 с.
3. История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. : в 5-ти кн. Кн. 3 : Северо-Восточный Китай в 1945–1978 гг. / Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока. — Владивосток : Дальнаука, 2004. — 338 с.
4. История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. : в 5-ти кн. : Кн. 4 : Северо-Восточный Китай в 1979–1999 гг. / Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока. — (в печати).
5. История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. : в 5-ти кн. Кн. 5 : Северо-Восточный Китай в период возрождения старопромышленной базы / Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока. — Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2018. — 354 с.
6. Крадин, Н. Н. История киданьской империи Ляо (907–1125) / Н. Н. Крадин, А. Л. Ивлиев. — Москва : Наука : Вост. лит., 2014. — 350 с.
7. Jilin Provincial Museum : [Музей провинции Цзилинь] : [сайт музея]. — URL: // <http://jilmuseum.org/en>. — Текст : электронный.

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 19.11.2019.

Сведения об авторе: Постников Валерий Валентинович, сотрудник Учебно-методического отдела Тихоокеанского высшего военно-морского училища имени С. О. Макарова (г. Владивосток).

Контактные данные: e-mail: postnikoff@mail.ru; тел. 8-924-734-83-61.

БАУБЕКОВА СВЕТЛАНА АЛЬБЕРТОВНА

К ИСТОРИИ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИНЖЕНЕРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В ГДУ, ДВГУ И ДВПИ (на материалах фонда редких изданий Научной библиотеки)

В обзорной статье рассмотрены рукописные и типографские учебные и научные издания преподавателей инженерных специальностей Государственного дальневосточного университета, Дальневосточного государственного университета и Дальневосточного политехнического института, как уникальные исторические источники по созданию новых учебников и обеспечению учебной информацией образовательного процесса в период развития дальневосточной инженерной школы 20-х – 30-х годов XX века.

Ключевые слова: редкие издания по инженерным специальностям, учебные пособия 1920-х – 1930-х годов, Н. А. Агрономов, Д. Н. Невский, А. П. Бекеев, В. П. Вологдин, Г. К. Татур, Н. Н. Рыкалин, В. С. Пак, М. Я. Чернышёв, Е. И. Любарский, Б. С. Домбровский.

Keywords: rare editions on engineering specialties, the 1920s – 1930s study guides, N. A. Agronomov, D. N. Nevskii, A. P. Bekeev, V. P. Vologdin, G. K. Tatur, N. N. Rykalin, V. S. Pak, M. Ia. Chernyshev, E. I. Liubarskii, B. S. Dombrovskii.

В фонде редких изданий Научной библиотеки Дальневосточного федерального университета (НБ ДВФУ) находятся учебники, учебные пособия, сборники научных работ профессоров и преподавателей Государственного дальневосточного университета (ГДУ), Дальневосточного государственного университета (ДВГУ) и Дальневосточного политехнического института (ДВПИ) по математике, механике, геологии, гидрологии и другим инженерным специальностям. Они могут быть использованы в качестве исторических источников по вопросу обеспечения учебного процесса специализированной информацией в период становления инженерного образования на Дальнем Востоке и методике написания учебников в 1920–1930-е годы.

Университетская типография была создана при ГДУ в 1924 году. С самого начала своей работы в ней публиковались исследования профессоров на правах рукописи; издавались «Научные новости Дальнего Востока», «Труды ГДУ» в 14 сериях, которые включали такие области знаний, как техника, геология, горное дело [16, с. 85] и другие.

Профессиональной научной и учебной литературы для инженерных специальностей в 1920–1930-е годы во Владивостоке было очень мало. Из центральной России в этот период для владивостокских вузов поступало лишь незначительное количество [8], которое неспособно было полноценно представить все дисциплины, входящие в учебные программы. Например, по отчёту за 1926–1927 учебный год в библиотеку ГДУ для технического факультета было приобретено 238 наименований учебных пособий [5, с. 61]. Студенты в 1920–1930-е годы в основном занимались по конспектам, поэтому лекции лучших профессоров Государственного дальневосточного университета стенографировали и издавали в качестве учебных пособий [8]. С этой целью в ГДУ было учреждено студенческое издательство, выпустившее ряд лекций и пособий для занятий [5, с. 51]. В студенческом издательстве тиражировались лекции-конспекты преподавателей, написанные каллиграфическим почерком или напечатанные на пишущей машинке (при этом формулы, графики, рисунки, схемы, чертежи — рукописные). Такие издания считаются библиографической редкостью. Учебные рукописи поступали в библиотеку ГДУ с целью более полного обеспечения студентов учебной информацией. Среди рукописных учебников в фонде редких изданий Научной библиотеки ДВФУ находится написанная красивым почерком книга профессора Н. А. Агронома и научного сотрудника Н. П. Бобровникова «Краткое руководство по аналитической геометрии», изданная в 1925 году Владивостокским студенческим издательством ГДУ при Исполбюро К. К. С.

Данное учебное пособие было предназначено для студентов ГДУ, обучающихся на техническом и агроно-

мическом факультетах, для естественнонаучных специальностей. Теоретическая часть в нём была изложена Н. А. Агрономовым, а упражнения — Н. П. Бобровниковым. Рукопись содержит семь глав, в которых объяснение теоретического материала структурировано по параграфам (всего 39). После каждой главы даны упражнения (всего 100 заданий). Следует обратить внимание, что вначале к первым заданиям из каждой главы даётся подробное описание решения и разбор его выполнения, затем к упражнениям прикреплены только правильные ответы.

Если у некоторых преподавателей не было опыта разработки учебников, то в багаже профессора Н. А. Агронома уже имелись опубликованные работы, которые могли служить учебными пособиями. Николай Александрович Агрономов родился 12 октября 1886 года в городе Риге, в многодетной семье, его отец был ректором духовной семинарии [12]. Среднее образование получил в Риге и Вологде. Первая публикация «К теории непрерывных дробей» ученика 8 класса гимназии Н. А. Агронома появилась в журнале «Вестник опытной физики и элементарной математики» в 1905 году. Во время обучения на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета в выше-названном журнале было опубликовано четыре работы студента Н. А. Агронома. Его работа в высшей школе начинается в 1919 году, когда по представлению профессора Н. А. Шапошникова Н. А. Агрономов избирается доцентом Кубанского политехнического института, в том же году он был избран профессором математики Ставропольского сельскохозяйственного института [7, с. 8]. В августе 1923 года Николай Александрович принял приглашение Государственного дальневосточного университета и продолжил научно-педагогическую и административную работу на Дальнем Востоке. С 1925 года — заместитель ректора университета [13, с. 17]; проводил большую научно-методическую работу «на посту председателя Учебно-плановой комиссии по установлению и применению новых самостоятельных методов преподавания» [7, с. 9]. Отсюда его заинтересованность в написании современных учебных пособий как собственных, так и других преподавателей.

*Н. А. Агрономов,
Н. П. Бобровников.
Краткое руководство
по аналитической геометрии.*

Н. А. Агрономов умер от сердечного приступа в 1929 году. Перечень из 160 его научных работ и учебных пособий, а также неизданные прежде статьи были представлены в сборнике, посвящённом памяти профессора Николая Александровича Агронома, изданном по определению педагогического факультета и научно-плановой комиссии в 1930 году в «Трудах Дальневосточного государственного университета», серия 15, № 6. Наиболее интересны: вступительная лекция профессора Н. А. Агронома в ДВГУ «Ценность метода аналитической геометрии в выборе мирозерцания», «Этюды по новой геометрии треугольника», «Сборник упражнений на изучение свойств целого числа». Данный выпуск находится в фонде редких изданий Научной библиотеки ДВФУ.

Доцент ДВПИ З. И. Турчанинова считала профессоров Н. А. Агронома и Д. Н. Невского непревзойдёнными по мастерству лекторами. В лекциях Д. Н. Невского она отмечала блестящее изложение выводов, твёрдую логику суждений, «удивительное умение поставить вопрос перед аудиторией, ответ на который выяснял сущность поставленной задачи» [8]. Поэтому студенты ценили информативность их уроков и размножали эти лекции путём переписывания и перепечатывания.

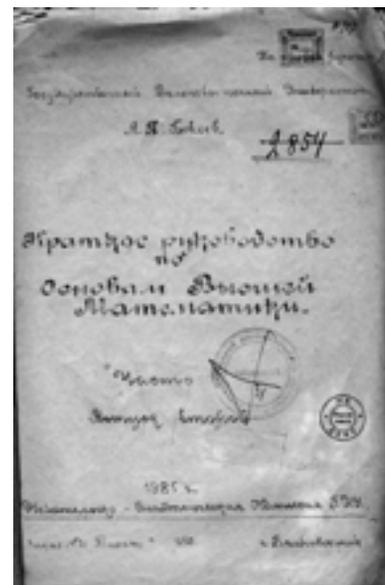
Наши современники в читальном зале редких изданий Научной библиотеки ДВФУ могут ознакомиться с рукописным учебником Д. Н. Невского «Исчисление конечных разностей» (Владивосток, 1930), размноженном на печатной машинке, все формулы записаны и графики составлены от руки. Учебник содержит пять глав, в которых даны понятия, правила конечного дифференцирования, рассмотрены основные положения, приведены основные теоремы и определения о конечных разностях, а также примеры и варианты решения задач, линейных уравнений и интегрирования дифференциальных уравнений, представлены графики функций. Д. Н. Невский наполнил учебник сведениями, которые не требовали поиска дополнительной информации в дополнительной литературе. Например, в главе «Интерполирование» выведена формула Лангранжа; дана оценка погрешности интерполяционной формулы. Информация последовательно структурирована по параграфам.

Дмитрий Николаевич Невский родился в 1873 году в дворянской семье. В 1899 году окончил Московский университет, в 1905-м — Константиновский межевой институт в Москве. В период 1907–1918 годы работал в Пулковской обсерватории. В период 1921–1923 годы — доцент Владивостокского политехнического института, читал лекции по высшей математике и высшей геодезии, затем был назначен профессором «по кафедре геодезии технического факультета ГДУ», заведующим кафедрой высшей математики. С 1930 года в ДВПИ была организована новая кафедра — геодезии и маркшейдерского дела, первым заведующим которой был назначен Д. Н. Невский [13, с. 75–76].

До наших дней сохранился рукописный учебник с автографом А. П. Бекеева «Краткое руководство по основам высшей математики», изданный тиражом по 250 экземпляров в двух выпусках издательско-снабженческой комиссией ГДУ во Владивостоке в 1925 году. Учебник был подготовлен с целью дать студентам Государственного дальневосточного университета «необходимый минимум теоретического материала, который установлен программой по курсу “Математика I” на 1925–26 ак. год. Руководство выпускается двумя половинами соответственно тому делению курса на две части, которое принято Учебно-плановой комиссией Г.Д.У. в порядке проведения лабораторно-группового метода занятий» [1]. Всего рукопись содержит 12 глав и 81 параграф.

Александр Петрович Бекеев родился 22 февраля 1887 года в Казани, в семье купца. В 1906 году окончил Первое Казанское реальное училище, в 1912-м — математическое отделение физико-математического факультета Казанского университета с дипломом первой степени, был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре прикладной математики в период 1913–1915 годы. В то же время преподавал в средних учебных заведениях Казани.

С 1918 до начала 1920 года служил в армии А. В. Колчака, с ней эвакуировался во Владивосток, где приступил к работе в мужской гимназии в должности директора. В 1920 году — доцент по кафедре математики в Педагогическом институте имени К. Д. Ушинского во Владивостоке. С 15 января 1923 года — преподаватель и декан педагогического факультета ГДУ. С 1930 года работал в ДВПИ, считался требовательным педагогом. До 1938 года Александр Петрович заведовал кафедрой математики ДВПИ. В своих воспоминаниях студенты отмечали, что он читал лекции несколько сухо, чётко, с идеальной записью на доске; любил, где была «возможность, объединять в специальные схемы окончательные выводы различных отделов математики» [8]. А. П. Бекеев был арестован 16 июля 1938 года, осуждён на три года исправительно-трудовых лагерей 23 февраля 1940 года; после освобождения жил в Томской области, преподавал в школе. Автор

А. П. Бекеев.
Краткое руководство по основам
высшей математики.

около 30 научных работ по математике. Реабилитирован 24 июля 1990 года [13, с. 24–25].

Одним из первых факультетов Владивостокского высшего политехникума, открытого в 1918 году, считается технический, на котором сварочную специальность организовал профессор В. П. Вологдин, впервые применивший электросварку на Дальзаводе. В декабре 1920 года он основал сварочную мастерскую [2, с. 23], где также занимались студенты. Так как всё было впервые, то и учебников по сварочному делу не было. «Работы, проводимые в то время В. П. Вологдиным, отличались новизной и смелостью инженерных решений. Размах научных исследований дает право говорить о создании Дальневосточной научной школы в области сварки» [3, с. 73]. Вот как о лекциях В. П. Вологодина отзывался выпускник ДВПИ 1930-х годов А. П. Бойцов: «Каждая его лекция — это частица его богатейшего инженерного опыта, умело передаваемого нам — студентам. Как правило, свои лекции он насыщал многочисленными примерами из производственной практики» [2, с. 69]. До наших дней дошёл один из первых рукописных учебников профессора В. П. Вологодина «Постройка первого электросварного катера на Дальзаводе», размноженный на печатной машинке во Владивостоке в 1931 году. В данной работе представлен состав бригады, отмечено, что необходимые навыки в отношении электрической сварки и газовой резки рабочим могут быть даны за 20–30 часов, подробно рассмотрены основные методы, этапы и трудности сборки первого сварного катера. В выводах дана оценка полученным результатам и сравнительный анализ отличий сварного катера от клёпаного катера. Наглядно в виде таблиц показаны расходы рабочего времени, электродов и электроэнергии, проанализированы дальнейшие этапы электросварного катеростроения на Дальзаводе.

*В. П. Вологдин.
Постройка первого
электросварного катера
на Дальзаводе.*

Виктор Петрович Вологдин родился 27 июля 1883 года в посёлке Кувинского завода Соликамского уезда Пермской губернии (ныне село Кува Пермской области). Окончил Пермское реальное училище, в 1906–1910 годах учился в Санкт-Петербургском политехническом институте императора Петра Великого, окончил электромеханическое отделение по специальности «инженер-электрик» [17, с. 97], был оставлен для подготовки к профес-

сорскому званию. В период 1909–1918 годов занимался в лаборатории паровых котлов, преподавал в Коммерческом училище. В 1911 году совершил командировку в Германию, Францию, Швецию для изучения турбостроения. В период 1914–1918 годов совмещал преподавательскую деятельность в Политехническом институте, Институте путей сообщения с работой в Главном управлении судостроения [17, с. 107]. В 1919 году с армией А. В. Колчака оказался во Владивостоке и его приказом был назначен техническим директором Дальзавода. Одновременно приступил к преподавательской работе во Владивостокском высшем политехникуме. В 1920 году на основе старой динамо-машины построил первый на Дальнем Востоке сварочный аппарат. С 1923 года — профессор кафедры тепловой механики, декан технического факультета ГДУ. В 1925–1928 годы — ректор ГДУ, в 1925 году создал первую в СССР лабораторию электродуговой и газовой сварки, сварочную мастерскую, что позволило ему «начать планомерную научно-исследовательскую работу по сварке с привлечением к ней других кафедр университета» [4, с. 4]. В это время его работа освещалась в «Трудах ГДУ», которые были доступны студентам и преподавателям.

В 1931 году для лаборатории электрической и газовой сварки типографией Дальневосточного государственного политехнического института тиражом 250 экземпляров была выпущена справочная брошюра «Система условных обозначений электросварных швов», в которой приведены примеры условных обозначений сварных швов по системе профессора В. П. Вологодина. До отъезда в Ленинград в 1933 году профессор и руководитель сварочной специальности в ДВПИ, технический директор Дальзавода В. П. Вологдин способствовал сближению образовательных процессов с производством [13, с. 39–40]. Например, руководитель кафедры и лаборатории сопротивления материалов профессор Сергей Анатольевич Данилов с бригадами студентов проводил испытания сварных ферм. Его ученики Г. К. Татура и Н. Н. Рыкалин исследовали вопросы прочности сварных соединений [2, с. 23]. Их пособия по электросварке сразу же размножались. Эти разработки были востребованы, поэтому одна из их работ, находящаяся в фонде редких изданий НБ ДВФУ, была издана в первом томе серии «Трудов института техники Дальневосточного филиала Академии наук СССР». Современные исследователи могут познакомиться с работой Г. К. Татура и Н. Н. Рыкалина «Методы расчета электросварных соединений» (Москва; Хабаровск, 1933). В этом издании дана попытка систематических обобщений известных в литературе 1930-х годов расчётных методов; кратко изложен метод, основанный на предположении о пластической работе швов; большое внимание уделено разработке методов расчёта, основанных на допущении упругой работы швов; намечены пути дальнейшего развития методов расчёта и

Г. К. Татур. Простейший расчёт сварных соединений
(страница из конспекта).

Н. Э. Баумана, заложил основы современной теории сварочных процессов [2, с. 23].

Большой вклад в развитие инженерного технического образования на Дальнем Востоке внёс выпускник ДВПИ Геннадий Кузьмич Татур. В 1930 году в «Трудах Дальневосточного государственного университета» была издана работа инженера-механика Г. К. Татура «К вопросу о расчёте опасного сечения однорогих крюков» (Владивосток; серия 13, № 15/1930) тиражом 500 экземпляров. Его конспект «Простейший расчёт сварных соединений» кратко излагает наиболее простые методы расчёта сварных соединений. Предназначен для студентов и соответствовал программе трёх специальностей ДВПИ, в рамках которых были проработаны данный материал с преподавателем в течение шести часов и дополнительно четырёхчасовая самостоятельная работа [11, с. 3]. Так как обложка не сохранилась, можно предположить, что машинописный текст с эскизами и 13 таблицами был отлитографирован в типографии ДВПИ в 1932 году [9]. В 1939 году Дальневосточным политехническим институтом на правах рукописи был отлитографирован машинописный текст книги Г. К. Татура «Дополнительные главы по курсу сопротивления материалов» (тираж 200 экземпляров). В предисловии автор обратил внимание на то, что работа написана с целью осветить основные вопросы типовой программы по сопротивлению материалов, которые недостаточно полно рассмотрены в учебниках того времени, но имеют существенное значение

соответствующих опытных исследований [10, с. 5].

Николай Николаевич Рыкалин родился 14 сентября 1903 года в г. Одессе. В 1929 году окончил технический факультет ГДУ. Свои исследования посвятил разработке теории тепловых процессов при сварке, работал инженером во Владивостоке. В 1937 году перевёлся в Московское высшее техническое училище имени

для правильного понимания методики расчёта на прочность частей машин и сооружений. Данные размноженные издания нашли своё место на библиотечных полках, откуда они были доступны студентам молодого Дальневосточного политехнического института.

Геннадий Кузьмич Татур родился 5 февраля 1902 года в г. Минске, в семье церковного служащего, дворянин. Учился в Минске, в 1918 году окончил с золотой медалью Казанское коммерческое училище [9]. В начале Гражданской войны служил конторщиком в армии Колчака. Прибыв во Владивосток, в 1919 году поступил на технический факультет ГДУ, который окончил в 1927 году по специальности «инженер-механик», оставлен в ГДУ на научной работе младшим ассистентом кафедры паровых котлов. Его дипломный проект «Применение электросварки в постройке паровых котлов высокого давления» разрабатывался под руководством В. П. Вологодина, был опубликован в 1929 году [13, с. 112–113] и стал доступен студентам в качестве учебного пособия. Данное издание долгое время являлось основной учебной информацией в этой области [2, с. 24]. Инженер Г. К. Татур совместно с профессором В. П. Вологодиным в монографии «Исследование электросварных соединений, применяемых при постройке паровых котлов» (Владивосток, 1929) осветили результаты лабораторных испытаний различных видов сварных соединений, а также показали целесообразность широкого применения сварного шва, имеющего коэффициент прочности более 100 процентов. В данной работе был обобщён и представлен отечественный и зарубежный опыт в области сварочного дела за период 1922–1927 годы. Эта работа также использовалась в учебном процессе ДВПИ.

В 1937 году Г. К. Татур был исключён из кандидатов ВКП(б) за родственную связь с «врагом народа» [15]. В 1939 году был избран по конкурсу в Криворожский горнорудный институт в качестве заведующего кафедрой сопротивления материалов и теоретической механики. В дальнейшем — профессор Белорусского политехнического института, заслуженный деятель науки и техники [13, с. 112–113].

В фонде редких изданий НБ ДВФУ находится книга основателя кафедры гидравлики ГДУ профессора М. Я. Чернышёва «Водопроводы в мерзлых грунтах» (Владивосток, 1925). Данная работа преподавателя ГДУ основана на результатах исследований научной литературы в области практических достижений, относящихся к решению вопросов водоснабжения в Сибири, при выполнении задач по прокладке трубопроводов в «вечной мерзлоте». Также в книге приведены опыты над водопроводами в мерзлых грунтах инженеров А. О. Скварченко, А. А. Сурина, профессора М. Я. Чернышёва в процессе строительства водопровода на станции Чесноково Амурской железной дороги.

Михаил Яковлевич Чернышёв родился 3 ноября 1880 года в Тамбовской губернии. В 1908 году окончил Берлинский политехнический институт по машиностроительному отделению. Работал на Дальнем Востоке. С 1922 года стал преподавать. В начале 1930-х годов доктор технических наук, профессор М. Я. Чернышёв создал свою школу инженерного мерзлотоведения [2, с. 35].

С открытием Владивостокского высшего политехникума в 1918 году на Дальнем Востоке началась подготовка специалистов с высшим горным образованием. Студенты горного отделения также испытывали недостаток учебников по своей специальности. И здесь им помог Витольд Степанович Пак, выпускник горного факультета Томского технологического института. Он родился 10 августа 1888 года в семье лесничего Суванской губернии. С 1919 года работал в Приморском горном округе на различных должностях. В то же время преподавал на горном отделении технического факультета ГДУ. В 1934 году профессор В. С. Пак переехал в Москву [13, с. 86]. В фонде редких изданий НБ ДВФУ сохранилась книга профессора, горного инженера В. С. Пака «Атлас чертежей. Горная механика. Часть III. Рудничные вентиляторы» (Владивосток, 1931). Издание Дальневосточного политехнического института было выпущено тиражом 800 экземпляров. В нём представлено 70 чертежей, схем, таблиц, графиков и изображений.

В развитии горного факультета ДВПИ также активное участие принимал профессор Е. И. Любарский, приехавший во Владивосток в 1919 году. Его ученик О. Б. Максимов в своих воспоминаниях отмечал, что беседы с профессором, «его рассказы о казанской школе химиков были очень поучительны и способствовали» увлечению студентов исследовательской работой [13, с. 68].

В фонде редких изданий находится книга профессора Е. И. Любарского «Технический анализ образца Камчатской нефти» («Труды Государственного дальневосточного университета»; серия 7, № 7/1928). В данном исследовании даны сведения о камчатской экспедиции к реке Богачёвке, организованной на средства Дальпромбюро в 1923 году. Экспедицию по поиску нефти возглавлял геолог П. И. Полевой. В книге даны сведения о положительных результатах технического анализа образцов нефти (№ 1 — просочившейся в воду; № 2 — отжатой из глины), образцов нефтяного песка и нефтяной глины Богачёвского месторождения нефти и рекомендации дальнейшего исследования Камчатки и Сахалина. По мнению специалистов, книга не утратила своей актуальности до нашего времени.

Евгений Иванович Любарский — известный химик-органик, родился 12 февраля 1870 года в Варшаве в дворянской семье военного врача. В 1894 году окончил физико-математический факультет Казанского университета с дипломом первой степени. В 1919–1920 годах — исполняющий должность профес-

сора по кафедре химии Владивостокского политехнического института, в 1920 году организовал лабораторию органической химии. В январе 1930 года перевёлся в Нижегородский университет [13, с. 66–68]. В дальнейшем переехал в Москву, занимался изучением химизма растительных продуктов Дальнего Востока. Именем Любарского названа лиственница *Larix Lubariskii Sukacz.* Умер 28 мая 1944 года [6, с. 222].

Также в читальном зале редких изданий можно познакомиться с геологическими исследованиями профессора Б. С. Домбровского «Геологические наблюдения на полуострове Басаргина в окрестностях г. Владивостока», изданными с геологической картой в 1926 году в «Трудах Государственного дальневосточного университета», в серии 11, № 2. Это издание востребовано и современными студентами.

Борис Сергеевич Домбровский — геолог, специалист по палеонтологии и нефтяному делу, родился в 1887 году во Владивостоке в семье дворянина. Работал профессором, заведующим кафедрой палеонтологии в ГДУ, затем заведующим кафедрой исторической геологии и палеонтологии в ДВПИ, в 1932 году — профессор Дальневосточного горного института, заведующий кафедрой геологии и палеонтологии; был переведён в Москву, в Академию наук СССР [13, с. 47].

До наших дней сохранились некоторые рукописные учебные издания по архитектуре. Так, в данное время студенты кафедры архитектуры и градостроительства Инженерной школы ДВФУ в читальном зале редких изданий Научной библиотеки могут поработать с рукописными лекциями «История русской архитектуры. Лекция № 1, 2, 4» Сергея Васильевича Безсонова, профессора Московского архитектурного института, чьи работы до сих пор считаются актуальными и ценятся архитекторами-педагогами. Эти лекции были напечатаны на пишущей машинке и размножены типографским способом в 1934 году Объединением научно-технических издательств, сектором по подготовке к изданию стабильных учебников.

Раритетные учебные издания по инженерным специальностям, сохранившиеся в фонде Научной библиотеки ДВФУ, показывают примеры удачной методики написания учебников и учебной литературы в 20–30-е годы XX века. Среди разработок преподавателей и профессоров ГДУ, ДВГУ и ДВПИ находятся труды, учебные и методические пособия, конспекты лекций, дипломные проекты, сборники научных статей, монографии, справочники, способствовавшие подготовке инженерных кадров для молодой промышленности Дальнего Востока.

Таким образом, преподаватели инженерных специальностей ГДУ, ДВГУ и ДВПИ решали задачи обеспечения образовательного процесса учебной информацией через активную издательскую деятельность, используя различные типографии Владивостока, в том числе студенческое издательство университета.

Список использованных источников

1. Бекеев, А. П. Краткое руководство по основам высшей математики. Ч. 1, вып. 1 / А. П. Бекеев ; Гос. Дальневост. ун-т. — Владивосток : Издательско-Снабженческая комиссия Г.Д.У., 1925. — 133 с.
2. ДВПИ за 40 лет (1918–1958) : сб. ст. к сорокалетию института / Дальневост. политехн. ин-т ; [сост. И. В. Горбачев, В. В. Гуссов, Р. А. Гуткин и др.]. — Владивосток, 1958. — 72 с.
3. Наш Дальневосточный технический / Дальневост. гос. техн. ун-т. — Владивосток, 1993. — 165 с.
4. Овчаров, О. Д. Научно-практическая школа сварки В. П. Вологодина : дис. ... канд. техн. наук : с. 07.00.10 / О. Д. Овчаров ; Дальневост. гос. техни. ун-т. — Владивосток, 1999. — 183 с.
5. Отчёт за 1926–1927 год. / Дальневост. гос. техни. ун-т ; ред. А. П. Георгиевский. — Владивосток, 1928. — 66 с.
6. Русские ботаники (ботаники России – СССР) : биографо-библиограф словарь. Лаасимер-Мяздриков = *Botanicorum rossicorum lexicon biographo-bibliographicum: Laasimer-Miazdrikov* / сост. С. Ю. Липшиц ; отв. ред. В. Н. Сукачев. — Москва : Изд-во Московское о-во испытателей природы, 1952. — 617 с.
7. Сборник, посвященный памяти профессора Николая Александровича Агронома / А. П. Бекеев, П. П. Андронов. — Владивосток : Тип. ДВГУ, 1930. — 89 с. — (Труды Дальневосточного государственного университета. Серия 15, № 6).
8. Соловьёва, Н. В. Лекции в вузе: взгляд сквозь время (на примерах ГДУ и ДВПИ 1920–1930-х годов). — Текст : электронный // Власть книги: библиотека, издательство, вуз. — 2006. — № 6. — URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/11695953> (дата обращения: 01.08.2019).
9. Татур Геннадий Кузьмич. — Текст : электронный // Род фамилии Тутур [сайт]. — URL: <http://tatur.su/family/tatur-gennadiy-kuzmich/> (дата обращения: 19.08.2019).
10. Татур, Г. К. Методы расчета электросварных соединений = *Die methoden zur berechnung von schweissverbindungen* / Г. К. Татур, Н. Н. Рыкалин ; Дальневосточный филиал Академии наук СССР. — Москва ; Хабаровск : ОГИЗ ; Дальгиз, 1933. — 111 с. — (Труды института техники ; т. 1).
11. Татур, Г. К. Простейший расчет сварных соединений / Г. К. Татур. — [Владивосток], [1932 ?]. — 31 с.
12. Турмов, Г. П. Профессорские истории: история математическая. — Текст : электронный // Клуб директоров : электрон. версия журнал. — 2009. — Май. — № 121. — URL: http://bazar2000.ru/?view=page&page_id=2950 (дата обращения: 05.08.2019).
13. Турмов, Г. П. У истоков российской высшей технической школы на Дальнем Востоке (1918–1941) : материалы к биографиям / Г. П. Турмов, Н. В. Хисамутдинова. — Владивосток : Изд-во ДВГТУ, 2010. — 129 с.
14. Турмов, Г. П. Университетское образование в техническом вузе. Кн. 1 / Г. П. Турмов. — Владивосток : Изд-во «Уссури», 1997. — 364 с. — (100-летию ДВГТУ посвящается).
15. Хисамутдинова, Н. В. Власть и высшая школа Дальнего Востока в 1918–1930-е гг. — Текст : электронный // Территория новых возможностей. — 2015. — №1 (28). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vlast-i-vyshshaya-shkola-dalnego-vostoka-v-1918-1930-eg> (дата обращения: 06.03.2019). — Загл. с экрана.
16. Хисамутдинова, Н. В. Дальневосточная школа инженеров. К истории высшего технического образования (1899–1990 гг.) : монография / Н. В. Хисамутдинова. — Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2009. — 289 с.
17. Шевченко, В. Г. Сварщик Виктор Вологдин: история и современность / В. Г. Шевченко ; Дальневосточный государственный технический университет. — Владивосток : Изд-во ДВГТУ, 2004. — (Памятники истории).

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 05.11.2019.

Сведения об авторе: Баубекова Светлана Альбертовна, кандидат исторических наук, главный библиотекарь Научной библиотеки Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).
Контактные данные: e-mail: light_bau@mail.ru; тел. 8-924-233-06-65.

Информация для авторов

Общие требования к авторским материалам

Материалы для публикаций отбираются с учётом актуальности тематики, научно-практической значимости, логичности изложения текста в соответствии с профилем журнала и его стилем. Печатаются оригинальные материалы, не публиковавшиеся ранее, в виде статей, сообщений, аналитических обзоров, рецензий, библиографических указателей и списков.

Текст должен быть тщательно отредактирован, все цитаты и список использованных источников — выверены. Авторы несут ответственность за неточность воспроизведения приведённых экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих заимствованных сведений, а также за отсутствие или некорректность необходимых ссылок на работы других авторов.

Требования к содержанию и объёму

Объём рукописи не должен превышать 1,0 авт. л. (40 000 печатных знаков, включая знаки препинания, цифры и пробелы между словами, а также список использованных источников, таблицы, рисунки и фотографии). Статьи большего объёма могут разбиваться на части для публикации в двух и более номерах журнала.

Присланный в редакцию материал должен быть снабжён аннотацией, раскрывающей его содержание.

К статье должен прилагаться перечень ключевых слов, т. е. понятий, используемых в статье, на русском и английском языках.

Обязательно наличие цифрового фото автора (требования: портретное фото в формате JPEG с разрешением не менее 300 pixels) и краткого резюме автора, в котором должна быть указана следующая информация:

- фамилия, имя, отчество;
- занимаемая в настоящее время должность и место работы;
- учёная степень;
- учёное звание;
- контактный телефон (рабочий, мобильный);
- e-mail.

Технические требования к оформлению рукописи

Все таблицы, иллюстрации, рисунки и фотографии должны иметь порядковый номер и заголовок. Иллюстрации, рисунки, фотографии не включаются в текст, а предоставляются в виде отдельного приложения (рис. 1, рис. 2 и т. д.). В тексте на таблицу, иллюстрацию, рисунок и фотографию должна быть дана ссылка. Данные таблиц и рисунков не должны дублировать текст.

Цитаты тщательно сверяются с первоисточниками.

Рукопись должна быть тщательно вычитана. Обращаем внимание авторов на соблюдение ряда **требований при наборе текста**:

- Необходимость использования буквы ё.

- Правильное применения **дефиса** (-), **тире** (—) и **длинного тире** (—):

Дефис (-) — орфографический знак переноса, который разделяет части слова. Графически дефис короче тире. Он делит слово на

слоги при переносе на новую строку, а также делит части составных слов, например: юго-запад, Мамин-Сибиряк, Ростов-на-Дону. Также через дефис пишутся сокращения *о-во* (общество), *д-р* (доктор) и т. д. Дефис используется для присоединения некоторых приставок или частиц к слову: скажи-ка, по-английски. Через дефис пишутся частицы -то, -либо, кое-, -нибудь.

Дефис пишется слитно со словами как предшествующими ему, так и с последующими.

Тире (—) проставляется одновременным нажатием клавиш Ctrl+знак (-) в верхнем правом углу на дополнительной клавиатуре, а **длинное тире** (—) проставляется одновременным нажатием клавиш Ctrl+ Alt +знак (-) в верхнем правом углу на дополнительной клавиатуре.

Тире ставится между цифрами (без пробелов), например, 5–10; 2013–2014 годы, XIX–XX века. Пробелы ставятся в том случае, когда тире стоит между цифрой и словом, например: начало 2013 – конец 2014 года.

В остальных случаях ставится **длинное тире** (—), которое от окружающих слов отделяется пробелами.

При маркировании списка в тексте используются не дефисы, а только тире.

Оформление списка использованных источников

Список использованных источников является необходимым элементом оформления научной статьи. Основные правила составления списка:

- список помещается в конце статьи;
- в список не включаются источники, на которые нет ссылок в основном тексте и которые фактически не были использованы;
- в начале списка располагаются официальные документы (федеральные законы, указы президента, постановления, положения, приказы и т. д.). Внутри группы однотипных документов описание располагается по хронологии;
- далее — остальные источники в алфавитном порядке по фамилии автора или названия (если автор не указан);
- если в списке литературы есть источники на иностранных языках, то они располагаются после изданий на русском языке также в алфавитном порядке;
- в тексте ссылка на источник даётся с помощью цифры в квадратных скобках, соответствующей порядковому номеру источника в списке литературы: [5], [24, с. 7–8];
- нумерация в списке сквозная (от 1 до ***).

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

Электронная версия статьи присылается по электронной почте: volkotrubova.olga@yandex.ru.

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему Российского индекса научного цитирования. Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, редактировать и отсылать авторам на доработку или не принимать их к опубликованию.